

Всеволодъ Гаршинъ.

ТРЕТЬЯ КНИЖКА РАЗСКАЗОВЪ.

Очень коротенькій романъ. — Лягушка путешественница. — Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. — Сигналь. — Аясларское дѣло. — Петербургскія письма. — Статьи по художественной критикѣ. — Стихотворенія.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ и біографіи, написаной А. М. Скабичевскимъ.

Изданіе комитета «Общества для пособія нуждающимся литератерамъ и ученымъ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

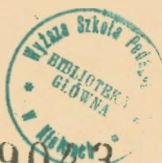
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1891.

WYKSZEJ SZKOŁY NAUCZYCIELSKIEJ
w Klucach, ul. Łódź 16

Zakład Filologii Rosyjskiej
WYKSZEJ SZKOŁY NAUCZYCIELSKIEJ
w Klucach, ul. Łódź 16

4145

99043

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	V
Біографія В. М. Гаршина	IX
Очень коротенькій романъ	1
Лягушка путешественница	11
Сказаніе о гордомъ Аггеѣ	21
Сигналь	39
Аясларское дѣло	55
Петербургскія письма	81
Статьи по художественной критикѣ:	
Вторая выставка «Общества выставокъ художе- ственныхъ произведеній»	107
Новая картина Семирадскаго «Свѣточи христіан- ства»	120
Императорская академія художествъ за 1876— 1877 учебный годъ	134
Замѣтки о художественныхъ выставкахъ	145
Стихотворенія	167

Фотомастер В. Киселев. С. Петербург. Контрактный дом. 3. 7.

M. T. ...

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Надежда Михайловна Гаршина и Евгеній Михайловичъ Гаршинъ, жена и братъ покойнаго В. М. Гаршина, пожертвовали въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» принадлежащія имъ части правъ на сочиненія В. М. Гаршина. Затѣмъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, была приобрѣтена у Георгія Михайловича Гаршина часть принадлежащихъ ему правъ на сочиненія покойнаго его брата и также принесена въ даръ «Обществу». Принося отъ имени «Общества» горячую благодарность жертвователямъ, комитетъ «Общества» рѣшился приступить къ изданію сочиненій В. М. Гаршина и прежде всего счелъ своимъ долгомъ выпустить настоящую третью книжку «Разказовъ В. М. Гаршина», чтобы такимъ образомъ дать возможность имѣть полное собраніе сочиненій покойнаго писателя всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя уже приобрѣли первыя двѣ книжки его разказовъ. Собранный въ этихъ трехъ томикахъ литературный матеріалъ ничѣмъ не будетъ до-

полненъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ «Сочиненій В. М. Гаршина», которыя могутъ появиться съ теченіемъ времени. Относительно статей, собранныхъ въ этой третьей книжкѣ «Разказовъ В. М. Гаршина», мы должны замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ раннему періоду литературной дѣятельности покойнаго писателя, а другія появляются въ томъ видѣ, какъ онѣ были первоначально напечатаны, хотя покойный В. М. Гаршинъ и думалъ ихъ пересмотрѣть и отдѣлать для отдѣльнаго изданія, но не успѣлъ. Мы не считали себя въ правѣ входить въ оцѣнку достоинства тѣхъ или другихъ изъ этихъ произведеній и только считали своей священной обязанностью откликнуться на голосъ читателей и друзей покойнаго писателя и дать этимъ лицамъ возможно полное собраніе его произведеній.

Вотъ перечень статей, вошедшихъ въ третью книжку «Разказовъ В. М. Гаршина»:

- 1) Очень коротенькій романъ («Стрекоза» 1878 г.).
- 2) Лягушка путешественница («Родникъ» 1886 г.).
- 3) Сказаніе о гордомъ Аггеѣ («Русская Мысль» 1886 г.).
- 4) Сигналь («Сѣверный Вѣстникъ» 1887 г.).
- 5) Аяслярское дѣло («Новости» 1877 г.).
- 6) Петербургскія письма («Южный Край» 1882 г.).
- 7) Вторая выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній» («Новости» 1877 г.).

8) Новая картина Семирадскаго «Свѣточи христіанства» («Новости» 1877 г.).

9) Императорская академія художествъ за 1876—77 учебный годъ («Новости» 1877 г.).

10) Замятки о художественныхъ выставкахъ («Сѣверный Вѣстникъ» 1887 г.).

11) Три стихотворенія В. М. Гаршина (Изъ сборника «Памяти В. М. Гаршина»).

Къ издаваемой въ настоящее время третьей книжкѣ «Разказовъ В. М. Гаршина» приложены два портрета покойнаго писателя и біографія его, написанная А. М. Скабичевскимъ.

Свѣдѣнія о жизни Всеволода Михайловича Гаршина.

Первое и главное мѣсто изъ всѣхъ біографическихъ свѣдѣній о Всеволодѣ Михайловичѣ Гаршинѣ должно быть безспорно отведено его автобіографической запискѣ, данной имъ С. Аѳ. Венгерову въ концѣ 1884 года. Вотъ что сообщаетъ В. М.—чѣ въ этой запискѣ о своихъ предкахъ, родителяхъ и первыхъ годахъ своей жизни *):

«Родъ Гаршиныхъ—старинный дворянскій родъ. По семейному преданію, нашъ родоначальникъ, мурза Горша или Гарша, вышелъ изъ Золотой орды при Иванѣ III и крестился. Ему или его потомкамъ были даны земли въ нынѣшней Воронежской губерніи, гдѣ Гаршины благополучно дожили до нынѣшнихъ временъ и даже остались помѣщиками въ лицѣ моихъ двоюродныхъ братьевъ, изъ которыхъ я видѣлъ только одного, да и то въ дѣтствѣ. О Гаршиныхъ много сказать не могу. Дѣдъ мой, Егоръ Архиповичъ былъ человекъ крутой, жестокій и властный:

*) См. сборникъ «Красный цвѣтокъ», стр. 60.

порокъ мужиковъ, пользовался правомъ *primaе postis* и выливалъ кипятокъ фруктовыя деревья непокорныхъ однодворцевъ. Онъ судился всю жизнь съ сосѣдями изъ-за какихъ-то подтоповъ мельницы, и къ концу жизни сильно разстроилъ свое крупное состояніе, такъ что отцу моему, одному изъ четверыхъ сыновей и одиннадцати дѣтей, досталось только 70 душъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Страннымъ образомъ, отецъ мой былъ совершенною противоположностью дѣду: служа въ кирасирахъ (въ глуховскомъ полку) въ николаевское время, онъ никогда не билъ солдатъ; развѣ ужъ когда очень разсердится, то ударить фуражкой. Онъ кончилъ курсъ въ 1-й московской гимназіи и пробылъ года два въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; но потомъ, какъ онъ самъ говорилъ, «увлекся военной службой» и поступилъ въ кирасирскую дивизію. Квартировавъ съ полкомъ на Донцѣ и ѣздя съ офицерами по помѣщикамъ, онъ познакомился съ моею матерью Екатериною Степановною, тогда еще Акимовою, и въ 1848 году женился.

«Ея отецъ, помѣщикъ Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, отставной морской офицеръ, былъ человекъ очень образованный и рѣдко-хорошій. Отношенія его къ крестьянамъ были такъ необыкновенны въ то время, что окрестные помѣщики прославили его опаснымъ вольнодумцемъ, а потомъ—и помѣшаннымъ. Помѣшательство его состояло, между прочимъ, въ томъ, что въ голодъ 1843 года,

когда въ тѣхъ мѣстахъ чуть не полнаселенія вымерло отъ голоднаго тифа и цынги, онъ заложилъ имѣніе, занялъ денегъ и самъ привезъ «изъ Россіи» большое количество хлѣба, который и роздалъ голодавшимъ мужикамъ, своимъ и чужимъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ очень рано, оставивъ пятерыхъ дѣтей; старшая, моя мать, была еще дѣвочкой, но его заботы о воспитаніи ея принесли плоды, и послѣ его смерти по прежнему выписывались учителя и книги, такъ что ко времени выхода замужъ моя мать сдѣлалась хорошо образованной дѣвушкой, а по тогдашнему времени и для глухихъ мѣсть Екатеринославской губерніи даже рѣдко образованной.

«Я родился третьимъ (въ имѣніи бабушки, въ Бахмутскомъ уѣздѣ) втораго февраля 1855 года, за двѣ недѣли до смерти Николая Павловича. Какъ сквозь сонъ помню полковую обстановку, огромныхъ рыжихъ коней и огромныхъ людей въ латахъ, бѣлыхъ съ голубымъ колетахъ и волосатыхъ каскахъ. вмѣстѣ съ полкомъ мы часто переѣзжали съ мѣста на мѣсто; много смутныхъ воспоминаній сохранилось въ моей памяти изъ этого времени, но рассказать я ничего не могу, боясь ошибиться въ фактахъ. Въ 1858 году отецъ, получивъ наслѣдство отъ умершаго дѣда, вышелъ въ отставку, купилъ домъ въ Старобѣльскѣ, въ 12 верстахъ отъ котораго было наше имѣніе, и мы стали жить тамъ. Во время освобожденія крестьянъ отецъ участвовалъ въ харьковскомъ комитетѣ членомъ отъ Старобѣльскаго уѣзда. Я въ

это время выучился читать; выучилъ меня по старой книжкѣ «Современника» (статьи не помню) нашъ домашній учитель П. В. Завадскій, впоследствии сосланный—за безпорядки въ харьковскомъ университетѣ — въ Петрозаводскъ и теперь уже давно умершій.

«Пятый годъ моей жизни былъ очень бурный: меня возили изъ Старобѣльска въ Харьковъ, изъ Харькова въ Одессу, оттуда въ Харьковъ и назадъ въ Старобѣльскъ (все это на почтовыхъ, зимою, лѣтомъ и осенью); нѣкоторыя сцены оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и, быть можетъ, слѣды на характерѣ. Преобладающее на моей физиономіи печальное выраженіе, вѣроятно, получило свое начало въ эту пору».

Уже въ этомъ нѣжномъ возрастѣ В. М.—чѣ началъ обнаруживать свойства, которыя привлекали всѣхъ знавшихъ его, впоследствии. Такъ уже тогда, по словамъ брата его онъ «былъ необыкновенно красивъ, добрѣ, кротокъ и пользовался общей любовью всѣхъ окружающихъ» *). Ему было четыре года, когда однажды, при выходѣ изъ церкви, къ матери его подошелъ незнакомый старикъ, и замѣтилъ, восхищаясь мальчикомъ:

— Вашъ сынъ удивительно хорошъ, но эта красота не ангельская: болѣе всего онъ напоминаетъ мнѣ Іоанна Крестителя, какъ его изображаютъ съ

*) «Родникъ». 1888, № 6, стр. 559.

агнищемъ. Я именно такого видѣлъ за границей, въ Дрезденской галлерей.

Въ особенности прекрасны были его глаза—большіе, свѣтлокаріе. съ длинными рѣсницами. Уже съ дѣтства свѣтились въ нихъ и доброта, и кротость, и какая-то грусть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ первые годы его жизни обнаружили въ ребенкѣ крайняя чуткость нервовъ, впечатлительность и чувствительность. Такъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ брата въ «Родникѣ» мы читаемъ, что въ Старобѣльскѣ, гдѣ жила семья Гаршиныхъ во время крымской войны, постоянно смѣнялись квартировавшіе тамъ кавалерійскіе полки. Въ домѣ Гаршиныхъ часто бывали офицеры, защитники Севастополя, и рассказы о всѣхъ ужасахъ и подвигахъ севастопольской обороны не прерывались. Жадно прислушивался ребенокъ къ этимъ рассказамъ и такъ наэлектризовался ими, что у него явилось серьезное намѣреніе идти на войну. Нѣсколько разъ собирался онъ въ дорогу: заказывалъ повару на дорогу пирожки, собиралъ бѣлье въ узелокъ, надѣвалъ его на плечи и являлся прощаться съ домашними. Эти прощанія доводили его до горькихъ слезъ и послѣ немалыхъ увѣщаній онъ соглашался отложить походъ до утра. Проснувшись утромъ, онъ забывалъ о вчерашнемъ, но черезъ нѣсколько времени снова начинались тѣ же сборы на войну.

Согласно со всѣмъ этимъ вспоминаетъ о дѣтскихъ годахъ В. М.—ча и дядя его, В. С. Акимовъ *).

*) «Красный цвѣтокъ», стр. 10.

ворить онъ—познакомился съ Всеволодомъ въ маѣ 1857 года. Ему было два года. Это былъ забавный бутузъ, только-что начавшій болтать, общій баловень въ семьѣ. Когда онъ начиналъ капризничать, нашъ старый лакей, Дмитрій, пугалъ его «Грицкомъ», и этотъ фантастическій Грицко приводилъ ребенка въ такой ужасъ, что, при одномъ произнесеніи страшнаго имени, онъ глоталъ слезы и утихалъ. Помню, что онъ любилъ молиться Богу и усердно поминалъ «дѣдаку» и «бабаку» (дѣдушку и бабушку). Часто онъ изображалъ святогорскаго іеродіакона и, надѣвъ на себя простыню въ видѣ мантии, съ линейкой въ рукѣ, изображавшей свѣчу, прохаживался по комнатамъ, возглашая: «Возстаните!» Позже, въ началѣ 1860 г., онъ пріѣзжалъ съ матерью ко мнѣ въ Одессу, куда я только-что возвратился изъ лондонскаго плаванія на пароходѣ «Веста» (впослѣдствіи знаменитомъ). Это былъ уже пятилѣтній мальчикъ, очень кроткій, серьезный и симпатичный, носившійся постоянно съ «Міромъ Божьимъ» Разина, который онъ оставлялъ только ради излюбленнаго имъ рисованія. У меня до сихъ поръ сохраняются мои замѣтки о плаваніи, совершенно имъ испорченныя изображеніями на каждой страницѣ «Весты».

Здѣсь встрѣчается маленькое противорѣчіе между сообщеніями дяди и племянника. Такъ, по свидѣтельству В. М—ча, читать выучился онъ во время освобожденія крестьянъ, слѣдовательно, около 1861

года; у А. Акимова же мы читаемъ, что уже въ началѣ 1860 года онъ видѣлъ племянника постоянно съ «Міромъ Божьимъ въ рукахъ». Свидѣтельство А. С. Акимова заслуживаетъ бѣльшаго вѣроятія, какъ воспоминаніе, принадлежащее къ зрѣлому уже возрасту, да и откуда же иначе могло бы вѣзаться въ его памяти представленіе мальчика съ книгою въ рукахъ. Гаршинъ же могъ и сбиться въ годахъ, вспоминая о такомъ нѣжномъ возрастѣ, и къ тому же неизвѣстно, какъ понималъ онъ освобожденіе крестьянъ: появленіе ли манифеста, или вообще весь актъ, начавшійся, какъ извѣстно, съ 1858 года?

Какъ бы то ни было, но съ пятилѣтняго возраста мы видимъ уже В. М.—ча грамотнымъ, и, какъ ребенокъ крайне любознательный, онъ съ жадностью набросился на книги, сразу раскрывшія передъ нимъ цѣлый невѣдомый ему міръ. Вотъ какъ вспоминаетъ онъ о періодѣ своей жизни съ пяти и восьми лѣтъ *):

«Старшихъ братьевъ отправили въ Петербургъ; матушка поѣхала съ ними, а я остался съ отцомъ. Жили мы съ нимъ то въ деревнѣ, въ степи, то въ городѣ, то у одного изъ моихъ дядей въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Никогда, кажется, я не перечиталъ такой массы книгъ, какъ въ три года жизни съ отцомъ, отъ пяти до восьмилѣтняго возраста. Кромѣ разныхъ дѣтскихъ книгъ (изъ которыхъ особенно

*) «Кр. цвѣт.», стр. 62.

памятенъ мнѣ превосходный «Миръ Божій» Разина), я перечиталъ все, что могъ едва понимать изъ «Современника», «Времени» и другихъ журналовъ за нѣсколько лѣтъ. Сильно на меня подѣйствовала Би-черъ-Стоу («Хижина дяди Тома» и «Жизнь не-гровъ»). До какой степени свободенъ былъ я въ чтеніи, можетъ показать фактъ, что я прочелъ «Соборъ парижской Богоматери» Гюго въ семь лѣтъ и, перечитавъ его въ 25, не нашелъ ничего новаго, а «Что дѣлать» читалъ по книжкамъ въ то самое время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости. Это раннее чтеніе было, безъ сомнѣнія, очень вред-но. Тогда же я читалъ Пушкина, Лермонтова («Ге-рой нашего времени» остался совершенно непонят-нымъ, кромѣ Балы, о которой я горько плакалъ), Гоголя и Жуковскаго».

Вотъ все, что намъ извѣстно о первомъ періодѣ жизни В. М—ча, о годахъ дѣтства, проведенныхъ имъ въ провинціи. На девятомъ году послѣдовалъ полный переворотъ въ его жизни: онъ былъ пере-везенъ въ столицу и вслѣдъ затѣмъ отданъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій. Вотъ какъ самъ онъ вспоминаетъ объ этомъ событіи, равно какъ о сво-ихъ гимназическихъ годахъ *):

«Въ 1863 году матушка пріѣхала за мною изъ Петербурга и увезла съ собою. 15-го августа въѣхали мы въ него послѣ путешествія изъ Старо-

*) «Кр. цвѣт.», стр. 62—64.

обльска до Москвы на перекладныхъ и отъ Москвы по желѣзной дорогѣ; помню, что Нева привела меня въ неописанный восторгъ (мы жили на Вас. остр.), и я началъ даже съ извожика сочинять къ ней стихи съ приемами «широка» и «глубока». Съ тѣхъ поръ я—петербургскій житель, хотя часто уѣзжалъ въ разныя мѣста.

«Въ 1864 году меня отдали въ 7-ю спб. гимназію, въ 12 линіи Вас. остр. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особенною лѣнностью: много времени уходило на постороннее чтеніе. Во время курса я два раза болѣлъ и разъ остался въ классѣ по лѣности, такъ что семилѣтній курсъ для меня превратился въ десятилѣтній, что впрочемъ, не составило для меня большой бѣды, такъ какъ я поступилъ въ гимназію 9 лѣтъ. Хорошія отмѣтки я получалъ только за русскія «сочиненія» и по естественнымъ наукамъ, къ которымъ я чувствовалъ сильную любовь, не умершую до сихъ поръ, но не нашедшую себѣ приложенія. Математику искренно ненавидѣлъ, хотя трудна она мнѣ не была, и старался, по возможности, избѣгать занятій ею. Наша гимназія въ 1866 году была преобразована въ реальную гимназію и долго служила образцовымъ заведеніемъ для всей Россіи (теперь она 1-е реальное училище). Мнѣ рѣдко случалось видѣть воспитанниковъ, которые сохранили бы добрую память о своемъ учебномъ заведеніи; что касается до 7-й гимназіи, то она оставила во мнѣ самую дружелюб-

ныя воспоминанія. Къ В. О. Эвальду (директоръ въ мое время, директоръ и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошія чувства. Изъ учителей я съ благодарностью вспоминаю В. П. Геннинга (словесность) и М. М. Оедорова (ест. исторія); послѣдній былъ превосходный человѣкъ и превосходный учитель, къ сожалѣнію, погубленный рюмочкой. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Начиная съ 4-го класса, я началъ принимать участіе (количественно, впрочемъ, весьма слабое) въ гимназической литературѣ, которая одно время у насъ пышно цвѣла. Одно изъ изданій, «Вечерняя газета», выходило еженедѣльно аккуратно въ теченіе года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью «Агасферъ»), пользовались успѣхомъ. Тогда же я подъ вліяніемъ «Иліады» сочинилъ поэму (гекзаметромъ) въ нѣсколько сотъ стиховъ, въ которой описывался нашъ гимназическій бытъ, преимущественно—драки.

«Будучи гимназистомъ, я только первые три года жилъ въ своей семьѣ. Затѣмъ мы съ старшими братьями жили на отдѣльной квартирѣ (имъ было тогда 16 и 17 лѣтъ); слѣдующій годъ прожилъ у своихъ дальнихъ родственниковъ, потомъ былъ пансіонеромъ въ гимназіи; два года жилъ въ семьѣ знакомыхъ петербургскихъ чиновниковъ и наконецъ былъ принятъ на казенный счетъ. Передъ концомъ курса я выдержалъ тяжкую болѣзнь, отъ которой

едва спасся послѣ полугодоваго лѣченья. Въ это же время застрѣлился мой второй братъ».

Вопреки свидѣтельству В. М—ча о томъ, что онъ учился въ гимназїи плохо, Я. В. Абрамовъ въ своемъ собранїи матеріаловъ для біографїи В. М. Гаршина *) утверждаетъ, что «учился В. М. хорошо и оставилъ самыя прїятныя воспоминанїя въ своихъ учителяхъ и воспитателяхъ». Противорѣчіе это очень легко разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что В. М—чу могло казаться, что онъ учится плохо, просто потому, что при блестящихъ способностяхъ ему не приходилось на приготовленіе уроковъ тратить много времени; но это не мѣшало ему производить на учителей впечатлѣніе отличнаго ученика. Будучи любимцемъ гимназическаго начальства, онъ пользовался общею симпатїею и со стороны товарищей. «Среди товарищей, по словамъ Я. В. Абрамова, онъ съ первыхъ же лѣтъ прїобрѣлъ много друзей, съ которыми и поддерживалъ затѣмъ самыя задушевыя отношенїя до самой смерти. Въ томъ возрастѣ въ немъ уже ярко проявлялись всѣ тѣ прелестныя черты его характера, которыя позднѣе невольно очаровывали и покоряли всякаго, имѣвшаго съ нимъ какое-либо дѣло: его необычайная мягкость въ отношенїяхъ къ людямъ, глубокая справедливость, уживчивость, строгое отношеніе къ себѣ, скромность, отзывчивость на горе и радость ближняго и многое другое».

*) Памяти В. М. Гаршина, худ.-лит. сб., стр. 2.

Вотъ что сообщаетъ о Гаршинѣ, какъ гимназистѣ, товарищѣ его, М. Малышевѣ, знавшій его съ 1865 года, когда Гаршинъ перешелъ изъ перваго класса во второй *):

«Онъ былъ мальчикъ необыкновенно скромный, но веселый, уживчивый и чудесный товарищъ, и хотя я не отличался всѣми этими качествами, но мы съ нимъ подружились и до самой трагической кончины Гаршина жили душа въ душу. Разъ только нашла тучка на нашу дружбу, да и то кругомъ былъ виноватъ я, и Вс. Мих. разсердился больше по принципу. Я былъ пансіонеромъ, а Вс. Мих. приходившимъ; насъ, пансіонеровъ, кормили не важно, а для здороваго, сильнаго шалуна даже очень мало, почему я частенько бывалъ впроголодь. Гаршинъ же, приходя въ училище ежедневно, приносилъ съ собою завтракъ,—и вотъ разъ, въ особенно плохую минуту, я напалъ на него, отнялъ завтракъ и съѣлъ. Это грубое насиліе страшно возмутило Вс. М—ча и мнѣ стоило большихъ усилій, признавъ всю неблаговидность моего поступка, примириться съ нимъ. Это—наша единственная ссора за всѣ 23 года дружбы.

«Частенько, вспоминая годы дѣтства и дойдя до этого эпизода, В. М—чъ не могъ не прибавить: «а все же, сознайся, это было подло!».

«Изъ всѣхъ знавшихъ покойнаго В. М—ча врядъ ли найдется кто, могущій сказать дурное объ этомъ

*) *ibid.*, стр. 124.

глубоко честномъ, миломъ и хорошемъ человѣкѣ». Вмѣстѣ съ нравственными уже въ гимназическіе годы начали обнаруживаться въ В. М—чѣ и тѣ умственные качества, которыя поражали всѣхъ знавшихъ его: его вдумчивое отношеніе ко всему видѣнному, слышанному и читанному, способность быстро схватывать сущность дѣла и находить разрѣшеніе вопроса, видѣть въ предметѣ тѣ стороны, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія другихъ, оригинальность выводовъ и обобщеній, способность быстро и легко приискивать доводы и аргументы въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній, умѣнье находить связь и зависимость между предметами какъ-бы они затемнены ни были и пр.

Вотъ въ какомъ видѣ изображаетъ В. М—ча. Н. В. Рейнгардтъ, видѣвшій его въ началѣ 1866 года, т. е. когда Гаршину было еще всего 11 лѣтъ *):

«Помню, мнѣ нравились въ маленькомъ Всеволодѣ любознательность и основательное знаніе тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться. Онъ очень любилъ естественныя науки и сильно интересовался ими. Пользуясь полной свободой, проводя часто время со взрослыми, онъ не былъ похожъ на тѣхъ дѣтей, которыя любятъ корчить большихъ, вмѣшиваясь въ разговоры, резонерствовать. Ничего подобнаго у него не было. Онъ былъ добрымъ, милымъ ребенкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень умнымъ. Впрочемъ, я помню, какъ онъ однажды вмѣ-

*) «Кр. Цвѣт.», стр. 54—57.

шался въ разговоръ взрослыхъ, но это вмѣшательство было необходимо и вышло само собой. Какъ-то вечеромъ собралось у Екатерины Степановны нѣсколько знакомыхъ, между которыми были довольно извѣстные въ интеллигентныхъ кружкахъ лица. Мы съ Всеволодомъ сидѣли въ сторонѣ и о чемъ-то вполголоса толковали. По какому-то поводу одна дама, очень образованная и начитанная особа, задала вопросъ: почему такъ легко подымается якорь изъ воды, между тѣмъ какъ онъ такъ крѣпко держится на днѣ, что скорѣе лопнетъ во время бури якорная цѣпь, чѣмъ сдвинется корабль? Изъ присутствовавшихъ никто не могъ дать отвѣта; одинъ очень образованный господинъ замѣтилъ, между прочимъ, что надо спросить моряка. Услышавъ это, Всеволодъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ туда, гдѣ шелъ разговоръ объ якорѣ. — «Вотъ почему его такъ легко поднять», обратился онъ къ вопрошавшей особѣ, и затѣмъ объяснилъ весьма просто и наглядно способъ подъема якоря. Оказалось, что образованные люди, изучавшіе физику и много разъ вѣроятно видѣвшіе поднятіе якоря, не могли дать объясненія относительно очень простаго и обыкновеннаго явленія, которое объяснилъ гимназистъ 3-го или 4-го класса (на самомъ дѣлѣ втораго).

«В. М.—чѣ, насколько я успѣлъ замѣтить, былъ исполнѣ самостоятельной натурой. Эта самостоятельность, какъ мнѣ казалось тогда, выражалась въ томъ, что на него не имѣла никакого вліянія окружающая

обстановка. Вообще дѣти, которымъ предоставлена полная свобода, являются часто вѣрнымъ отраженіемъ всего окружающаго; они повторяютъ слова, фразы, которыя приходится имъ слышать, стараются интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересуются взрослые. В. М.—чѣ представлялъ, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи нѣчто особенное: онъ жилъ какъ будто въ другомъ мірѣ. Да и дѣйствительно, у него былъ свой маленькій мірокъ, который заключался въ книжкахъ, рисункахъ, различныхъ вещицахъ, небольшихъ естественно-историческихъ коллекціяхъ,—кажется, если не ошибаюсь, имъ самимъ составленныхъ,—и этотъ маленькій мірокъ сосредоточивалъ на себѣ все его вниманіе, всѣ его созерцательныя способности, отвлекая мысли отъ окружающихъ явленій».

Страсть къ естествознанію и наблюденіямъ явленій природы въ особенности проявлялась въ В. М.—чѣ лѣтомъ, въ деревнѣ. По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ по окрестностямъ, то собирая грибы, то возясь съ лягушками, ящерицами и жуками. Однажды онъ распоролъ брюхо лягушкѣ, разсмотрѣлъ ея внутренности, затѣмъ аккуратно зашилъ, приложилъ деревяннаго масла, обвязалъ тоненькимъ бинтикомъ, и лягушка послѣ этого ускакала *). Особенно же любилъ онъ составлять гербаріи. Страсть собирать растенія онъ сохранилъ до конца жизни.

Когда В. М.—чѣ былъ въ среднихъ классахъ гим-

*) См. «Родникъ» 1888 г., № 6, стр. 559.

нази, родные его переселились на югъ, и онъ сталъ жить въ семьѣ одного изъ товарищей по гимназiи В. И. Афанасьева, прiѣзжая на лѣтніе каникулы къ роднымъ въ Старобѣльскъ или въ Харьковъ, что продолжалось до 1877 года, до поступленiя его въ армію, при чемъ ему приходилось иногда путешествовать одному безъ провожатыхъ, даже 13-лѣтнимъ ребенкомъ. Въ это время онъ образовалъ съ нѣсколькими товарищами нѣчто въ родѣ общества для составленiя библіотеки. Средства на покупку книгъ добывались самыми разнообразными способами: собирались членскіе взносы и добровольныя пожертвованiя; туда же шли деньги, отпускаемые на завтракъ или выручаемыя отъ продажи въ мелочныя лавочки старыхъ тетрадокъ. Не было въ Петербургѣ букиниста, которому В. М—чъ со своими сочленами не надоѣли бы, розыскивая разрозненныя книги старыхъ журналовъ. Собранныя книги разрывались и изъ нихъ составлялись цѣлые романы, повѣсти и пр., и все это переплеталось экономическимъ способомъ: кое-что изъ переплетныхъ инструментовъ было пріобрѣтено, а остальное замѣнялось домашнею утварью *).

Въ старшихъ классахъ гимназiи начались уже, какъ мы выше видѣли, первыя попытки сочинять. Отъ этого времени сохранилось небольшое сочиненіе В. М—ча, поданное имъ въ 1872 году учителю словесности и обнаруживающее уже всѣ признаки

*) Сб. Памяти Г., стр. 6—8.

его таланта. Приводимъ цѣликомъ это первое, дѣтское проявленіе творчества В. М.—ча *).

СМЕРТЬ.

«Я прочелъ «Смерть» Тургенева и не могу не согласиться съ нимъ, что русскій человѣкъ умираетъ *удивительно*. Другаго слова и не подберешь. Припомните смерть Максима, обгорѣвшаго мельника, Авенира Сорокоумова—какъ они умирали: тихо, спокойно, какъ будто исполняя свою непремѣнную обязанность. И развѣ это не обязанность?»

Помню и я смерть близкаго мнѣ дорогого человѣка, Е. Ф. Ф. Часто, бывало, сажалъ онъ меня въ своей комнатѣ и заставлялъ слушать докучные рассказы о томъ, откуда происходитъ слово *серга* (не помню уже откуда, кажется, съ языка Фризовъ или Бетовъ), что ни одному филологу доподлинно неизвѣстно происхожденіе слова *хорошо*. Былъ онъ человѣкъ маленькій, крайне некрасивый, съ такимъ же землянымъ цвѣтомъ лица, какой былъ у Авенира Сорокоумова. Былъ онъ записнымъ филологомъ; писалъ диссертациі на магистра, ѣздилъ и къ Костомарову, и къ Срезневскому, которые признавали въ немъ глубоко-ученаго языковѣда. Умеръ Е. Ф.—и вся его ученость канула въ Лету. Но не въ томъ дѣло; я взялся описывать его смерть.

Е. Ф. страдалъ болѣзнию, погубившею много добрыхъ и умныхъ, сильныхъ и слабыхъ людей. Онъ страшно пилъ. Когда я жилъ вмѣстѣ съ нимъ на дачѣ въ 1866 году, однажды онъ попросилъ у меня пучокъ соломы; я принесъ. Е. Ф. молча перерѣзалъ ее въ трубочки вершка по три и спряталъ въ столъ. Скоро я узналъ, для какого страшнаго употребленія предназначаются эти трубочки; онъ тянулъ черезъ нихъ вино. Конечно, я утащилъ несчастную солому и забросилъ ее въ рѣку.

Это было лѣтомъ 1866 г., когда въ Петербургѣ и по его окрестностямъ страшно свирѣпствовала холера. Соломенки помогли ей убить Е. Ф. Онъ заболѣлъ, нашъ докторъ И. П. Б. вылечилъ его отъ холеры, но не спасъ отъ воспаленія въ кишкахъ и печени.

*) Ibid., стр. 6.

Черезъ мѣсяць послѣ начала болѣзни Е. Ф. пришлось очень плохо. Онъ умеръ въ сентябрѣ, въ дождливый вечеръ. Онъ лежалъ на постели; его густые волосы падали на липкій, зеленоватый лобъ, покрытый каплями пота. Тѣло исхудало страшно, на ребрахъ осталась одна кожа; на ногахъ и спинѣ были пролежни. На столикѣ предъ нимъ горѣли двѣ лампы (онъ уже жаловался на недостатокъ свѣта), стояли лекарства, лежали его любимыя нѣмецкія книжки, да тетрадь съ диссертацией. Я сидѣлъ въ углу комнаты и смотрѣлъ на сцену съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Какъ ни любилъ я моего Е. Ф., какъ ни былъ привязанъ къ нему, но зная, что черезъ четверть часа онъ умретъ, я уже не жалѣлъ о немъ. Это не была холодность или равнодушіе: я уже отпѣлъ и похоронилъ своего больного друга; передо мной лежалъ просто умирающій человѣкъ, а я видѣлъ смерть еще въ первый разъ. Надъ больнымъ склонился его другой другъ, бывший товарищъ. Далеко теперь ужъ онъ, за Атлантическимъ океаномъ, но какъ теперь помню его блѣдное, страдающее за больного лицо. Всѣ мои воспоминанія объ этомъ человѣкѣ касаются только смерти Е. Ф.

Больной лежалъ почти неподвижно, только губы шептали что-то, изрѣдка произнося слова. Его другъ уговаривалъ его причаститься. Е. Ф. жилъ атеистомъ и хотѣлъ умереть такъ, какъ жилъ. Послали за священникомъ; онъ пришелъ. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ въ широкой рясѣ, со строгимъ худымъ греческимъ профилемъ и симпатичнымъ лицомъ. Онъ наклонился надъ кроватью; Е. Ф. отрицательно покачалъ головой. «Не надо» — тихо произнесъ онъ. «Ужъ пора-бы» — сказалъ священникъ. Другъ бросился уговаривать больного, говоря, что четверть часа и онъ умретъ. Е. Ф. серьезно слушалъ сначала, потомъ на лицѣ его появилась широкая, добродушная улыбка. «Какой ты странный, Лева! всю жизнь былъ умнымъ человѣкомъ, а теперь глупости говоришь. Ну, умру,—ну, что же такое? Пора и на покой; жаль только — диссертацию не кончу». Все это онъ говорилъ шопотомъ; послѣднія слова были слышны только Левѣ и мнѣ (я подошелъ къ кровати). «Дописалъ-бы ты ее.. охъ, да вѣдь ты математикъ», какъ бы вспомнилъ онъ. Онъ замолчалъ; наступила долгая, томительная тишина.

Священникъ началъ исповѣдывать. «Уйдите, батюшка, пожалуйста; Лева, попроси батюшку уйти». «Да причастись ты, Бога ради, отца-то успокой!» Е. Ф. не отвѣчалъ, наконецъ онъ выговорилъ уже съ трудомъ: «Дайте свѣчку. темно.. уже пора зажигать». Подали свѣчей. Вдругъ больной оживился, приподнялся даже, схватилъ Леву за руку и сказалъ ему: «А если Reine Glaube...» Онъ не кончилъ и упалъ мертвый на подушку. Я заплакалъ. Лева зарыдалъ, какъ ребенокъ... Священникъ какъ-то странно смутился и поспѣшно сталъ снимать съ себя эпитрахиль. На лицѣ мертваго осталось странное выраженіе; ни испуга, ни боли душевной, ничего на немъ не было: оно было спокойно

...И страненъ

Былъ томный ликъ его чела.

Его похоронили на Волковомъ кладбищѣ. Отцу написали, что сынъ умеръ, какъ христіанинъ. На могилѣ поставили маленькій памятникъ, окруженный другими, подъ которыми лежатъ люди, умершіе такимъ же страннымъ образомъ, какъ Е. Ф. Также умерли и тургеневскіе Максимъ, мельникъ, Авениръ, старушка-помѣщица. Ни бравурства, ни горести, ни страха не увидите вы на лицѣ умирающаго русскаго человѣка: въ послѣднюю минуту жизни онъ будетъ заботиться о своихъ дѣлахъ, о какой-нибудь коровѣ, о томъ, чтобы заплатить священнику за свою отходную. Вѣрующій былъ человѣкъ—онъ, точно, обрядъ надъ собой совершить; невѣрующій умереть въ большинствѣ случаевъ безъ сознательнаго раскаянья, не отступивъ отъ того, за что онъ стоялъ передъ самимъ собой всю жизнь, что досталось ему послѣ тяжелой борьбы».

На этомъ сочиненіи учитель словесности выставилъ отмѣку 4^{1/2}.

Въ концѣ 1872 года начали обнаруживаться у В. М.—ча признаки того психическаго недуга, о которомъ онъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ. Болѣзнь началась съ того, что онъ обратилъ квартиру старшаго брата Виктора въ средоточіе разнообразныхъ естественнонаучныхъ занятій

и опытовъ, всецѣло погрузившись въ нихъ и придавая имъ міровое значеніе; занялся, между прочимъ, гальванопластикой, устройствомъ химической лабораторіи, проведеніемъ въ квартиру газа и мног. др. Увѣренный въ чрезвычайной важности своихъ занятій, онъ увлекъ ими и многихъ изъ своихъ товарищей; всѣмъ и каждому изъ взрослыхъ разъяснялъ значеніе своихъ затѣй и въ особенности энергично нападалъ на директора гимназіи, желая и его привлечь на свою сторону. Его странности, крайнее нервное возбужденіе, припадки, наконецъ, обратили на себя общее вниманіе и заставили помѣстить его въ больницу св. Николая. Здѣсь онъ первое время велъ себя сравнительно спокойно и пользовался полной свободой, перевезъ сюда свою лабораторію и всѣ инструменты, задумалъ у другихъ больныхъ учиться музыкѣ, англійскому языку, говоря, что и во время леченія нельзя терять даромъ время. Скоро, однако, недугъ его усилился. Болѣзнь шла crescendo и въ началѣ 1873 года онъ былъ уже на столько боленъ, что къ нему не всегда пускали навѣщавшихъ его. Иногда на него находили минуты просвѣтлѣнія и онъ вспоминалъ все, что дѣлалъ въ періоды безумія. Мало-по-малу здоровье его возстановилось. Оставались лишь первые припадки по ночамъ. Тогда его помѣстили въ лечебницу д-ра Фрея, гдѣ разумное леченіе оправило его, и лѣтомъ 1873 года онъ совершенно выздоровѣлъ *).

*) Сб. Пам. Г., стр. 9—10.

Въ слѣдующемъ 1874 году В. М—чъ успѣшно окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ Горный институтъ. Вотъ какъ объясняетъ свое поступленіе въ это техническое училище въ своей автобіографической запискѣ *):

«Не имѣя возможности **) поступить въ университетъ, я думалъ сдѣлаться докторомъ. Многіе изъ моихъ товарищей (предыдущихъ выпусковъ) попали въ медицинскую академію и теперь доктора. Но какъ разъ ко времени моего окончанія курса Д—въ подалъ записку покойному государю, что вотъ, молъ, реалисты поступаютъ въ медицинскую академію, а потомъ проникаютъ изъ академіи въ университетъ. Тогда было приказано реалистовъ въ доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь изъ техническихъ заведеній: я выбралъ то, **гдѣ** поменьше математики—Горный институтъ»...

Въ институтѣ В. М—чъ удѣлялъ горнымъ наукамъ лишь столько времени, сколько было это необходимо, чтобы слѣдить за курсомъ. Главное же вниманіе его было теперь обращено на развитіе своего таланта и подготовленіе къ литературной дѣятельности, призваніе къ которой окончательно къ этому времени овладѣло имъ. Какое серьезное значеніе придавалъ онъ этимъ трудамъ, видно изъ пись-

---

*) Кр. цвѣт., стр. 64.

) Вслѣдствіе того, что гимназія, **гдѣ учился В. М., была реальная, не дававшая правъ на поступленіе въ университетъ.

ма его, которое онъ писалъ лѣтомъ изъ Харькова, куда ѣздилъ на каникулы, А. Я. Герду, съ которымъ познакомился еще въ гимназiи, благодаря одному изъ товарищей, В. М. Латкину, и которому онъ былъ обязанъ, какъ самъ выражался, болѣе чѣмъ кому-нибудь другому въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитiя:

«Дѣлаю довольно мало; это касается институтскихъ занятiй; вообще же сижу за столомъ цѣлое утро и списываю весьма значительное количество бумаги. То, что я пишу, очень интересуется меня и, будучи близко моему сердцу, доставляетъ хорошия минуты. Мои литературные замыслы очень широки, и я часто сомнѣваюсь въ томъ, смогу-ли исполнить поставленную задачу. То, что написано, по моему, удачно; само собою разумѣется, что я не могу не быть пристрастнымъ, не смотря на самое строгое и недовѣрчивое отношенiе къ своимъ силамъ... Но если я буду имѣть успѣхъ?!.. Дѣло въ томъ (это я чувствую), что только на этомъ поприщѣ я буду работать изо всѣхъ силъ, стало быть успѣхъ—вопросъ въ моихъ способностяхъ и вопросъ, имѣющiй для меня значенiе вопроса жизни и смерти. Вернуться ужь я не могу. Какъ вѣчному жида голосъ какой-то говоритъ: «Иди, иди», такъ и мнѣ что-то суетъ перо въ руки и говоритъ: «Пиши и пиши». Не подумайте, что это заставитъ меня бросить ученiе. Нѣтъ, я очень хорошо знаю, что будь я семи пядей во лбу, курсъ даже и Горнаго института мнѣ

необходимъ: вѣдь я совершеннѣйшій еще невѣжда...»

Въ 1876 году В. М.—чь впервые выступилъ въ печати, напечатавъ гдѣ-то маленькій рассказъ *), но В. М. не придавалъ значенія этому своему дебюту, и упорно умалчивалъ о немъ. Не любилъ говорить онъ и о своихъ трехъ статьяхъ о художественныхъ выставкахъ, помѣщенныхъ имъ въ теченіе 1877 года въ «Новостяхъ». Этими своими статьями В. М.—чь, безспорно, былъ обязанъ своему сближенію съ кружкомъ художниковъ, которое послѣдовало какъ разъ въ это время. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ воспоминаніяхъ г. М. Малышева **):

«Кончивъ гимназію и поступивъ въ Горный институтъ, В. М. сблизился съ кружкомъ молодыхъ художниковъ и сталъ непремѣннымъ членомъ ихъ сборищъ. На этихъ собраніяхъ, «пятницахъ», читались впервые нѣкоторыя изъ произведеній его, обсуждались и комментировались, а такъ какъ тѣсная дружба царила между членами кружка, то и мнѣнія, иногда, правда, нелѣпыя, бывали всегда искренни. Споры объ искусствѣ не умолкали, и В. М.—чь горячо, горячѣе многихъ художниковъ, ратовалъ за искусство, какъ служеніе высшимъ идеаламъ добра и правды, и этому искусству оставался вѣрецъ всю свою жизнь. Дружбу и симпатію къ нѣкоторымъ членамъ этого кружка онъ сохранилъ до самой своей смерти, и вос-

*) Сб. Пам. Гарш., стр. 13 и 77.

**) Сб. П. Гарш., стр. 124.

помянутое о «пятницахъ» всегда было однимъ изъ лучшихъ его «юношескихъ воспоминаній».

Живя вмѣстѣ со своими пріятелями въ области художественныхъ интересовъ, В. М—чъ, конечно, не могъ упустить изъ вниманія бывшую въ 1874 г. въ Петербургѣ и надѣлавшую не малаго шума выставку картинъ Верещагина: картины эти произвели на него такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ выразилъ его стихами. Считаемо не лишнимъ привести эти стихи цѣликомъ, какъ весьма важный біографическій матеріалъ:

Толпа мужчинъ, дѣтей и дамъ нарядныхъ
Тѣснится въ комнатахъ парадныхъ

И, шумно проходя, болтаютъ межъ собой:

Ахъ, милая, постой!

Regarde Lili,

Comme c'est joli!

Какъ это мило и реально,

Какъ нарисованы халаты натурально!

— Какая техника! толкуетъ господинъ

Съ очками на носу и съ знаніемъ во взорѣ

Взгляните на песокъ: что стоитъ онъ одинъ;

Дѣйствительно пустыни море

Какъ-будто солнцемъ залито

И лица недурны!.. Не то

Увидѣлъ я, смотря на эту степь, на эти лица,

Я не увидѣлъ въ нихъ эффектнаго эскизца,

Увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей,

Измученныхъ убійствомъ, тьмой лишениій...

Не люди то, а только тѣни

Отверженниковъ родины своей.

Ты предала ихъ, мать! Въ глухой степи—одни,

Безъ хлѣба, безъ глотка воды гнилой,

Изранены врагами, всѣ они

Готовы пасть, пожертвовать собой,
 Готовы биться до послѣдней крови
 За родину, лишившую любви,
 Пославшую на смерть своихъ сыновъ...
 Кругомъ—песчаный рядъ холмовъ,
 У ихъ подножія—орда свирѣпая кольцомъ
 Объяла горсть героевъ. Нѣтъ пощады!
 Къ нимъ смерть стоитъ лицомъ!..
 И, можетъ быть, они ей рады;
 И, можетъ быть, не стоитъ—жить-страдать?!..
 Плачь и молись, отчизна-мать:
 Молись! Степанія дѣтей,
 Погибшихъ за тебя въ глухихъ степяхъ степей,
 Вспомнянутся чрезъ много лѣтъ
 Въ день грозныхъ бѣдъ!

Стихотвореніе это интересно въ двухъ отноше-
 ніяхъ. Во-первыхъ, оно показываетъ намъ міросо-
 зерцаніе В. М—ча въ это время и его серьезные
 взгляды на задачи искусства, въ которомъ уже тог-
 да онъ видѣлъ не одни эстетическія наслажденія,
 но и высокое служеніе человѣчеству и родинѣ; а
 во-вторыхъ, это же стихотвореніе свидѣтельству-
 етъ намъ, что созерцаніе картинъ Верещагина было какъ
 бы предуготовленіемъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, кото-
 рыя пришлось В. М—чу вскорѣ вынести изъ соб-
 ственнаго военнаго опыта. Картины настроили за-
 ранѣ В. М—ча видѣть въ войнѣ страшную траге-
 дію пролитія человѣческой крови и потери родиною
 лучшихъ своихъ сыновъ, трагедію, несправедливость
 которой не могутъ загладить никакія блестящіе ре-
 зультаты войны, а такъ какъ кровь падаетъ равно
 на всѣхъ согражданъ, ради которыхъ она пролита.

отсюда В. М.—что логически вывелъ заключеніе объ обязанности каждаго принять непосредственное участіе въ общемъ бѣдствіи. Этотъ выводъ совѣсти и заставилъ В. М.—ча принять участіе въ русско-турецкой войнѣ. Нужно-ли говорить о томъ, что впечатлѣніе картинъ Верещагина отразилось на самомъ выборѣ деталей послѣдующихъ разсказовъ В. М.—ча изъ военныхъ дѣйствій, особенно «Четыре дня» и «Трусь».

Если художественныя картины произвели на Гаршина такое потрясающее впечатлѣніе, то можно себѣ представить, въ какое волненіе пришелъ онъ весною и лѣтомъ 1876 года, когда до его слуха начали долетать ужасающія извѣстія о неистовствахъ турокъ въ Болгаріи, когда все русское общество вострепнулось; воинственное настроеніе росло въ немъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; начались всеобщія пожертвованія на славянъ; со всѣхъ концовъ потянулись въ Сербію добровольцы. Какъ все это отражалось на В. М.—чѣ, видно изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ писемъ его къ Н. С. Дрентельну, писанныхъ лѣтомъ 1876 г. изъ Харькова:

«2 іюня 1876 г. Харьковъ... Пишу я съ отчаяніемъ; вчера исписалъ нѣсколько листовъ бумаги. Работа удовольствія не доставляетъ, скорѣе какое-то робкое, желчное чувство. Если это такъ пойдетъ всегда, то незавидная предстоитъ мнѣ участь. А не писать не могу, да и что со мной будетъ безъ этого...»

«18 іюня 1876 г. Харьковъ... За сообщеніе но-

востей изъ профессорскаго міра весьма благодаренъ, хотя, по правдѣ сказать, электрофорная машина Теплова и соединеніе химическаго и физическаго обществъ интересуютъ меня гораздо меньше, чѣмъ то, что турки перерѣзали 30.000 безоружныхъ стариковъ, женщинъ и ребятъ. Плевать я хотѣлъ на всѣ ваши общества, если они всякими научными теоріями никогда не уменьшаютъ вѣроятностей совершенія подобныхъ вещей...»

«18 іюня 1876 г. Харьковъ. Дражайшій Н. С., пиши, пожалуйста. Ей Богу, я тоже нуждаюсь въ чьихъ-нибудь письмахъ. Если бы ты зналъ, каково бываетъ у меня на душѣ, особенно со времени объявленія войны. Если я не заболѣю это лѣто, то это будетъ чудомъ.»

«Получилъ письмо отъ Alexander Heard Esq-ге изъ Лондона. Тоже тоскуетъ. Господи, куда же дѣваться? Развѣ въ самомъ дѣлѣ удариться въ гартмановщину или еще въ какую-нибудь ерундищу? Не ударишься ни во что подобное; мозги все-таки такъ положительно устроены, что Гартманъ не соблазнить *).»

Какія мысли сложились около этого времени въ В. М—чѣ относительно необходимости идти на войну, объ этомъ мы можемъ судить по факту, приводимому г. Павловскимъ въ его воспоминаніяхъ о В. М—чѣ **). Дѣло заключалось въ томъ, что

*) Сб. П. Г., стр. 15.

**) «Кр. цв.», стр. 21.

когда, года два спустя, В. М—чъ выразилъ однажды желаніе вновь идти на войну, одинъ молодой человекъ началъ доказывать ему всю несообразность этого съ разныхъ радикальныхъ точекъ зрѣнія. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Гаршинъ приходилъ все въ большее негодованіе, наконецъ не выдержалъ, вскочилъ и въ волненіи захромалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, позвольте, позвольте... Вы, стало бытъ, находите безнравственнымъ, что я буду жить жизнью русскаго солдата и помогать ему въ борьбѣ, гдѣ каждый полезетъ? Неужели будетъ болѣе нравственно сидѣть здѣсь, сложа руки, тогда какъ этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ!.. Извините, я этого не могу допустить.

И вотъ въ продолженіе всего 1876 года В. М—ча такъ и подмывало бросить все и ѣхать въ Сербію, «но, къ несчастію—писалъ онъ въ своей автобіографической запискѣ,—меня не пустили, такъ какъ я былъ призывнаго возраста». За то, когда была объявлена война Россіи съ Турціей, онъ не могъ уже удержаться. «12 апрѣля 1877 г.—говоритъ онъ—я съ товарищемъ (Афанасьевымъ) готовился къ экзамену изъ химіи; принесли манифестъ о войнѣ. Наши записки такъ и остались открытыми: мы подали прошеніе объ увольненіи изъ института и уѣхали въ Кишиневъ» *).

*) «Кр. цв.», стр. 64.

Въ Кишиневѣ В. М—чъ и его товарищъ поступили рядовыми въ 138 болховской пѣхотный полкъ и черезъ день выступили въ походъ. Походъ къ Дунаю былъ очень тяжелъ. В. М—чу пришлось страдать вдвойнѣ: и физически, перенося всю трудную ляжку рядоваго, и нравственно; такъ какъ сердце его постоянно возмущалось печальнымъ положеніемъ нашего солдата, царившими въ арміи злоупотребленіями и т. п. Но не смотря на всю трудность, большіе переходы, грязь, жару, жажду, В. М—чъ никогда не былъ въ числѣ отсталыхъ, и не только самъ, повидимому, легко переносилъ тягости похода, но и другихъ подбодрялъ,— то займетъ разговоромъ, то попотчуетъ табакомъ, то пристыдитъ. По приходѣ на привалъ или ночлегъ, онъ первый бѣжалъ съ манеркой за водой, и пока другіе отдыхали, устраивалъ чай. Съ солдатами онъ скоро сошелся очень близко. И по натурѣ, и по принципамъ онъ не терпѣлъ никакихъ отличекъ или возвышеній надъ товарищами; тотчасъ же всталъ на совершенно равную ногу съ ними, принималъ участіе во всѣхъ ихъ работахъ и кромѣ того писалъ и читалъ имъ письма, давалъ разнаго рода объясненія, объяснялся за нихъ съ начальствомъ, училъ ихъ грамотѣ. Солдаты любили его, и память о немъ долго хранилась между ними. Когда позднѣе они узнали, что онъ почему-то не получилъ ордена св. Георгія, къ которому былъ представленъ, они крайне сожалѣли, что въ надеждѣ, что онъ и безъ того получитъ этотъ орденъ, не

присудили ему ротный Георгій. Самъ В. М—чь весьма привязался къ своимъ товарищамъ по походу и многихъ изъ нихъ охотно вспоминалъ *).

Вотъ что писалъ изъ своего похода своимъ близкимъ В. М—чь. Такъ, товарищу И. Е. Малышеву онъ писалъ 5 мая 1877 г. изъ Кишинева:

«Мы очень удачно приѣхали въ Кишиневъ: приѣхали вчера, 4 мая, а завтра, 6-го, уже выступаемъ въ походъ съ 138 пѣхотнымъ полкомъ. Служить будемъ въ ротѣ у Ив. Наз. Афанасьева, брата Васи (товарища В. М—ча), и притомъ вмѣстѣ. Одинаковый ростъ позволяетъ намъ даже во фронтѣ стоять рядомъ. Не знаю, каково вынесемъ мы походъ. Выступивъ завтра въ 5^{1/2} часовъ утра, мы придемъ въ Баниасъ (покуда наша конечная цѣль, мѣстечко на Дунаѣ противъ Рущука) 28 мая. Походъ—пѣшкомъ, по 20—30 верстъ въ день.

И такъ, почти на мѣсяцъ мы лишены всякихъ сношеній съ міромъ: можетъ быть, не придется увидѣть клочка печатной бумаги, такъ какъ маршрутъ избѣгаетъ всѣхъ городовъ. Только черезъ Плоешти (гдѣ теперь главная квартира) придется проходить.

Писалъ бы больше, да нужно идти представляться полковому командиру. До свиданья, когда-то увидимся? Да и увидимся ли еще?»

1-го іюня тому же Малышеву изъ Баниаса, *предмѣстья г. Бухареста*:

*) Сб. Пам. Гарш., стр. 15, 19.

«Походъ нашъ по первому маршруту конченъ: мы пришли въ Баніасъ, который оказался вовсе не на Дунаѣ, а около Бухареста (наши офицеры, не имѣя картъ, ошиблись). Дня черезъ 3 или 4 идемъ на Дунай. Сдѣланный походъ былъ не легокъ. Переходы доходили до 48 верстъ. Это—при страшной жарѣ, въ суконныхъ мундирахъ, ранцахъ, съ шинелями черезъ плечо. Въ одинъ день изъ нашего батальона упало на дорогѣ до 100 человѣкъ; по этому факту можете судить о трудности похода. Но мы съ В. (т. е. съ Афанасьевымъ) держимся и не плошаемъ. Хорошо, что теперь уже идемъ въ очень легкихъ костюмахъ: бѣлыя рубахи и штаны».

9 іюня А. Я. Герду изъ Черницы (между Бѣлою и Рущукомъ):

«Что писать, я рѣшительно не знаю. Правда, впечатлѣній множество, но если бы я вздумалъ излагать ихъ, то необходимо вдавался бы въ такія подробности, которыя сдѣлали бы доставку этого письма невозможной. Удивляюсь нашимъ корреспондентамъ! Какъ они ухитряются писать, лавируя между Сциллою и Харибдою,—достойное изученія явленіе.

«Наша дивизія (35), какъ вы, вѣроятно, знаете изъ газетъ, прикомандирована къ Рущукскому отряду. До сихъ поръ я не слышалъ ни одного выстрѣла и до того привыкъ къ мирному характеру нашего похода, что мнѣ теперь кажется, что мы и вернемся въ Россію, не бывъ въ бою. Впрочемъ, кто знаетъ?»

«Вчера вернулся изъ довольно интереснаго путешествія. Изъ Коссова, гдѣ мы стояли раньше, мы, т. е. я, Афанасьевъ и еще трое солдатъ, были посланы въ Тырново за покупками для роты. Мы отправились рано утромъ, а въ 10 ч. нашей бригадѣ приказано было выступить, и когда мы вернулись изъ Тырнова, то не нашли на мѣстѣ бивуака ничего, кромѣ золы и проч. признаковъ оставленнаго лагеря. Куда ушелъ отрядъ—неизвѣстно. Два дня блуждали мы и наконецъ догнали нашъ полкъ уже здѣсь, въ Черницѣ.

«Тырново—преинтересный городъ. Узкія, кривыя улицы (узкія до того, что во многихъ мѣстахъ разѣхаться нельзя), двухъ-трехъ-этажные дома съ выдающимися верхними этажами, открытыя на улицу лавки и мастерскія, водоемы. Болгаре радуются, вѣшаютъ поперекъ своихъ переулковъ гирлянды, а въ окнахъ лоскутки бумаги съ надписями въ родѣ: «Ура, ура, ура, царь Александръ!» Въ деревняхъ этой радости меньше. Весьма понятныя причины этого не могу изложить вамъ. Говорить съ болгарами не составляетъ особаго труда, особенно съ грамотными, знающими церковный языкъ. Съ однимъ же образованнымъ лавочникомъ я объяснялся совершенно свободно...»

29 іюня, И. Е. Малышеву отъ Ковачицы:

«Наиболѣе выдающееся событіе нашей жизни вамъ уже описалъ Вася; поэтому не стану распространяться объ немъ. Скажу только, какое впечатлѣніе произ-

вель на меня видъ раненыхъ, крови, труповъ и прочихъ аксессуаровъ войны.

«Я никогда не ожидалъ, чтобы при моей нервности я до такой степени спокойно отнесся къ сказаннымъ предметамъ. Трупы мы видѣли истинно ужасныя; одного турку вмѣсто того, чтобы зарывать, казаки обложили снопами и зажгли! Представьте, что изъ него вышло. Черная, обугленная масса, приблизительно подходящая по формѣ къ человѣческому тѣлу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины, въ которыхъ видно красное мясо. Черепъ оскалилъ зубы: они рѣзко выдаются на черномъ фонѣ своею бѣлизною. Тамъ, гдѣ были ноги, какія-то черныя, угольныя бревна. Кости высовываются изъ нихъ, потому что ступни отвалились. И все это отъ пятидневнаго лежанія на солнцѣ издаетъ невыносимый запахъ. (Перечитавъ это описаніе, я всею душою пожелалъ, чтобы вамъ не пришлось читать его за столомъ). И представьте, даже такое нехудожественное описаніе дѣйствуетъ на меня самого болѣе непріятно, болѣе вывертываетъ душу, чѣмъ самый видъ неизвѣстнаго правовѣрнаго.

«Тоже и раненые. Непріятно слушать, читать объ ужасныхъ ранахъ, видѣть ихъ на картинахъ; но на самомъ дѣлѣ впечатлѣніе значительно смягчается. А какія ужасныя бываютъ раны! Я пересмотрѣлъ около 150 человѣкъ и видѣлъ страшно искалеченныхъ людей. Особенно непріятны раны въ лицо,

Констатировано, что турки стрѣляли, между прочимъ и разрывными пулями.

«18-го и 19-го іюля нашъ батальонъ (2-й) посылала прибрать трупы послѣ боя. Турки лежали какъ косяныя. Нашихъ было гораздо менѣе. Турецкіе солдаты (бывшіе въ этомъ дѣлѣ)—огромный, жирный народъ. Раздуло ихъ въ пять дней ужасно. На позиціи осталось множество большихъ цинковыхъ ящиковъ и цѣлыя груды гильзъ. Страшно подумать, что все это было высыпано въ наши нѣсколько ротъ.

«Полковника венгерца узнали по надписи на клинѣ: *Patrona Hungariae, Virgo Maria*. Кромѣ того на бѣлѣ у него мѣтка латинскими буквами—А. М.

«Обмундировка турокъ, аммуниція и оружіе превосходны. Ружья Снайдера лучше нашихъ Крнка, но хуже Бердана, но за то ружья Пибоди лучше даже и Бердана. Заряжаются моментально. Кромѣ Снайдера и Пибоди у турокъ были еще «магазинныя ружья», изъ которыхъ можно выпустить безъ перерыва чуть не 90 пуль.

«Это-то хорошее оружіе отчасти и было причиною турецкой неудачи. Имѣя огромное количество патроновъ и скоро заряжающіяся ружья, они не жалѣли патроновъ и сыпали пулями, не цѣлясь, тогда какъ наши солдаты стрѣляли рѣдко да мѣтко.

«Изъ газетъ вы, конечно, знаете, гдѣ стоитъ 13 корпусъ и каково его назначеніе. Быть можетъ, къ тому времени, какъ это письмо дойдетъ до васъ, вы

уже прочтете о дѣлѣ, въ которомъ мы, конечно, будемъ участвовать. Турки непременно будутъ наступать на насъ отъ Разграда до Шумлы.

«Теперь они отъ насъ верстахъ въ 10—12. Видно каждый день зарево то тамъ, то сямъ. Это горять болгарскія деревни. Самихъ болгаръ рѣжутъ. Богатѣйшіе хлѣба, уже готовые (рожь даже осышается) стоятъ неприбранными. Несчастливая страна! сколько она заплатитъ выкупа за освобожденіе!

«Вообще турки—премилый народъ. Недѣли двѣ назадъ казаки привели двухъ негодяевъ («мирныхъ» жителей), которые изнасиловали дѣвочку лѣтъ 15, а потомъ перерѣзали ей жилы на рукахъ» *).

В. М.—чу пришлось принять участіе въ двухъ дѣлахъ съ турками. Первое было небольшимъ дѣломъ. Послѣ него позиція осталась за турками, которые, однако, затѣмъ очистили ее. Были посланы войска для уборки и погребенія труповъ. И здѣсь-то былъ найденъ среди труповъ живымъ солдатъ также Болховскаго полка, въ которомъ служилъ и В. М.—чъ, остававшійся на полѣ сраженія четыре дня безъ пищи и воды съ перебитыми ногами. Это и послужило темой для знаменитаго разсказа Гаршина «Четыре дня».

Вторымъ дѣломъ, въ которомъ участвовалъ В. М.—чъ, было сраженіе при Аясларѣ, описанное имъ въ «Новостяхъ». Въ реляціи объ этомъ сраженіи было

*) Сб. П. Г., стр. 15—19.

сказано, что «рядовой изъ вольноопредѣляющихся В. Гаршинъ примѣромъ личной храбрости увлекъ впередъ товарищей въ атаку, во время чего и раненъ въ ногу». Вотъ какъ онъ описываетъ это дѣло въ письмѣ къ И. Е. Малышеву.

«Бѣла. 56 военный временный госпиталь 20 августа 1877 года. Пишу къ вамъ лежа; поэтому прошу извинить за, можетъ быть, ужь слишкомъ дурной почеркъ. Вѣроятно, вы уже знаете отъ В. о томъ, что мнѣ прострѣлили ногу. Рана неопасная, но все-таки придется провозиться съ нею мѣсяца три, четыре.

«Лежу я въ 56 военномъ временномъ госпиталѣ. Такъ какъ В., вѣроятно, описывалъ вамъ бой, то о немъ умолчу. Могу сказать, впрочемъ, что мы лицомъ въ грязь не ударили. Я удивлялся самъ своему спокойствію: жаркій споръ съ вами изъ-за живодъ (въ былыя времена) производилъ во мнѣ гораздо большее волненіе. В. скажетъ вамъ то же самое. Гранатамъ, конечно, кланялись земно, да и нельзя было не кланяться: безъ этихъ поклоновъ разнесло бы на кусочки. Пахнѣтъ дымъ (орудія стояли отъ насъ всего на 1200—1300 шаговъ), жужжитъ граната, прямо на тебя. Бросишься ничкомъ и чрезъ секунду, когда съ воемъ и визгомъ пронесутся надъ тобою осколки, встаешь, весь засыпанный землею. Около—ямы; это мѣсто, гдѣ «она» разорвалась.

«Меня ранили (точно дубиной хватило) тотчасъ

же послѣ того, какъ мы отбили турецкую атаку. Помню, какъ я сѣлъ на землю и закрылъ оба отверстія раны руками. Кровь лилась: я перетянулъ ногу выше раны платкомъ, снялъ съ плеча шинель, сухари, отстегнулъ патроны и поползъ. Ахъ, какъ трудно ползти съ прострѣленной ногой, да еще подъ выстрѣлами, когда пули визжать и лопаются около твоего носа. Гранаты рвало чуть не возлѣ меня. Однако, Богъ спасъ, я протащился шаговъ съ сотню; тутъ меня подняли нашъ барабанщикъ и еще какой-то унтеръ-офицеръ и повели. Большая нога цѣплялась за кусты... Съ полверсты вели они меня, наковецъ, встрѣтили носилки, и я закачался на нихъ. Это была сущая благодать. Черезъ два часа я уже ѣхалъ, перевязанный, въ фургонѣ въ дивизионный лазаретъ.

«О нашей санитарной части я ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго. Такая заботливость, такой уходъ, что хоть куда. Сестры — сущіе ангелы и ангелы, не торчащіе даромъ, а работающіе не хуже докторовъ.

«14 августа насъ привезли сюда, въ Бѣлу. Здѣсь пробуду я, быть можетъ, недѣли двѣ. Лежу, конечно, цѣлый день (нога въ лубкѣ), ѣмъ (винограду фунта по 3 въ день), пью, сплю. Два раза въ день перевязка: сквозь рану просунули дренажъ и промываютъ карболовой кислотой.

«Сейчасъ пріѣхалъ транспортъ раненыхъ 140-го Зарайскаго полка. Это дѣло 18-го августа. Бѣдные

зарайцы цѣлый день держались противъ цѣлой арміи! Убитыхъ и раненыхъ множество. Вообще наша дивизія хотъ изъ молодыхъ, а уже потрепаны изрядно всѣ четыре полка. Рядомъ со мною положили офицера съ раздробленною стопою» *).

Покончивши такимъ образомъ свое участіе въ общемъ военномъ бѣдствіи и успокоивши свою чуткую совѣсть, В. М—чъ всѣ мысли свои устремилъ на родину. Всѣ вопросы и явленія нашей жизни, которыя волновали его ранѣе, вновь встали на первый планъ. Въ письмахъ изъ госпиталя онъ усиленно проситъ писать о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и вообще въ Россіи; проситъ о присылкѣ газетъ, и, получивъ таковыя, неслезанно радуется и благодаритъ приславшихъ, не менѣе радуется встрѣчѣ съ людьми, съ которыми можно говорить о Петербургѣ, а еще болѣе съ только что прибывшими оттуда. Такъ, напримѣръ, его посѣтилъ товарищъ М. Малышевъ.

«Наша встрѣча—разсказываетъ онъ **)—въ Бѣлѣ была совершенной неожиданностью для насъ обоихъ и поэтому, несмотря на печальную госпитальную обстановку, очень насъ порадовала. Рана Гаршина была неопасна: пулей пробило ему мякоть ноги выше колѣна на вылетъ; кость осталась цѣла. Я нашелъ его на койкѣ бодрымъ и веселымъ. Тѣ нѣсколько часовъ,

*) Сб. П. Г., стр. 20—22.

**) Сб. П. Г., стр. 126.

которые мы провели вмѣстѣ, были для насъ обоихъ манной небесной. Я привезъ цѣлый коробъ новостей о Петербургѣ, откуда я выѣхалъ только мѣсяць назадъ, а Гаршинъ посвятилъ меня въ тайны военно-походной и боевой жизни, съ которой уже ознакомился на опытѣ. Тутъ-же въ госпиталѣ услышалъ я отъ него эпизодъ, послужившій темой для его разсказа «Четыре дня»... Фактъ этотъ такъ поразилъ В. М—ча, что онъ, придя на бивуакъ, немедленно же принялся за свои «Четыре дня». Такъ какъ всѣ детали были еще свѣжи въ его памяти, то разсказъ,—а разсказывалъ онъ очень хорошо,—вышелъ необыкновенно сильнымъ и произвелъ на меня громадное впечатлѣнiе. Однако, Гаршинъ, по свойственной ему скромности, сильно побаивался, что разсказа его не примутъ въ «Отечественныя Записки».

Въ концѣ августа В. М—ча въ числѣ прочихъ раненыхъ повезли въ Россiю. Вотъ какъ онъ описывалъ путешествiе отъ Бѣлы до Харькова своимъ, оставшимся на театрѣ войны, товарищамъ *):

«25 августа нами нагрузили транспортъ и повезли. Шоссе каменистое, трясеть, да еще хохоль, чтобы подогнать, иногда катаетъ рысью. Мы ночевали около той самой горы, гдѣ, помнишь, у насъ былъ большой бивуакъ. Холодъ былъ страшный, и я простудился и схватилъ лихорадку. Совсѣмъ она

---

*) Сб. П. Г., стр. 23.

меня изнурила. Да еще рана, не перевязанная два дня, уже начала вонять. Просто бѣда. Приѣхали въ Ферешти, переночевали, а утромъ я уже катилъ на санитарномъ поѣздѣ Берлинскаго креста. Очень хорошо ѣздить на этихъ поѣздахъ. Въ Яссахъ насъ пересадили на поѣздъ Александры Іосифовны. Ѣхалъ я на немъ до Бирзулы, а отсюда просто во второмъ классѣ».

Хотя В. М—чъ и писалъ домой о своей ранѣ и о скоромъ приѣздѣ, но почему-то ему не удалось извѣстить родныхъ телеграммой о днѣ приѣзда, и никто не встрѣтилъ его на вокзалѣ, когда онъ прибылъ въ Харьковъ съ партией раненыхъ. Ему наняли извозчицью коляску и отправили въ офицерскій баракъ, на другой конецъ города. Проѣзжая по улицамъ, онъ все ждалъ, не встрѣтитъ-ли кого -нибудь, и перваго попавшагося знакомаго окрикнулъ, остановилъ и попросилъ пойти увѣдомить мать о его приѣздѣ. На другой же день его перевезли въ маленькую квартиру его родныхъ, на Мало-Сумской улицѣ, гдѣ онъ и пробылъ все время до своего выздоровленія.

«Это время его выздоровленія—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ о В. М—чѣ В. Фауссека *)—было счастливое и веселое время; рана его шла хорошо, и онъ пролежалъ, я думаю, всего мѣсяць или полтора. Когда ему перевязывали и промывали ее, онъ

*) Сб. П. Г., стр. 79.

стоналъ отъ боли и капризничалъ; но въ остальное время чувствовалъ себя по большей части хорошо и былъ въ самомъ веселомъ и хорошемъ настроеніи духа. Изъ Петербурга пріѣхалъ навѣстить его товарищъ и пріятель Вл. М. Латкинъ и прожилъ нѣсколько времени въ Харьковѣ; товарищи его брата, молодые люди и молодыя дѣвицы толпились постоянно въ домѣ Гаршиныхъ, и В. М.—чѣ рѣдко оставался одинъ. Длинные вечера проходили въ неистощимыхъ разговорахъ, шуткахъ и смѣхѣ».

Не столь въ радужномъ цвѣтѣ представляетъ это время самъ В. М.—чѣ въ письмѣ къ В. Афанасьеву отъ 12 сентября *):

«Ежедневно ко мнѣ являются разные посѣители; жду скоро даже одного генерала. Десятки разъ приходится мнѣ повторять о нашемъ положеніи, о туркахъ, какъ они вооружены, каково дерутся и пр. и пр. Надоѣло порядкомъ. Надоѣло также и валяться. Уже второй мѣсяць, какъ я нахожусь въ горизонтальномъ положеніи, да, кажется, придется оставаться въ немъ еще не одинъ мѣсяць. Рана идетъ хорошо, но страшно медленно. Ужь очень много мяса выхватила проклятая пуля. А тутъ еще любезная сестра милосердія помогла: обожгла ногу чистою карболовою кислотою. Обжогъ мучаетъ еще больше раны.»

Къ этому ко всему присоединилась еще мучив-

*) Тамъ же, стр. 23.

шая В. М—ча лихорадка. Выздоровленіе шло медленно. Рана долго не затягивалась, да и потомъ долго нельзя было ходить. Но для живой природы В. М—ча неподвижность была не по силамъ. Поэтому онъ часто ѣздилъ кататься по городу, а дома ухитрился ползать по комнатамъ, выставляя впередъ туго забинтованную ногу.

Въ первые же дни по приѣздѣ въ Харьковъ В. М—чъ принялся за обработку разсказа «Четыре дня». Разсказъ былъ посланъ въ «Отечественныя Записки», былъ напечатанъ въ октябрьской книжкѣ этого журнала и тотчасъ же обратилъ на себя общее вниманіе, доходившее до сенсаци. Общимъ приговоромъ и публики, и критики за авторомъ былъ признанъ выдающійся талантъ, и литературное имя его было сразу упрочено.

Окрыленный этимъ успѣхомъ, Гаршинъ не могъ дожидаться выздоровленія: его такъ и потянуло въ Петербургъ. Но раньше декабря желаніе его не могло осуществиться, да и то ему пришлось ѣхать далеко не возстановивши своего здоровья. Вотъ что писалъ онъ В. И. Афанасьеву передъ отъѣздомъ *):

«Послѣ завтра утромъ я уѣзжаю въ Питеръ, безъ денегъ, больной, но все-таки ѣду. Очень ужъ захотѣлось Питера. Предвижу въ немъ не мало себѣ затрудненій. Хотя литературная работа теперь для меня вполне обезпечена, но вотъ загвоздка: въ

*) Сб. П. Г., стр. 26.

55 (кажется) № Летучаго В. Листка есть приказъ, воспрещающій «военнослужащимъ» всякое литераторство. Но я буду писать, пока не посадятъ. Къ январьской книжкѣ, думаю, поспѣетъ новенькое. Миѣ, къ удивленію моему, дали (безъ всякой съ моей и матушкиной стороны просьбы) отпускъ *на годъ*, а что еще лучше—даровой билетъ до Петербурга. Впрочемъ, нога у меня попорчена надолго—это вѣрно. Болитъ часто, устаетъ послѣ полуверсты ковылянья на палочкѣ. Болѣю еженедѣльно и все разными напастями. Теперь желудочная лихорадка... Просто горе. Нервы разстроились совершенно, и все мое спокойствіе, прибрѣтенное за походъ, пошло къ чорту».

Черезъ нѣсколько дней В. М—чъ былъ уже въ Петербургѣ. Устроившись въ столицѣ, онъ весь предался писательству. Въ это время онъ написалъ маленькій рассказъ «Очень маленькій романъ», напечатанный въ «Стрекозѣ», и рассказъ «Провисшество». Снова вошелъ онъ въ кружокъ художниковъ, началъ усердно посѣщать выставки, всматриваться въ картины и изучать ихъ. До какой степени прониклся онъ въ это время вопросами художественнаго творчества, можно судить по тому, что, не будучи лично знакомъ съ И. Н. Крамскимъ, онъ, тѣмъ не менѣе, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ 14 февраля 1878 г. *):

*) См. С. П. Г. стр. 27.

«М. г. Иванъ Николаевичъ! Беру на себя смѣлость обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я увѣренъ въ правотѣ моего мнѣнія, и для себя вовсе не сталъ бы беспокоить васъ, но мнѣ хотѣлось бы получить разъясненіе отъ васъ самихъ, для того, чтобы другихъ вывести изъ заблужденія. Дѣло идетъ о моментѣ, изображаемомъ вашею картиною «Христосъ въ пустыни». Утро-ли это 41-го дня, когда Христосъ уже вполне рѣшился и готовъ идти на страданіе и смерть, или та минута, когда «прииде къ нему бѣсъ», какъ выражаются мои оппоненты. Я вполне увѣренъ въ правотѣ перваго толкованія. Видѣть въ фигурѣ Иисуса страданіе и борьбу только потому, что у него измученное лицо, — это показываетъ очень поверхностное знакомство съ человѣческою душою. «Если бы онъ рѣшился, онъ имѣлъ бы сіяющее лицо», сказалъ мнѣ одинъ изъ публики. Христу сіять изъ-за признанія того, что онъ рѣшился на хорошее дѣло! «Какой, дескать, я хорошій!»

«Тѣ черты, которыя вы придали своему созданію, по моему, вовсе не служатъ къ возбужденію жалости къ «страдальцу» (говорю это потому, что одинъ изъ толкователей нашель, что лицо Христа ужасно жалко). Нѣтъ, меня онѣ сразу поразили, какъ выраженіе громадной нравственной силы ненависти ко злу, совершенной рѣшимости бороться съ нимъ. Онъ поглощенъ своею наступающею дѣятельностью, онъ перебираетъ въ головѣ все, что онъ

скажетъ презрѣнному и несчастному люду, отъ котораго онъ ушелъ въ пустыню подумать на свободѣ; онъ сейчасъ же взялъ бы связку веревокъ и погналъ изъ храма безстыжихъ торгашей. А страданіе до него теперь не касается: оно такъ мало, такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что у него теперь въ груди, что и мысль о немъ не приходитъ ему въ голову»...

Увлеченіе искусствомъ не отвлекало В. М.—часть отъ заботъ объ общемъ образованіи. Онъ много въ это время читалъ, но при этомъ былъ врагъ всякаго систематическаго чтенія, имѣющаго видъ «изученія». Такъ, когда близкій пріятель его Н. С. Дрентельнъ предложилъ ему пройти систематическій кругъ біологіи, онъ ему писалъ 18 мая 1878 г. *): «Ты рекомендуешь мнѣ курсъ біологіи, точно будто не знаешь, что у меня въ головѣ постоянно будетъ сидѣть вопросъ: на кой чортъ мнѣ эта біологія? Вопросъ «зачѣмъ» до такой степени овладѣлъ моимъ существомъ, что ни за что, не дающее практическихъ результатовъ, я не рискну взяться. Писательство имѣетъ результаты, непосредственные — изящное (насколько изящное—это другой вопросъ) произведеніе, шевелящее если не мозги, то чувства (въ моемъ случаѣ, беря меня) людей. Вотъ почему я писать не брошу. Учиться (т. е. читать разныя умныя книжки) я не брошу до смерти, но взяться

*) См. С. П. Г., стр. 28.

за какой-нибудь «курсъ» не ради себя, своего лобопытства, я никогда не возьмусь. «Что онъ дѣлаеть?» Учится! До какихъ же это поръ я буду учиться, до какихъ поръ съ меня не будетъ ни шерсти, ни молока?»

Нѣсколько позднѣе, 7 августа онъ писалъ тому же лицу: «А все-таки поступлю въ университетъ. Конечно, біологіей заниматься не буду. Что ты не разговаривай, а съ легкой руки Писарева послѣднее мнѣніе о значеніи естественныхъ наукъ я мало раздѣляю». Въ это время В. М—ча начала уже занимать исторія, для лучшаго ознакомленія съ которою онъ осенью 1878 г. поступилъ даже вольнослушателемъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, но пробылъ тамъ недолго.

О своихъ литературныхъ занятіяхъ В. М—чь писалъ В. Афанасьеву въ январѣ 1878 г. *): «Литературныя мои дѣла находятся въ блестящемъ положеніи, если брать «потенціалъ». Только пиши, а брать вездѣ будутъ. Въ нѣкоторые журналы («Слово», «Пчела») я приглашенъ самими редакціями. Но печататься теперь я буду только въ крайнемъ случаѣ. Пишу, правда, я довольно много, но все это для меня этюды и этюды; выставлать же ихъ я не желаю, хотя увѣренъ, что они шли бы не безъ успѣха. Буду печатать столько, чтобы только просуществовать».

*) См. С. П. Г., стр. 28.

Но какъ ни оживленъ былъ В. М.—чь въ теченіи зимы, къ веснѣ расположеніе духа его внезапно омрачилось, и съ этого времени почти каждую весну съ нимъ повторялся пароксизмъ безпредметной тоски. Такъ уже 21 февраля 1878 г. онъ пишетъ В. Афанасьеву: «Петербургъ уже надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки. Стремлюсь изъ него удрать. Собственно говоря, здѣсь можно бы было жить и интересно: мнѣ открыта полная возможность познакомиться со всякими знаменитостями; да со мной что-то сдѣлалось странное: прежняя страсть къ знакомствамъ исчезла. Особенно не хочется знакомиться съ разными генералами отъ интеллигенціи, можетъ быть, потому, что не хочется «ученичествовать» и съ почтеніемъ выслушивать слова, изрекаемыя на манеръ пророчества. Богъ съ ними. Къ своей литературѣ я сталъ относиться строже. Художественныя рецензіи писать бросилъ, ибо вѣдь собственно это было съ моей стороны шарлатанство. Буду работать побольше, выльзаться поменьше, авось, чтонибудь и выйдетъ?»

Въ половинѣ марта онъ уѣхалъ въ Харьковъ, но и тамъ тоска не покидала его. «Живу я скверно, писалъ онъ тому же лицу отъ 2-го апрѣля,—скверность исходитъ изъ меня самага, потому что внѣшнія обстоятельства всѣ благополучны. Часто спрашиваешь: какого еще тебѣ рожна нужно? и не находишь отвѣта. Но что рожонъ этотъ гдѣ-то завалился и необходимо его сыскать — это ясно, какъ день. Полторы недѣли какъ я пріѣхалъ въ Харьковъ,

и до сихъ поръ. что называется, палець о палець не ударилъ. Не дѣлаю рѣшительно ничего. Хандра, печальныя соображенія о своемъ ничтожествѣ. Одинъ хохоль, никогда до тѣхъ поръ не пившій, напился пьянъ и началъ горько плакать. «Чего ты реवेशь?» — «Да какъ же я пахать буду, какъ же я косить буду, когда я теперь и на печь взлѣсть не могу». — Вотъ и я нахожусь теперь въ точно такомъ же положеніи. Впрочемъ, не думаю, чтобы это продолжалось долго: вокругъ все такъ хорошо. Весна и прочія обстоятельства».

Хандра эта должна была еще болѣе обостриться тѣмъ обстоятельствомъ, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Харьковъ В. М—чъ серьезно заболѣлъ. Двѣ недѣли провелъ онъ безъ сна и безъ пищи, перенося ужасную боль. Послѣ болѣзни онъ долго едва могъ ходить.

При такомъ душевномъ и физическомъ недомоганіи не утѣшило В. М—ча и производство въ офицеры, состоявшееся какъ разъ въ это время.

«Поздравляю тебя съ чиномъ, — писалъ онъ 6 мая В. Афанасьеву, — себя съ производствомъ не поздравляю, а напротивъ, желалъ бы быть скромнымъ унтеръ-офицеромъ. Дѣло въ томъ, что отнынѣ мой годичный отпускъ пропадаетъ, и я, какъ и всѣ офицеры, обязанъ свидѣтельствоваться. Хотя я хромаю до сихъ поръ, но вдругъ признають здоровымъ, — и отправляйся къ вамъ въ Виддинъ. При моемъ теперешнемъ состояніи здоровья (нервы) это мнѣ смерть.

Если бы я былъ способенъ пьянствовать, я спился бы въ Виддинѣ въ мѣсяцъ. Чую это и смотрю на полкъ, какъ на гробъ. Мнѣ очень плохо: хандрю, потому что не могу ничего дѣлать, ничего не дѣлаю, потому что хандрю. Всѣ вокругъ работаютъ; одинъ я палецъ о палецъ не ударю. Тоска...» *).

Замѣчательно, что одновременно съ этими сѣтованіями, В. М—чъ въ письмѣ къ другому своему другу, Н. С. Дрентельну, высказываетъ, наоборотъ, желаніе оставаться въ военной службѣ:

«Отъ очень многихъ хорошихъ людей—пишетъ онъ—выданъ и мнѣ аттестатъ «хорошаго». Эти хорошія качества (буде они существуютъ) нужно, наконецъ, пустить въ оборотъ. Ты, вѣроятно, удивишься, когда я скажу тебѣ, на что я рѣшился. Я хочу оставаться въ военной службѣ. Буду даже добиваться академіи».

То же самое около этого же времени писалъ онъ въ письмѣ къ товарищу-офицеру:

«Мы съ тобой достаточно убѣдились въ плохомъ положеніи нашей арміи. Мы хотимъ уходить изъ нея потому, что въ ней для насъ скверно, душно. Если такъ будутъ разсуждать всѣ, видяшіе гадость въ военной средѣ, то никогда и среда не измѣнится. Не лучше-ли намъ влѣзть въ эту среду? Можетъ быть, что-нибудь и сдѣлаемъ путнаго. Можетъ быть, со временемъ, мы будемъ имѣть возможность не

---

*) Сб. П. Г., стр. 29—30.

дозволить бить солдата, какъ это дѣлается теперь, не дозволить вырывать изъ его рта послѣднюю корку хлѣба».

Такія мысли можно объяснить двояко. Съ одной стороны нельзя не видѣть здѣсь той чуткости совѣсти и глубокой вдумчивости въ каждое дѣло, какія были присущи В. М.—чу; съ другой же стороны замѣчается здѣсь и одинъ изъ симптомовъ его хандры, такъ какъ и потомъ каждый разъ, когда обострялся тяжкій душевный недугъ В. М.—ча въ разгарѣ самоуничженія, ему начинало казаться, что онъ ни на что болѣе не способенъ, какъ лишь на военную службу. Такъ въ 1880 г., почти наканунѣ поступленія въ Харьковскую больницу для душевно-больныхъ, онъ, въ письмѣ къ А. Я. Герду 25 апрѣля, сообщаетъ о своемъ рѣшеніи поступить въ какой-нибудь кавалерійскій полкъ. Еще позднѣе, оправившись отъ болѣзни, но находясь все еще въ самомъ мрачномъ настроеніи, онъ пишетъ 10 января 1882 г. В. А. Фауссеку: «а знаете-ли, В. А., мнѣ очень часто приходитъ въ голову: не махнуть-ли и мнѣ въ свой Болховскій полкъ! Завязнуть туда по уши, да и все. Ей Богу, правда: ну, на какого чорта я го-жусь, если не писать, а писать я, право, кажется, не буду никогда. Буду солдатъ обучать «словесности», и то хорошо, что бить ихъ по мордѣ не стану...»

Но въ 1878 году, когда болѣзнь не представляла еще столь сильнаго развитія, какъ впоследствии,

воинственное настроеніе В. М—ча было непродолжительно, и уже 9 августа онъ писалъ тому же товарищу-офицеру: «Дѣла мои очень скверны. Чувствую непреоборимое желаніе удрать изъ службы, а между тѣмъ это едва-ли удастся».

Въ концѣ 1878 года онъ, наконецъ, получилъ отставку *).

Въ теченіе лѣта 1878 года В. М—чъ ѣздилъ къ теткѣ въ Орловскую губернію, гдѣ прожилъ около мѣсяца. Это развлекло его на время и онъ съ одушевленіемъ отдавался лѣтнимъ деревенскимъ удовольствіямъ. Но по возвращеніи въ Харьковъ вновь затосковалъ. «Долблю латынь—писалъ онъ 7 августа Н. С. Дрентельну—читаю Куно-Фишера. Куно-Фишеръ очень хорошій нѣмецъ, но по правдѣ сказать мнѣ теперь не до него! Писать теперь ужасно трудно, хотя очень хочется написать что-нибудь къ сентябрю. Пишу туго, да что и напишу, безжалостно рву...»

Зиму 1878—79 гг. В. М—чъ провелъ снова въ Петербургѣ, и она была повтореніемъ предшествовавшей зимы. Онъ писалъ, читалъ, по прежнему интересовался наукою и искусствами. Въ это время были имъ написаны «Трусъ» и «Встрѣча». Но не было въ немъ оживленія предшествовавшей зимы. Тоска не оставляла, и къ тому же внѣшнія событія, тяжело ложившіяся на его впечатлительную

*) Сб. П. Гар., стр. 25.

душу, имѣли крайне мрачнѣй характеръ. Онъ лишился многихъ друзей и знакомыхъ, что еще болѣе заставляло его чувствовать тягость общаго положенія вещей.

Возвратившись весною въ Харьковъ, В. М—чъ, повидимому, былъ настроенъ весьма жизнерадостно.

«Никогда онъ не былъ такъ полонъ кипучимъ весельемъ, такую жизненностью, такой суетливой энергіей, какъ весной 1879 года», говоритъ Фауссекъ въ своихъ воспоминаніяхъ *). — Онъ былъ въ это время душою веселой компаніи, состоявшей изъ молодежи обоюга пола и предававшейся всевозможнымъ удовольствіямъ и экскурсіямъ. Но это веселое настроеніе, равно и участіе въ молодыхъ развлеченіяхъ—были напускными, средствомъ забыться отъ той щемящей тоски, которая не покидала В. М—ча, какъ объ этомъ можно судить по такимъ мрачнымъ произведеніямъ, какъ «Художники» и «Attalea princeps», а также по нѣкоторымъ письмамъ, относящимся къ этому же времени. Такъ, въ письмѣ къ старому другу, написанномъ тотчасъ по возвращеніи изъ веселой экспедиціи въ Куряжскій монастырь, которая описана въ воспоминаніяхъ Фауссека, В. М—чъ отзывается о своемъ весельѣ, какъ о чемъ-то въ родѣ «Пира во время чума».

«Прочелъ Мaudslai «Душу». Хочу Гризингера прочесть и сверхъ того хожу со студентами V курса

*) Сб. П. Гар., стр. 81.

въ психіатрическую больницу на «разборъ больныхъ». Какая это интересная вещь! Дурная сторона: невольно начинаешь «разбирать» не больныхъ, а т. наз. «здоровыхъ» и находишь то *Tabacsucht*, то *Wahnsinn*, что, впрочемъ, неизбѣжно должно случиться при внимательномъ разсмотрѣніи людскихъ поступковъ. Профессоръ, дай Богъ ему здоровья, не гонить съ лекціи, такъ что я надѣюсь походить на Сабурову дачу (больница) еще съ мѣсяць. Что-нибудь въ головѣ останется.»

Въ теченіи лѣта В. М.—чѣ не мало путешествовалъ, посѣщая своихъ многочисленныхъ друзей; былъ въ Екатеринославской губерніи, въ Донской области, въ Орловской губерніи. Все это до нѣкоторой степени развлекало его и успокоивало нервы. Но осенью, по возвращеніи въ Харьковъ, хандра съ новою, еще небывалою силою овладѣла имъ. «Дѣлать онъ ничего не могъ—разсказываетъ П. Фауссекъ въ своихъ воспоминаніяхъ *)—онъ чувствовалъ страшную апатію и упадокъ силъ; нетолько всякая забота была ему мучительно тяжка, всякое проявленіе воли, всякій поступокъ казался ему тяжелымъ, мучительнымъ. Всякое, самое простое дѣйствіе требовало отъ него напряженія душевныхъ силъ, совершенно непропорціональнаго значенію дѣйствія и физической работѣ, съ нимъ сопряженной. Душу его угнетала постоянная тоска. Онъ измѣнился и физически; осунулся, голосъ

*) Сб. П. Г., стр. 84.

сталъ слабымъ и болѣзненнымъ, походка вялая; онъ шель, понуря голову, и казалось, даже идти было для него непріятнымъ и болѣзненнымъ трудомъ. Его мучила бессонница. Цѣлый день онъ не могъ ничего дѣлать, а по ночамъ лежалъ до 4, до 5 часовъ и не могъ заснуть. Онъ проводилъ ночи за чтеніемъ романовъ и старыхъ журналовъ. Чтеніе, случайное и неправильное, перваго, что попадетъ подъ руку, было единственное доступное ему занятіе. Ничто не могло доставить ему удовольствія или обрадовать его. Самое ощущеніе удовольствія стало для него недоступно; всѣ душевныя проявленія были для него болѣзненны. Онъ ходилъ иногда къ знакомымъ, разъ или два былъ въ театрѣ или въ концертѣ, куда его затаскивали почти насильно, но нигдѣ не покидалъ своего мрачнаго вида».

О душевномъ состояніи Гаршина можно судить по его произведенію «Ночь», которое было написано именно въ эту зиму. Къ концу зимы возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ и, наконецъ, разразилось кризисомъ *). Вслѣдъ за покушеніемъ на гр. Лорисъ-Меликова, В. М—чъ явился къ послѣднему ночью—убѣдить его въ необходимости «примиренія» и произнесенія «всепрощенія». В. М—чъ былъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ важности и необходимости своей миссіи, и такъ импонировалъ, что хотя графа въ то время строго охраняли, В. М—чъ

*) Сб. П. Г., стр. 33.

былъ допущенъ къ нему и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Съ этого момента дальнѣйшія дѣйствія В. М.—ча доказываютъ все болѣе ненормальный характеръ. Всѣ видѣвшіе его въ это время говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ крайне возбужденномъ и дѣйствовавшемъ полубезсознательно. Скоро онъ уѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ скитался по какимъ-то вертепамъ, попалъ въ участокъ, въ свою очередь бесѣдовалъ съ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Козловымъ. Изъ Москвы ѣздилъ въ Рыбинскъ; оттуда, растративши всѣ деньги, какія у него были, при помощи уже Афанасьева, онъ отправился въ Харьковъ, но, доѣхавши до Тулы, уѣхалъ верхомъ, бросивъ всѣ свои вещи въ гостинницѣ, и совершилъ цѣлый рядъ странствій, то верхомъ, то пѣшкомъ, по Тульской и Орловской губерніямъ, что-то проповѣдывая крестьянамъ; жилъ нѣкоторое время у матери извѣстнаго критика Писарева, попалъ въ Ясную Поляну къ Л. Н. Толстому, ставилъ послѣдному какіе-то мучившіе его вопросы, иногда выдавалъ себя за тайнаго правительственнаго агента.

Во все это время онъ строилъ колоссальные планы какъ о поѣздкахъ по разнымъ частямъ Россіи, въ Болгарію и т. п., такъ и о литературныхъ работахъ, толковалъ о романѣ изъ болгарской жизни, объ изданіи своихъ рассказовъ подъ заглавіемъ «Страданія челоуѣчества», о большомъ произведеніи, подъ заглавіемъ «Люди и война», долженствовавшемъ служить протестомъ противъ войны. Изъ письма къ

А. Я. Герду, писавшему изъ Тулы 13 апрѣля, видно, что помѣщенный около того время въ «Русскомъ Богатствѣ» рассказъ его «Деньщикъ и офицеръ», былъ началомъ этого произведенія, при чемъ въ письмѣ этомъ В. М.—чь извѣщаетъ А. Я. Герда, что у него «написано вполнѣ уже 6—7 листовъ, и заготовлено на клочкахъ всего съ написаннымъ до 15, и книга все еще не кончена». Все это безслѣдно погубило во время болѣзни В. М.—ча, если только когда-либо существовало, а не было бредомъ больного воображенія *).

Во время странствій его В. М.—чь былъ, наконецъ, отысканъ братомъ Евгеніемъ и препровожденъ въ Харьковъ. Но проживъ въ Харьковѣ три недѣли, онъ неожиданно исчезъ изъ него и снова пришлось отыскивать его. Онъ оказался въ Орлѣ, въ домѣ умалишенныхъ. Состояніе его въ это время было буйное, и его пришлось везти связаннымъ, въ отдѣльномъ купе. Въ Харьковѣ онъ былъ препровожденъ въ больницу умалишенныхъ на Сабуровой дачѣ. Онъ узнавалъ всѣхъ, сознавалъ, что онъ боленъ, но въ то же время постоянно жилъ въ мірѣ фантазій и говорилъ посѣтителямъ самыя невѣроятныя вещи. На Сабуровой дачѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ, по совѣту проф. Ковалевскаго, былъ перевезенъ въ Петербургъ, въ лечебницу Фрея. Здѣсь онъ оправился отъ помѣшательства, но представлялъ

*) Тамъ же, стр. 34, 35.

собою челоуѣка, совершенно разбитаго, и физически, и нравственно, какой-то полутрупъ. Въ такомъ видѣ его привезли къ роднымъ въ Харьковъ, а отсюда его взялъ къ себѣ въ деревню дядя В. С. Акимовъ.

Въ деревнѣ дяди, Ефимовкѣ, въ Херсонскомъ уѣздѣ, на берегу Днѣпровско-Бугскаго лимана, прожилъ В. М—чъ съ конца 1880 г. до весны 1882 г. Крайне уединенное мѣсто это какъ нельзя болѣе подходило къ состоянію здоровья В. М—ча. Отсутствіе рѣзкихъ впечатлѣній, полное спокойствіе и степное раздолье—все это вполнѣ благопріятствовало выздоровленію. Родственники, у которыхъ жилъ В. М—чъ, были къ нему крайне добры, и онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ о проведенномъ у нихъ времени. Онъ велъ самый регулярный образъ жизни, правильно питался, ходилъ и ѣздилъ по окрестностямъ, катался зимой на конькахъ по лиману. Оправившись нѣсколько, онъ взялся и за умственные занятія необременительнаго свойства: писалъ протоколы въ камерѣ своего дяди, мирового судьи, учился англійскому языку, читалъ кое-что, переводилъ (въ это время онъ перевелъ «Colombo» Мериме; переводъ напечатанъ въ 1883 г. въ «Изящной Литературѣ»). У В. С. Акимова оказалась недурная бібліотека; особенно много было въ ней французскихъ авторовъ, которыхъ В. М—чъ принялся перечитывать; вмѣстѣ съ тѣмъ получался почти всѣ періодическія

изданія, и В. М.—чь зачитывался своихъ излюбленныхъ Щедрина и Гл. Ив. Успенскаго *).

Мало-по-малу В. М.—чь оправился, и къ нему вернулось даже веселое настроеніе. Нѣкоторыя письма сего къ друзьямъ, относящіяся къ началу 1882 года, отличаются даже юморомъ. Спокойное состояніе нерѣдко, однако, прерывалось воспоминаніями о прошломъ, угрызеніями совѣсти за совершенное во время безумія. Такъ Фауссеку онъ писалъ, между прочимъ **):

«Болѣе всего угнетаютъ меня безобразныя, мучительныя воспоминанія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Господи, какъ извращаетъ человѣка болѣзнь! Чего я только не надѣлалъ въ своемъ безумствѣ. Хотя и существуетъ мнѣніе, что человѣкъ съ больнымъ мозгомъ не отвѣтственъ за свои поступки, но я по себѣ вижу, что оно не такъ. По крайней мѣрѣ, то, что называется совѣстью, мучить меня ничуть не менѣе за сдѣланное во время изступленія, какъ если бы его и вовсе не было».

Вмѣстѣ съ тѣмъ смущалъ В. М.—ча вопросъ о будущемъ. Такъ, въ концѣ пребыванія въ Ефимовкѣ. 1882 г. апрѣля 3, онъ писалъ тому же Фауссеку ***):

«Я въ послѣднее время опять повѣсилъ носъ на квинту (ей Богу, не могу уяснить себѣ этого выраженія). Причины этому самыя резонныя: оставаться въ Ефимовкѣ зазорно, хотя я и знаю, что я здѣсь

*) Сб. П. Г., стр. 47 и 38, а также сб. «Кр. ц.», стр. 13.

***) Сб. П. Г., стр. 44.

***) Тамъ же, стр. 39.

не составляю тяготы,—зазорно передъ самимъ собою: вѣдь нужно же, наконецъ, куда-нибудь дѣваться. Полкъ—чудище одно. Матушка пишетъ, что хорошо я бы сдѣлалъ, если бы постарался попасть въ городскіе учителя въ Петербургѣ; оно, положимъ, и хорошо,—только дѣло въ томъ, что я считаю себя совершенно негоднымъ для такого дѣла. Когда-то я даже слово дать себѣ никогда не лѣзть въ педагогію. Да, наконецъ, и не легко вовсе захватить одну изъ 20 открывающихся въ этомъ году ваканцій; я увѣренъ, что на 20 мѣстъ явится, по крайней мѣрѣ, 120 конкурентовъ, которые всѣ болѣе меня имѣютъ право на мѣсто. Прибѣгать къ помощи протекціи, чтобы мнѣ оттереть дѣйствительно годнаго чело-вѣка,—какъ-то погано».

О томъ, чтобы существовать одною литературою, нечего было и думать. Въ виду болѣзни В. М.—чѣть готовъ былъ совсѣмъ отказаться отъ литературы. «Писать я не могу (должно быть), а если и могу, то не хочу,—писалъ онъ въ письмѣ къ В. Н. Афанасьеву 31 декабря 1881 г. *):—ты знаешь, что я писалъ, и можешь имѣть понятіе, какъ доставалось мнѣ это писаніе. Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопросъ посторонній; но что писалъ въ самомъ дѣлѣ одними своими несчастными нервами, и что каждая буква стоила мнѣ капли крови, то это, право, не будетъ преувеличеніемъ. Писать

---

*) Сб. П. Г., стр. 40.

для меня теперь—значить снова начать старую сказку, и через три-четыре года, может быть, снова попасть въ больницу душевно-больныхъ. Богъ съ ней, съ литературой, если она доводитъ до того, что хуже смерти, гораздо хуже, повѣрь мнѣ. Конечно, я не отказываюсь отъ нея навсегда; черезъ нѣсколь-ко лѣтъ, можетъ быть, и напишу что-нибудь. Но сдѣлать литературныя занятія единственнымъ занятіемъ жизни—я рѣшительно отказываюсь».

Размышленія о томъ, какъ устроиться, привели В. М—ча даже къ мысли, какъ мы выше говорили, о вторичномъ поступленіи въ военную службу, и это намѣреніе одно время такъ серьезно заняло его, что онъ по этому поводу велъ продолжительную переписку со старымъ товарищемъ-офицеромъ.

Въ послѣднее время пребыванія въ Ефимовѣ В. М—чь написалъ свою сказочку «То, чего не было». Предназначалась она для рукописнаго дѣтскаго журнальчика «Маленькій корабликъ», который задумали издавать дѣти А. Я. Герда, но сказка, какъ В. М—чь самъ признавалъ, вышла недѣтская, «скалдырническая», т. е. слишкомъ мизантропическая, и была напечатана въ журналѣ «Устой». Но раньше выхода въ свѣтъ, она стала извѣстною среди публики и возбудила разные толки. По этому поводу В. М—чь жалуется въ письмѣ къ В. А. Фауссеку (26 февраля 1882 г.) *):

*) Сб. П. Г., стр. 41.

«Господи, вотъ гдѣ истинные мизантропы, серъ! Экій, подумаешь, нюхъ! Гдѣ и нѣтъ ничего—и тамъ слышится имъ запахъ. Клянусь моимъ свиданьемъ съ вами: мнѣ и въ голову не приходило, что за эти-ми Антонами и мухами можно угадывать что-нибудь, кромѣ мухъ и Антоновъ. Какъ хорошо прежде было: сиди себѣ и бряцай «рукой разсѣянной», а теперь только начнешь бряцать — думаешь: просто струну невинную зацѣпишь, анъ оказывается, что NN за носъ задѣлъ».

Въ маѣ 1882 года В. М.—чъ былъ уже въ Петербургѣ. Въ числѣ причинъ, влекшихъ его сюда, было желаніе повидаться съ Тургеневымъ, который сочувственно отнесся къ В. М.—чу съ появленія первыхъ рассказовъ его и принималъ большое участіе въ немъ во время его болѣзни. Когда В. М.—чъ оправился, онъ вступилъ съ Тургеневымъ въ переписку. Послѣдній собирался пріѣхать на лѣто 1882 г. въ Россію и приглашалъ В. М.—ча провести это лѣто у него въ имѣніи (Спасское-Лутовиново). Болѣзнь помѣшала Тургеневу побывать въ Россіи, но онъ все-таки приглашалъ В. М.—ча пріѣхать въ Спасское и пожить тамъ, сколько проживется.

Прибывъ въ Петербургъ, В. М.—чъ занялся изданіемъ первой книжки своихъ рассказовъ. Когда книжка была напечатана, В. М.—чъ воспользовался приглашеніемъ Тургенева и отправился въ Спасское. Здѣсь въ это время гостилъ поэтъ Я. П. Полонскій съ семьей; такимъ образомъ образовалось небольшое

общество. В. М—чъ съ удовольствіемъ отзывался о времени, проведенномъ въ имѣніи Тургенева, гозоря, что тамошняя обстановка какъ нельзя лучше благоприятствовала душевному успокоенію и работѣ. Въ это время были написаны имъ «Записки рядоваго Иванова».

Осенью В. М—чъ былъ снова въ Петербургѣ. Начались поиски какого-нибудь посторонняго занятія ради насущнаго хлѣба. Сначала В. М—чъ поступилъ въ помощники управляющаго торговою частью Анноповской писчебумажной фабрики, въ Гостиномъ дворѣ, на 50 р. мѣсячнаго жалованья. Но занятія эти, довольно иногда тяжелыя и отнимавшія у него много времени, продолжались недолго, а въ слѣдующемъ году В. М—чъ получилъ мѣсто секретаря съѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ. Въ слѣдующемъ же 1883 г. 11 февраля В. М—чъ женился на слушательницѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ, Надеждѣ Михайловнѣ Золотиловой.

Съ пріисканіемъ мѣста и съ женитьбою для В. М—ча наступилъ самый свѣтлый моментъ его жизни. Семейная жизнь его была до того счастлива, что даже удивляла его, и онъ писалъ всегда друзьямъ о ней, какъ объ «удивительномъ исключеніи изъ матримоніальныхъ порядковъ»... «Вотъ одиннадцатый мѣсяць, какъ мы обвѣнчались — писалъ В. М—чъ Латкину 9 декабря 1887 г.—всегда буду помнить этотъ годъ съ благодарностью Богу и судьбѣ. И надѣмся, что наша жизнь будетъ долго также

спокойна (глупое слово, найди самъ): очень ужъ мы съ нею сошлись»...

Кромѣ взаимной любви и соотвѣтствія характеровъ молодыхъ супруговъ, большое значеніе для В. М—ча имѣло то обстоятельство, что Надежда Михайловна была женщина-врачъ. Больной, онъ нуждался не только въ заботливомъ уходѣ, но и въ разумномъ медицинскомъ присмотрѣ. В. М—чъ хорошо понималъ, какъ много заботъ, хлопотъ и страданій доставлялъ онъ женѣ и очень высоко цѣнилъ ея терпѣливья и иѣжныя попеченія о немъ.

Благодаря занимаемому мѣсту, матеріальныя заботы были сняты съ В. М—ча. Мѣсто секретаря съѣзда, вполне обезпечивая скромныя потребности его, въ то же время не особенно обременяло его: оно требовало усиленныхъ занятій не болѣе одного. двухъ мѣсяцевъ въ году, когда собирался съѣздъ; въ остальное время текущія дѣла отнимали очень немного времени. Отношенія къ сослуживцамъ и начальству у В. М—ча сразу установились самыя задушевныя.

Обезпеченность и досугъ доставили В. М—чу возможность свободно располагать своимъ временемъ и писать, когда приходитъ желаніе. И вотъ мы видимъ, что онъ энергически принялся за литературную работу. Въ половинѣ 1883 года онъ писалъ сразу три разсказа, между прочимъ «Красный цвѣтокъ». Съ этого же времени онъ задумалъ большую историческую повѣсть изъ эпохи Петра Великаго, о чемъ онъ меч-

талъ еще въ ранніе годы юности, какъ признавался самъ, и для этого усиленно занимался чтеніемъ историческихъ изысканій и сырыхъ матеріаловъ, относящихся къ этой эпохѣ. Содержаніе повѣсти должно было представлять борьбу старой и новой Россіи. Представителями послѣдней должны были быть самъ Петръ и «пирожникъ»—князь Меншиковъ, а представителемъ старой Россіи—извѣстный подъячій Докукинъ, рѣшившійся поднести Петру знаменитое «письмо», въ которомъ онъ прямо и рѣшительно указалъ ему темныя стороны его дѣятельности. Фигура Петра производила еще въ дѣтствѣ громадное впечатлѣніе на В. М—ча, а личность Докукина заинтересовала его при первомъ же знакомствѣ. Мысль объ историческомъ романѣ не оставляла В. М—ча до самой смерти, и во всѣ остальные годы своей жизни онъ постоянно былъ занятъ ознакомленіемъ съ матеріалами по исторіи эпохи Петра I, а также предшествовавшаго и послѣдующаго времени.

Однимъ словомъ, въ продолженіе всего 1883 года В. М—чъ былъ избавленъ отъ припадковъ меланхоли, былъ веселъ, оживленъ, полонъ энергіи, надеждъ, не смотря на то, что лѣто провелъ въ Петербургѣ, ограничившись лишь небольшою экскурсіею, съ Малышевымъ въ Тихвинъ на 500-лѣтіе тихвинской иконы, при чемъ туда ѣхали они по желѣзной дорогѣ и на почтовыхъ, а назадъ—на почтовыхъ и на пароходѣ по Сяси, каналамъ и Невѣ.

Но при всемъ этомъ внѣшнемъ благополучіи и

довольствѣ, даже и въ эти самые свѣтлые дни жизни не переставалъ точить сердца В. М—ча червякъ, не дававшій ему насладиться вполне безоблачнымъ счастьемъ. Съ одной стороны, не мало смущала его временами боязнь вновь подвергнуться психическому недугу. Такъ, по словамъ Я. В. Абрамова, В. М—чъ не разъ говорилъ ему *): «Я предпочиталъ бы страдать самою ужасною болѣзнию, быть сифилитикомъ, отличаться крайнимъ уродствомъ, наконецъ, потерять обѣ руки, только избавиться бы отъ этой ужасной болѣзни сумасшествія». Такія мрачныя опасенія В, М—чъ высказывалъ даже въ минуты совершеннаго спокойствія и счастья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общій характеръ русской жизни въ то время былъ таковъ, что омрачалъ духъ даже людей съ вполне здоровыми нервами. Можно же судить о томъ, какъ тяжело ложились впечатлѣнія жизни на болѣзненно-чуткія нервы В. М—ча. Такъ, по поводу извѣстія о самоубійствѣ одной знакомой дѣвушки онъ писалъ, между прочимъ, В. А. Фауссеку въ письмѣ 18 мая 1883 г.:

«Всѣ люди, которыхъ я зналъ, раздѣляются (между прочими дѣленіями, которыхъ, конечно, множество: умные и дураки, Гамлеты и Донъ-Кихоты, лѣнтяи и дѣятельные и пр.) на два разряда, или, вѣрнѣе, распредѣляются между двумя крайностями: одни обладаютъ хорошимъ, такъ сказать, самочувствіемъ,

*) Сб. П. Г., стр. 44.

а другіе—сквернымъ. Одинъ живетъ и наслаждается всякими ощущеніями: ѣсть онъ—радуется, на небо смотреть — радуется. Даже низшія фізіологическія отправленія совершаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Это я не разъ слышалъ, да навѣрно и вы тоже. Словомъ, для такого человѣка самый процессъ жизни—удовольствіе, самое сознаніе жизни—счастіе. Вотъ какъ Платоша Каратаевъ. Такъ ужъ онъ устроенъ, и я не вѣрю ни Толстому, ни кому иному, что такое свойство Платоши зависитъ отъ міросозерцанія, а не отъ устройства. Другіе же совсѣмъ напротивъ: озолоти его, онъ все брюжжитъ; все ему скверно; успѣхъ въ жизни не доставляетъ никакого удовольствія, даже если онъ вполне на лицо. Просто человѣкъ неспособенъ чувствовать удовольствія,—неспособенъ да и все тутъ. Отчего? — конечно, не я вамъ это скажу: когда Бернары найдутъ хвостики самыхъ хвостиковъ нервовъ и все поймутъ и опишутъ, тогда сейчасъ и объяснятъ. Посмотрятъ подъ микроскопомъ и скажутъ: ну, братъ, живи, потому что если тебя даже каждый день съѣчь стануть, то и тогда ты будешь доволенъ и будешь чувствовать себя великолѣпно. А другому скажутъ: плохо твое дѣло, никогда ты не будешь доволенъ: лучше заблаговременно помирай. И такой человѣкъ помретъ. Такъ умерла и Надя. Ей тоже все сладкое казалось горькимъ. Да и сладкаго немного было»...

Переходя затѣмъ къ себѣ, В. М.—чѣ пишетъ въ томъ же письмѣ:

«Служу, женатъ. Вообще «очень потолстѣлъ и играетъ на скринкѣ», насколько можетъ предаваться такому занятію человѣкъ, который по устройству своему также склоненъ принимать сладкое если не за горькое, то за не очень сладкое. Насколько я могу быть доволенъ, кажется, доволенъ. Недоволенъ только тѣмъ, что почти ничего не пишу. Пугаюсь даже, Викторъ Андреевичъ, не кончилъ-ли я своей литературной карьеры. До такой степени трудно писать, думать, что я не знаю. Въ головѣ-ли у меня совершается какой-то скверный процессъ («хвостики» портятся), или это «такъ» — временное затмѣніе напало? Не знаю, но только хотя писать охота смертная, да участь горькая — ничего не выходитъ».

Насколько внѣшнія впечатлѣнія раздражали и мучали В. М — ча, мы можемъ судить также и изъ слѣдующей выдержки изъ письма В. М. Латкину 23 декабря 1883 г.

«6-го были мы съ Васей у Х: собралось на именины человѣкъ 15 молодыхъ учителей, адъюнктовъ, лаборантовъ и прочей ученой братіи. Нехорошее я вынесъ впечатлѣніе. Разговоры объ единицахъ, рѣшеніе геометрическихъ курьезовъ, разговоры о трихлорметилбензолонду, окислѣ какой-то чертовщины (я, конечно, навралъ въ этомъ названіи, какъ дикарь, но *si non vero, e ben trovato*) — это часть первая. Гнуснѣйшіе въ полномъ смыслѣ анекдоты — соединеніе ужасной чепухи съ безцѣльной

и неостроумной пахабщиной (какая-то турецкая или ташкентская) это вторая. Основательная выпивка— третья. И больше ничего. Ни одного не только разумнаго, а хоть сколько-нибудь интереснаго слова. Право, какое-то одичаніе... Да и вообще одичаніе. Какъ мы привыкли, напрімѣръ, къ этому свѣжеванію. Толкують, конечно, потому что любопытно и интересно, но ужаса—никакого, такого ужаса, какой испытываетъ человѣкъ въ морѣ, а онъ (ужасъ) вполнѣ законенъ»...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, уже въ февралѣ 1884 года В. М.—чѣ заскучаль. Такъ, 3-го февраля онъ писалъ В. А. Фауссеку: «Теперь я «влачу жизнь». Именно не живешь, а влачишь жизнь, т. е. не прилагаешь къ ней никакихъ стараній, а отдаешься пассивно: пусть будетъ, что будетъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю переменны настроенія (точно морякъ вѣтра!), чтобы что-нибудь писать. Пробоваль я было писать, да что-то не идетъ... Вчера мнѣ минуло 29 лѣтъ. Довольно скверное чувство овладѣваетъ мной при мысли, что *тридцать* лѣтъ черезъ годъ, и что молодость прошла. А впрочемъ, куда ни посмотришь, молодость далеко не обрѣтается въ авантажѣ. Можетъ быть и лучше, что моя молодость прошла» *)...

Въ теченіи лѣта хандра эта усилилась до такой

---

*) Сб. П. Г., 51.

степеннѣ, что В. М—чъ долженъ былъ прекратить всякія занятія. «Я страшно хандрю всѣ эти полгода—писалъ онъ В. А. Фауссеку *)—самой скверной, безпричинной хандрой и ужасно боюсь, какъ бы не заболѣть. Мнѣ не такъ страшно умереть, какъ заболѣть. А не будь возлѣ меня Надежды Михайловны, непременно заболѣлъ бы... Теперь у меня нѣтъ острой, мучительной тоски, но апатія и лѣнь чудовищныя. И нѣтъ никакихъ силъ сбросить ихъ съ себя. Очень плохи мои дѣла, В. А.»

Но на этотъ разъ, благодаря уходу жены и силамъ, пріобрѣтеннымъ пребываніемъ въ Ефимовкѣ, В. М—чъ скоро отдѣлался отъ своей болѣзни и къ августу на столько оправился, что могъ приняться за большую работу, именно за повѣсть «Надежда Николаевна». «Ты спрашиваешь — писалъ онъ В. М. Латкину 10 августа 1884 года—что я пишу. Приступаю только къ написанію той самой старинной штукѣ о художникѣ, его амантѣ и злодѣѣ убійцѣ, которую ты, помнится, одобрилъ. Выйдетъ что-то листа въ четыре, а можетъ быть и больше—по моимъ привычкамъ вещь огромная, надъ которой придется сидѣть мѣсяца 2—3» **).

Затѣмъ 18 ноября онъ писалъ тому же Латкину: «Художникъ-убійца подходитъ къ концу; нарочно для него ходилъ въ «залъ общедоступныхъ увеселеній»

*) Тамъ-же, стр. 111.

**) См. П. Г., стр. 53.

(нѣчто въ родѣ Марцинкевича) и тамъ созерцаль множество б. и б.».

Къ началу 1885 года повѣсть была окончена и напечатана въ первыхъ книжкахъ «Русской Мысли». Вообще къ этому времени жизнь В. М—ча вполне установилась, и остальные годы представляютъ одинъ и тотъ же однообразный характеръ: зимой нѣсколько мѣсяцевъ оживленія и энергической дѣятельности въ свободные часы отъ службы, лѣто, проводимое по большей части въ квартирѣ родныхъ его жены, въ Сухопутной таможи у Екатерингофа, проходило въ неизмѣнныхъ принадлежностяхъ меланхолии, которые съ каждымъ годомъ дѣлались продолжительнѣе.

Но прежде, чѣмъ мы остановимся на выдающихся фактахъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ жизни В. М—ча и на его печальной кончинѣ, постараемся, на сколько можемъ, изобразить портретъ В. М—ча со всѣми выдающимися нравственными и умственными качествами его, руководствуясь для этого воспоминаніями друзей его, и въ особенности В. А. Фауссека, знавшаго покойнаго очень близко въ продолженіи 12 лѣтъ и напечатывшаго въ Сб. Пам. Гарш. самыя обстоятельныя воспоминанія о своемъ другѣ.

Первое, что васъ болѣе всего поражаетъ во всѣхъ отзывахъ о В. М—чѣ, какъ о человѣкѣ, это общій и единодушный восторгъ при видѣ чего-то необыкновеннаго по своей безукоризненной цѣльной

идеальности. Такъ, напр., вотъ какъ отзывается о немъ А. И. Эртель *): «При первомъ же знакомствѣ васъ необыкновенно влекло къ нему. Печальный и задумчивый взглядъ его большихъ «лучистыхъ» глазъ, дѣтская улыбка на губахъ, то застѣнчивая, то ясная и добродушная, «искренній» звукъ голоса—я не умѣю подобрать другаго выраженія — что-то необыкновенно простое и милое въ движеніяхъ—все въ немъ прельщало... И за всѣмъ тѣмъ, все, что онъ ни говорилъ, все, что онъ ни думалъ, не становилось въ противорѣчіе съ его виѣшними обстоятельствомъ; не вносило диссонанса въ эту удивительно гармоническую натуру. Трудно было найти большую скромность, большую простоту, большую искренность; въ малѣйшихъ отбѣнкахъ мысли, какъ и въ малѣйшемъ жестѣ, можно было замѣтить ту же присущую ему мягкость и правдивость...»

Съ такимъ же восторгомъ отзывается о своемъ другѣ и В. А. Фауссекъ **): «Я часто думалъ—говорить онъ — что если можно представить себѣ такое состояніе міра, когда въ человѣчествѣ наступила бы полная гармонія, то это было бы тогда, если бы у всѣхъ людей былъ такой характеръ, какъ у В. М—ча. Онъ не былъ способенъ ни на какое дурное движеніе душевное. Основная черта его была—необыкновенное уваженіе къ правамъ и чувствамъ другихъ людей, необыкновенное признаніе челове-

*) Сб. Кр. Цв., стр. 45—46.

**) Сб. П. Г., стр. 107.

скаго достоинства во всякомъ человѣкѣ, не разсудочное, не вытекающее изъ выработанныхъ убѣжденій, а бессознательное, инстинктивно свойственное его натурѣ. Чувство человѣческаго равенства было ему присуще въ высшей степени; всегда со всѣми людьми, безъ исключенія, держался онъ одинаково... Онъ уважалъ право всякаго человѣка имѣть свои интересы, и съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, умѣлъ всегда войти въ кругъ желаній и понятій своего собесѣдника, понять и оцѣнить значеніе тѣхъ интересовъ, которые его занимаютъ... Насмѣшливость совершенно не была въ его характерѣ. Онъ любилъ трунить и добродушно подсмѣиваться надъ своими друзьями, охотно и самъ въ свою очередь подвергался шуткамъ. Но я въ жизни не слыхалъ, чтобы онъ сказалъ кому-либо въ лицо насмѣшку или самую незначительную колкость; если онъ хотѣлъ выразить свое неодобреніе, то всегда говорилъ серьезно и открыто, и всегда съ огорченіемъ.

«Когда онъ узнавалъ о какомъ-нибудь зломъ дѣлѣ, дурномъ поступкѣ, въ немъ сильнѣе пробуждалось чувство участія къ пострадавшему, чѣмъ негодованія противъ обидчика. А все-таки иногда онъ бывалъ вспыльчивъ, и если на его глазахъ случалась какая-нибудь гадкая, злая обида, онъ могъ выходить изъ себя и безъ малѣйшаго колебанія и раздумья становился на защиту обижаемаго, не стѣняясь въ выраженіяхъ вражды. Теорія непротивле-

нія злу казалась ему особенно несимпатичною своею холодною разсудочностью»...

А вотъ что говорить о В. М—чѣ сослуживецъ его г. Н. Васильевъ *):

«Своимъ благороднымъ, добродушно кроткимъ, простымъ и тихимъ обращеніемъ, В. М—чѣ приблизилъ къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣло. Приобрѣлъ общія симпатіи служащихъ, сталъ общимъ всѣхъ любимцемъ. Кротостію и добродушіемъ онъ доводилъ иногда до изумленія. Въ подтвержденіе послѣдняго, я приведу здѣсь два-три факта.

«Разъ посланный за полученіемъ денегъ на почту по одной повѣсткѣ получилъ и сдалъ ему деньги сполна, а по другой отдалъ только пакетъ съ препроводительной бумагой, извинившись, что вложенныя деньги издержалъ на свои потребности, и В. М—чѣ, по добротѣ своей, не только не донесъ объ этомъ кому слѣдовало, не въ состояніи былъ сдѣлать ему даже легкаго замѣчанія за это; вложилъ недоставленныя деньги изъ своихъ средствъ и только сожалѣлъ о поступившемъ такъ.

«Въ другой разъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ дерзкаго оскорбленія его лицомъ почти что постороннимъ, безъ малѣйшаго со стороны В. М—ча повода, отъ котораго онъ отошелъ безропотно и плакалъ; а на другой день самъ же себя винилъ,

*) См. Сб. Кр. Ц., стр. 25.

что оскорбился, говоря, что можетъ быть и самъ онъ виноватъ, что съ нимъ такъ поступили».

Не смотря на то, что по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ былъ одержимъ припадками меланхоли и писалъ такіе мрачные рассказы, при малѣйшемъ проясненіи духа и едва онъ чувствовалъ себя хоть немного здоровымъ, онъ тотчасъ же дѣлался преисполненнымъ самою свѣтлою жизнерадостностью. «У него была—говоритъ В. А. Фауссекъ *)—огромная способность понимать и чувствовать счастье жизни. Его разносторонняя, впечатлительная, богато-одаренная натура была крайне чутка ко всему доброму и хорошему въ мірѣ; всѣ источники радости и наслажденія въ человѣческой жизни были ему доступны и понятны. Страстный цѣнитель искусствъ, онъ всею душою любилъ поэзію, живопись и музыку, никогда не уставалъ ими наслаждаться. Знатокъ и любитель природы, онъ чрезвычайно чутко отнесся ко всѣмъ ея красотамъ, ко всѣмъ ея проявленіямъ; онъ любилъ небо и звѣзды, море и степь, звѣрей и растенія; книга природы была для него великолѣпная книга, каждая страница которой доставляла ему наслажденіе. Онъ любилъ людей, былъ общительнаго характера, и человѣческое общество ему, доброму, скромному и въ высшей степени терпимому чело-вѣку, всегда было пріятно, всегда доставляло удовольствіе. Онъ любилъ всякія физическія упражне-

---

*) Сб. П. Т., стр. 110.

нія, всякій личный трудъ и съ увлеченіемъ и радостью предавался имъ. Словомъ, всѣ источники радости и удовольствія, какіе только существуютъ для людей, всѣ были ему доступны»...

Изъ всѣхъ ручныхъ упражненій самымъ любимымъ для него было переплетное мастерство, которымъ онъ занимался съ большою любовью и посвящалъ ему обыкновенно почти каждый день предъобѣденные и послѣобѣденные часы. «Его нервность—говорить В. А. Фауссекъ *)—его живая, подвижная натура не давала покоя его рукамъ, вѣчно ищущимъ дѣятельности, и когда въ нихъ попадали какія-нибудь вещи, инструменты, мелкіе приборы, клочекъ бумаги или веревки—они подвергались цѣлому ряду фантастическихъ превращеній... Когда я, возвращаясь домой, находилъ въ своей комнатѣ какой-нибудь особенно странный беспорядокъ—книги, разложенныя узоромъ, или на столѣ огромное сооруженіе, на верхушкѣ котораго качалась на кончикѣ пера записка, я зналъ уже, что это заходилъ безъ меня В. М—чъ».

Техническія способности однажды совершенно неожиданно принесли ему не малую для него выгоду. Ему пришлось быть вечеромъ у одного стараго знакомаго, инженера. Разговоръ зашелъ о преміи, назначенной за устройство особаго приспособленія къ вагонамъ для перевозки хлѣба. Обсуждая

*) Сб. П. Г., стр. 97.

задачу и придумывая ея рѣшеніе, пріятели мало по малу создали цѣльный проэктъ вагона, въ тотъ же вечеръ написали его; сестра инженера переписала, и они рѣшили подать его, и если получатъ премію, раздѣлить ее на три части по числу сотрудниковъ.

Премія въ самомъ дѣлѣ досталась проэктору, и В. М—чъ получилъ на свою долю около 800 руб. Надсонъ, жившій тогда за границей, въ шуточномъ письмѣ къ В. М—чу поздравлялъ его съ успѣхомъ на инженерномъ поприщѣ и предсказывалъ ему великую желѣзнодорожную будущность *).

Начитанность В. М—ча была обширна и разнообразна, а превосходная память помогала ему сохранять въ головѣ обширный запасъ свѣдѣній. На первомъ планѣ, конечно, стояла для него русская литература, и онъ зналъ ее очень хорошо. У него былъ тонкій вкусъ и отличное критическое пониманіе. Сужденія его были мѣтки и оригинальны, и отзывы его были всегда вполне искренни и самостоятельны; все, что онъ говорилъ, было всегда его собственное, придуманное; онъ былъ въ высшей степени самостоятеленъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ. За современнымъ движеніемъ литературы онъ слѣдилъ внимательно, и всякое проявленіе новаго таланта его сердечно радовало. Покойнаго Надсона онъ близко зналъ и любилъ, и считалъ его очень талантливымъ. Въ послѣдніе годы жизни по-

*) Сб. II. I., стр. 98.

эта, когда онъ, умирая отъ чахотки, жилъ то за границей, то въ Кіевѣ, то въ Крыму, В. М—чь постоянно переписывался съ нимъ и радъ былъ хоть какой-нибудь бездѣлицей доставить ему мимолетное удовольствіе. Онъ писалъ ему остроумныя, полныя юмора письма; однажды онъ сочинилъ даже цѣлое посланіе на церковно-славянскомъ языкѣ, тщательно выводя славянскія буквы... Съ величайшею симпатіей встрѣтилъ онъ появленіе рассказовъ г. Короленко и позднѣе г. Чехова; въ его сердцѣ не было никогда ни тѣни зависти къ чужому успѣху.

«Онъ любилъ,—говорить далѣе г. В. А. Фауссекъ *)—изучать старую русскую литературу, и нѣкоторыя старинныя произведенія были его любимыми книгами, которыя онъ зналъ почти наизусть. Къ числу таковыхъ принадлежало, напр., житіе протопопа Аввакума. Онъ зналъ также много наизусть изъ старыхъ поэтовъ, изъ Ломоносова и Державина, любилъ цитировать Державина и указывать на его поэтическія достоинства. Пушкина и Лермонтова онъ перечитывалъ изъ года въ годъ. Онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что Пушкина надо каждый годъ перечитывать, потому что съ каждымъ годомъ жизни открываешь въ немъ все новыя черты. Я засталъ его какъ-то за «Евг. Онегинимъ»; онъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ плакалъ, читая, плакалъ не потому что былъ тронутъ какими-нибудь мѣстами

*) См. Сб. П. Г., стр. 100.

самой поэмы. а плакалъ отъ умиленія и восторга при мысли, что у насъ былъ такой поэтъ. «Вотъ стихи, которые я тысячу разъ читалъ, и всякій разъ замѣчаю новыя подробности». Онъ сталъ читать мнѣ отъѣздъ Лариныхъ изъ деревни и указалъ на стихъ «Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячь», какъ на перлъ добродушнаго юмора, ускользавшій до сихъ поръ отъ его вниманія.

Но настоящимъ властителемъ его думъ былъ Л. Н. Толстой. Его произведенія были для него настольною книгой, несравненнымъ образцомъ художественнаго творчества. Онъ перечитывалъ его десятки разъ и помнилъ всякую подробность. О герояхъ и разныхъ событіяхъ изъ романовъ Толстого онъ часто въ разговорѣ упоминалъ такимъ тономъ, какъ будто это былъ не вымыселъ, а дѣйствительность. Но съ религіозно-нравственнымъ ученіемъ Л. Н. Толстого Гаршинъ не могъ согласиться. Самая сущность этого ученія казалась ему ошибочною, вслѣдствіе стремленія построить жизнь на разсудочной почвѣ; между тѣмъ, жизнь управляется, по мнѣнію В. М—ча, главнымъ образомъ страстями людей. Ученіе о «непротивленіи злу» было ему несимпатично; онъ не одобрялъ Толстого за его презрѣніе къ историческому развитію нравственности, къ «историческому взгляду» на жизнь. Это не мѣшало ему, конечно, сочувствовать цѣлямъ и дѣятельности «Посредника». Онъ былъ друженъ съ П. Г. Чертковымъ и относился къ нему съ большою симпатіею и уваженіемъ.

Въ 1886 году онъ предоставилъ «Посреднику» издать «Четыре дня» съ картинками.

«Власть тьмы» онъ встрѣтилъ съ величайшимъ энтузіазмомъ. Въ одномъ небольшомъ обществѣ нѣкій критикъ прочелъ свою рецензію на драму Л. Толстого, возмутившую В. М—ча, и онъ возражалъ на нее, произнесши экспромптомъ цѣлую рѣчь, и такъ краснорѣчиво, такъ убѣдительно, что, казалось, вложилъ всю душу въ защиту любимаго писателя. Онъ защищалъ пьесу Толстого противъ обвиненія въ безнравственности; по его мнѣнію, «Власть тьмы» была настоящая, истинная трагедія, какъ ее понимали греки: по Аристотелю, трагедія должна вызывать въ зрителѣ «ужасъ и состраданіе»; «Власть тьмы» именно и вызываетъ ужасъ и состраданіе.

Съ европейскими литературами Гаршинъ не былъ знакомъ съ такою же основательностью; ему мѣшало плохое знаніе языковъ, такъ какъ лишь на французскомъ языкѣ онъ могъ читать свободно. Съ дѣтства не выучившись языкамъ практически, онъ потомъ никогда уже не могъ этого сдѣлать, хотя часто огорчался своимъ незнаніемъ. Не разъ принимался онъ за систематическое чтеніе по нѣмецки или по англійски, за грамматику и упражненія, но скоро утомлялся и бросалъ. Онъ вовсе не былъ лѣнивъ, но не могъ быть усидчивымъ; онъ никогда не могъ заниматься тѣмъ, что требовало много терпѣнія и выучки. Однообразный и утомительный трудъ, частое повтореніе одного и того же были

ему не по первамъ. А между тѣмъ, англійскій языкъ особенно привлекалъ его; національный геній англійскаго народа былъ для него всегда предметомъ уваженія и глубокаго интереса. Когда онъ мечталъ о поѣздкѣ за границу, то на первомъ планѣ всегда стояли Англія и Лондонъ. Ни одинъ народъ, по его мнѣнію, не могъ выставить двухъ такихъ именъ, какъ Ньютонъ и Дарвинъ: «и если я прибавляю къ нимъ—говорилъ онъ—еще третье великое имя—Шекспира, то должно сказать, что это дѣйствительно первый народъ на землѣ».

Тѣмъ не менѣе, европейскихъ классиковъ, равно какъ и древнихъ (разумѣется, въ переводахъ) онъ зналъ хорошо. Два европейскіе писателя пользовались его особенною любовью—это Диккенсъ и Андерсенъ. Слогу Диккенсовскихъ героевъ онъ любилъ подражать въ шутку въ своихъ письмахъ. Вліяніе Андерсеновыхъ сказокъ отразилось на его собственной литературной дѣятельности. Онъ сообщилъ однажды своему пріятелю, В. А. Фауссеку, что ему хотѣлось бы издать когда-нибудь всѣ свои сказки отдѣльной книжечкой съ общимъ посвященіемъ «великому учителю своему Гансу Христіану Андерсену». О его любви къ живописи, о постоянныхъ посѣщеніяхъ выставокъ и о знакомствахъ въ художественномъ мірѣ мы говорили. Позднѣе знакомства эти еще болѣе расширились, особенно среди членовъ товарищества передвижныхъ выставокъ; онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ И. Е. Рѣ-

пинымъ и Н. А. Ярошенко. Особенно сблизился онъ съ первымъ. «Очень я сошелся съ Рѣпинымъ—пишетъ онъ въ письмѣ къ Латкину 10 августа 1884 г. *)—какъ человѣкъ онъ мнѣ нравится не меньше, чѣмъ какъ художникъ. Такое милое, простое, доброе и умное созданіе Божіе этотъ Илья Ефимычъ, и къ этому еще, насколько я могъ оцѣнить, сильный характеръ, при видимой мягкости и даже нѣжности. Не говорю о томъ, какъ привлекателенъ уже самый талантъ его. Я, кажется, писалъ тебѣ, что онъ началъ мой портретъ. Скоро онъ будетъ конченъ»...

Въ какой восторгъ привела его знаменитая картина Рѣпина «Иванъ Грозный», мы можемъ судить по выдержкѣ изъ слѣдующаго письма В. М.—чакъ В. М. Латкину, 20 февраля 1885 г. **).

«Въ какомъ бы восторгѣ былъ ты теперь, увидѣвъ «Ив. Грозн.» Рѣпина. Да, такой картины у насъ еще не было, ни у Рѣпина, ни у кого другаго,—и я желалъ бы осмогнѣть всѣ европейскія галереи для того только, чтобы сказать тоже и про Европу... Представь себѣ Грознаго, съ котораго соскочилъ царь, соскочилъ Грозный, тиранъ, владыка,—ничего этого нѣтъ; передъ тобою выбитый изъ сѣдла звѣрь, который подъ вліяніемъ страшнаго удара на минуту сталъ человѣкомъ. Я радъ, что живу въ то время, когда живетъ Илья Ефимовичъ Рѣ-

*) Сб. П. Г., стр. 52.

**) Сб. П. Г., стр. 54.

пинъ. У меня нѣтъ похвалы для этой картины, которая была бы ея достойна»...

Члены товарищества передвижныхъ выставокъ приглашали его на свои обычные обѣды передъ началомъ выставки.

Возросшій въ то время, когда у насъ естественныя науки были въ особенной модѣ и литература наводнялась популярными переводными книгами по естествознанію, В. М.—чѣ въ молодости прочиталъ множество такихъ книгъ; да и позднѣе прочитывалъ все, что попадало ему подъ руку изъ области естествознанія. О лѣтѣ, о степи, о животныхъ, дикихъ и домашнихъ, о ихъ нравахъ и привычкахъ, могъ онъ говорить цѣлые часы; въ его разказахъ было много поэзіи, много юмору и наблюдательности. Имя Дарвина было для него однимъ изъ величайшихъ именъ и къ нашимъ доморощеннымъ антидарвинистамъ онъ относился съ враждебной насмѣшкой. Они не понимаютъ того,—говорилъ онъ,—что если бы даже всѣ теоретическіе взгляды Дарвина были поколеблены, его заслуга отъ этого не уменьшится. «Онъ взглянулъ на міръ иными глазами, чѣмъ смотрѣли до него; онъ научилъ людей иначе думать. Его критики не замѣчаютъ того, что, когда они даже опровергаютъ его, они идутъ въ томъ же направленіи, которое имъ указано, смотрятъ на вещи такъ, какъ онъ научилъ смотрѣть».

Писалъ онъ свои разказы недолго, обыкновенно даже очень быстро, списывая мелкимъ почер-

комъ маленькіе, беспорядочные клочки бумаги; но когда онъ садился писать, весь рассказъ былъ уже готовъ въ его головѣ. Онъ обдумывалъ его на улицѣ, во время своихъ продолжительныхъ прогулокъ, или дома, работая, за переплетнымъ станкомъ. Онъ говорилъ, что главное удовольствіе, доставляемое ему переплетаніемъ книгъ, состоитъ въ томъ, что за этимъ занятіемъ такъ хорошо думать.

Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ много и долго работать. Не даромъ говорилъ онъ, что каждая буква стоила ему капли крови. Литературная работа слишкомъ утомляла его, слишкомъ напрягала его нервы, чтобы онъ могъ постоянно или часто заниматься ею. Онъ не могъ писать спокойно и не волнуясь; его маленькіе рассказы требовали отъ него сильнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ и созданія его воображенія глубоко его волновали.

И. Павловскій въ своей статьѣ «Дебютъ В. М. Гаршина» *) рассказываетъ, какъ В. М—чъ пришелъ однажды къ одной знакомой акушеркѣ, г-жѣ Д. когда она готовилась къ экзамену. Какъ товарищу, котораго достаточно уважаешь, чтобы не стѣсняться съ нимъ, она сказала ему, что занята и не можетъ съ нимъ болтать.—«Ничего, работайте, я напишу», отвѣтилъ В. М—чъ. Д. продолжала заниматься, а В. М—чъ, вынувши записную книжку, сталъ что-то записывать. Прошло нѣкоторое время; г-жа Д.,

---

*) Сб. «Кр. цв.», стр. 20.

углубленная въ занятіе, была вдругъ пробуждена рыданіями. Плакалъ В. М—чъ, описывая страданія Надежды Николаевны.

Мы уже говорили выше, что въ послѣдніе четыре года болѣзнь В. М—ча возвращалась къ нему каждое лѣто, становилась сильнѣе и все болѣе и болѣе захватывала осенніе мѣсяцы. «Промучавши его, по словамъ В. А. Фауссека *), цѣлое лѣто, это меланхолическое состояніе проходило въ августѣ-сентябрѣ такъ же быстро и внезапно, какъ появлялось. Иной разъ было даже удивительно. Три дня тому назадъ видѣлъ Гаршина въ самомъ несчастномъ видѣ; смотришь—онъ идетъ бодрый, спокойный, а еще черезъ два дня веселье и подвиженъ, какъ будто съ нимъ ничего не было. У него былъ одинъ странный симптомъ болѣзни. Со времени наступленія тоски онъ не могъ курить; какъ только болѣзнь начинала его покидать, у него вдругъ снова появлялся аппетитъ и вкусъ къ куренію. Онъ зналъ это, и въ концѣ лѣта съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ ждалъ, когда онъ будетъ опять въ состояніи курить. Это ожиданіе раздѣляли и его окружающіе: какъ только куреніе дѣлалось ему доступнымъ, онъ зналъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ здоровъ. «Въ эти тяжкіе, ежегодно повторявшіеся періоды, жена его была ему неоцѣненнымъ другомъ, помощникомъ, нянькой. Съ безконечнымъ терпѣніемъ ухаживала она за нимъ,

*) Сб. П. Гарш., стр. 11.

успокоивала, берегла его, отстраняя отъ малѣйшихъ трудовъ, хлопотъ и волненій, день и ночь возилась около него, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь, облегчить и успокоить. Онъ былъ тяжелъ въ это время; его мрачный, страдающій видъ производилъ довольно угнетающее впечатлѣніе. Его слезы и жалобы разстраивали. Иногда онъ становился раздражительнымъ. Безпомощный и изнеможенный, онъ не могъ исполнять самыхъ пустыхъ житейскихъ мелочей; пойти куда-нибудь по самому пустому дѣлу было для него невыносимымъ трудомъ. Служба его, обыкновенно мало его утомлявшая, даже развлекавшая его, превращалась для него въ каторгу. И надобно отдать справедливость учрежденію, въ которомъ онъ служилъ: и главный завѣдующій имъ, и всѣ сослуживцы относились къ В. М—чу съ полнымъ участіемъ, съ самымъ искреннимъ вниманіемъ. Во время его заболѣванія ему доставляли всевозможныя облегченія, обыкновенно освобождали даже совсѣмъ отъ его обязанностей до выздоровленія. Онъ высоко цѣнилъ дружелюбное участіе и хорошее расположеніе своихъ сослуживцевъ и чувствовалъ къ нимъ самую теплую благодарность.

Въ свободные отъ болѣзни мѣсяцы В. М—чу по прежнему занимался изученіемъ 18-го столѣтія для своего историческаго романа, редактировалъ вмѣстѣ съ А. Я. Гердомъ выпуски библиографическаго листка подъ заглавіемъ «Обзоръ дѣтской литературы». Въ началѣ 1886 года былъ написанъ

имъ разсказъ «Агей». Это былъ послѣдній его беллетристическій трудъ, появившійся въ печати, въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли». Лѣто 1886 года провелъ онъ въ Сухопутной таможенѣ въ ужасномъ видѣ.

«Я посѣщалъ его въ это время нѣсколько разъ—разсказываетъ Я. В. Абрамовъ *)—мнѣ приходилось видѣть его больнымъ и въ предшествовавшія лѣта, но никогда онъ не производилъ на меня такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ въ это лѣто. Особенно тяжело было видѣть его въ первое посѣщеніе. Онъ лежалъ полураздѣтый и увѣрялъ, что не можетъ подняться съ постели. Дѣйствительно, онъ страшно исхудалъ и казался совершенно обезсиленнымъ. Между прочимъ, онъ жаловался на сильную боль въ одномъ мѣстѣ головы, боль, доводившую его до того, что онъ кричалъ. Мало по малу, разговаривая съ В. М.—чемъ о текущихъ литературныхъ явленіяхъ, а также о французскихъ и англійскихъ писателяхъ, въ особенности о Диккенсѣ, въ симпатіяхъ къ которому мы сходились, я отвлекъ его мысли отъ его собственнаго состоянія и онъ мало по малу пободрѣлъ, забылъ о своей головной боли, всталъ съ постели и даже предложилъ мнѣ погулять по садику и огороду, прилегавшимъ къ дому. Мы отправились, ходили, лежали на землѣ—и В. М.—чѣ былъ очень разговорчивъ и почти веселъ. Между прочимъ, онъ много смѣшного разсказывалъ по поводу полураз-

*) Сб. П. Г., стр. 59—60.

рушившихся построекъ, стоявшихъ передъ нами, выстроенныхъ въ ожиданіи громаднаго наплыва товаровъ, подлежащихъ таможенному осмотру, но оказавшихся не нужными за отсутствіемъ этихъ товаровъ. Но затѣмъ какой-то неосторожный вопросъ съ моей стороны навелъ его мысли снова на него самого, и онъ сразу измѣнился: почувствовалъ себя уставшимъ, больнымъ, поспѣшилъ въ комнаты,—и я оставилъ его совсѣмъ разнемогшимся. Въ такомъ же родѣ были и остальные наши свиданія. Въ его болѣзни большую роль играло разстроенное воображеніе, но насколько онъ дѣйствительно страдалъ, лучше всего показывало его пожелтѣвшее, осунувшееся лицо, его худоба и полная неспособность что-либо дѣлать въ періодъ болѣзни. Между прочимъ, онъ жаловался въ это лѣто на то, что у него пропала довольно большая работа: въ теченіе предшествовавшей зимы она сложилась у него въ головѣ и уже въ значительной мѣрѣ была перенесена на бумагу; оставалось связать отдѣльныя части, и повѣсть была бы готова, но болѣзнь помѣшала этому, и онъ, какъ увѣрялъ, *забылъ*, что собственно онъ хотѣлъ написать. Кажется, эта работа была имъ сожжена.

«Къ зимѣ 1886 г. В. М.—чѣ опять оправился. Въ эту зиму—разсказываетъ Я. В. Абрамовъ—я видѣлся съ нимъ особенно часто. Помимо свиданій безъ особенно опредѣленной цѣли, мы сходились часто потому, что работали вмѣстѣ надъ обработкою матеріала

для дальнѣйшихъ выпусковъ «Обзора дѣтской литературы». Никогда В. М—чъ не казался мнѣ такимъ веселымъ и полнымъ жизни, какъ въ эту зиму 1886—87 гг. Между прочимъ, онъ усиленно интересовался въ это время художественными работами и старался просвѣтить на этотъ счетъ меня, совершеннаго профана по этой части: онъ чуть не читалъ мнѣ цѣлыя лекціи по теоріи и исторіи искусства, затащилъ разъ на передвижную выставку и т. д. Въ это время онъ написалъ для «Сѣвернаго Вѣстника» статью—отчетъ по поводу очередной выставки. Глядя на него, на его оживленіе, невольно хотѣлось вѣрить въ то, что онъ избавился отъ своего недуга. Особенно бодрымъ выглядѣлъ онъ послѣ того, какъ раннею весною 1887 года сдѣлалъ двухнедѣльную экскурсію въ Крымъ въ обществѣ нѣсколькихъ друзей. Уже въ половинѣ іюня В. М—чъ былъ еще вполне здоровъ и строилъ разные планы какъ относительно поѣздокъ въ Англію, на югъ Россіи и т. п.

«Но болѣзнь пришла, когда ея всего менѣе ожидали, и уже не оставляла В. М—ча до самой смерти. На этотъ разъ, кромѣ внутренней причины, дѣйствовали и внѣшнія. На В. М—ча обрушился рядъ непріятностей, приведшихъ къ полному разрыву съ близкими ему людьми. Болѣзнь В. М—ча сначала проявилась въ формѣ болѣе легкой сравнительно съ предшествовавшими годами, но затѣмъ она крайне усилилась и съ наступленіемъ холоднаго времени не

только не исчезла, какъ бывало прежде, но сдѣлалась еще интенсивнѣе. Ко всему, перенесенному В. М—чемъ, присоединился еще рядъ новыхъ непріятностей. Съ начала болѣзни В. М—чь, по обыкновенію, былъ освобожденъ отъ исполненія своихъ обязанностей по съѣзду до улучшенія здоровья. Но время шло, болѣзненное состояніе не исчезало. В. М—чь считалъ невозможнымъ долѣе пользоваться любезностью своего начальства и рѣшился приступить къ исполненію обязанностей секретаря, не смотря на свое печальное состояніе. Но когда онъ явился на службу, временно замѣнявшій его господинъ встрѣтилъ его крайне грубо и заявилъ ему, что онъ, соглашаясь замѣнить В. М—ча, рассчитывалъ занять его мѣсто навсегда. Грубая выходка эта такъ подѣйствовала на В. М—ча, что онъ немедленно заявилъ объ оставленіи имъ мѣста секретаря. Съ этого времени къ числу давившихъ В. М—ча мыслей присоединились еще мысли о томъ, что ему нечѣмъ будетъ жить, что теперь онъ ни къ чему негоденъ и неспособенъ и что онъ вынужденъ будетъ обременять свою жену заботами о его содержаніи.

«При болѣзненномъ состояніи В. М—ча на него крайне вредно отражалась каждая мелкая непріятность, а въ эту зиму 1887—88 года, какъ нарочно, этихъ непріятностей выпало на его долю весьма не мало. Помню, между прочимъ, какъ болѣзненно отзывалась на немъ грубая выходка одного изъ

«начинающихъ писателей» (надоѣдавшихъ В. М—чу своими визитами и просьбами о прочтеніи или построеніи ихъ дебютовъ); В. М—чь откровенно высказалъ свое невысокое мнѣніе о его «произведеніи», и тотъ наговорилъ В. М—чу кучу самыхъ невозможныхъ дерзостей, чѣмъ разстроилъ несчастнаго В. М—ча до послѣдней степени болѣзненности.

«Еще болѣе болѣзненно дѣйствовали на В. М—ча разныя непріятныя исторіи, совершавшіяся въ это время въ литературномъ мірѣ. В. М—чь всегда крайне скорбѣлъ передъ раздорами, царящими въ литературномъ мірѣ, вызываемыми силою и рядомъ чисто личными отношеніями. Въ зиму 1887—88 гг. было особенно много такихъ печальныхъ явленій,— и они крайне болѣзненно отзывались на впечатлительной натурѣ В. М—ча.

«Въ началѣ 1888 года съ В. М—чемъ произошелъ любопытный эпизодъ, вполне характерный для этой свѣтлой личности. Проходя ночью по Невскому проспекту, В. М—чь сдѣлался свидѣтелемъ возмутительной сцены: по распоряженію агента общественной нравственности два дворника волокли дѣвушку, заподозрѣнную въ проституціи. В. М—чь возмутился такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ человѣкомъ, хотя бы и съ проституткою, и вступился за несчастную. Заступничество его увлекло и собравшуюся на мѣстѣ толпу, которая также вступилась за дѣвушку. Явилась полиція, и послѣ разныхъ пререканій нѣсколько лицъ съ В. М—чемъ

отправились въ участокъ заявить жалобу на жестокое обращеніе агентовъ полиціи съ заподозрѣнной. Тамъ, вмѣсто принятія жалобы, переписали всѣхъ явившихся и привлекли ихъ къ отвѣтственности за нарушеніе общественной тишины и порядка. На разбирательствѣ у мирового судьи (конечно оправдавшаго всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу) высказалась во всей ясности симпатичная, глубоко-гуманная, всепрощающая натура В. М—ча. Въ то время, какъ другіе участники дѣла не могли иначе, какъ съ глубокой злобой, говорить объ агентѣ врачебно-полицейскаго комитета, арестовавшемъ несчастную дѣвушку, о дворникахъ, тащившихъ ее, и о полицейскомъ чиновникѣ, грубо встрѣтившемъ протестантовъ, явившихся въ участокъ заступиться за арестованную, В. М—чь относился ко всѣмъ этимъ лицамъ безъ малѣйшей злобы, указывая на то, что корень зла не въ этихъ исполнителяхъ медико-полицейскаго надзора, а въ самомъ этомъ надзорѣ, въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя создали и поддерживаютъ этотъ надзоръ» *).

До начала послѣдняго приступа болѣзни, лѣтомъ 1887 года В. М—чь задумалъ и почти написалъ новый рассказъ, какъ объ этомъ онъ сообщалъ В. А. Фауссеку въ письмѣ отъ 15 іюня 1887 года **)

«Почти кончилъ рассказъ, который врядъ-ли

*) Сб. П. Г., стр. 63.

***) Тамъ же, стр. 116.

увидить свѣтъ. Не знаю, порвать его или отложить. Очень деликатный для меня вопросъ. Дѣло въ томъ, что въ разказѣ фигурируетъ фантастическій элементъ и, можешь себѣ представить, наука. А такъ какъ дѣйствующія лица могутъ говорить о наукѣ, не превышая уровня пониманія автора, то выходитъ дѣло очень плохо...».

Когда осенью, того же года, В. А. Фауссекъ посылъ В. М—ча, послѣдній передалъ ему содержаніе этого разказа *).

«Это была странная исторія,—разсказываетъ В. А. Фауссекъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—съ яркимъ, фантастическимъ характеромъ, съ медіумическими явленіями и пространными діалогами научнаго и философскаго характера. Общій смыслъ ея былъ—защита ересей въ наукѣ, протестъ противъ научной нетерпимости, противъ исключительной ортодоксальности людей ученаго міра. Дѣйствующія лица повѣсти были ученые, старые и молодые, профессора университета и ученики ихъ, начинающіе, но гордые знаніемъ и враждебные ко всему, что «не научно», химики и физики. Между прочимъ, тамъ появлялись съ своими теоретическими взглядами и дѣйствительныя лица, не названныя, конечно, но описанныя съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ ихъ индивидуальныхъ чертъ, и между ними профессора Менделѣевъ и Манасеинъ. Оба они были всегда

*) Тамъ же, стр. 117—118.

предметомъ глубокаго уваженія В. М—ча и, лично знакомый съ проф. Манасеинымъ, онъ отзывался о немъ съ симпатіей, но, не будучи нисколько ни спиритомъ, ни гомеопатомъ, не одобрялъ ихъ отношенія къ этимъ «ересямъ». Въ повѣсти аргументація его основывалась главнымъ образомъ на исторіи науки, на томъ, сколько разъ уже ученія и теоріи, казавшіяся и всѣми признаваемыя за нелѣпость, за грубыя заблужденія, за суевѣріе—оказывались основанными на вполне реальныхъ фактахъ и открывали для научнаго изслѣдованія такія области, такія явленія, самое существованіе которыхъ никѣмъ не подозрѣвалось.

«Главными дѣйствующими лицами разсказа были два молодыхъ пріятели, одинъ начинающій ученый, молодой самодовольный педантъ, другой—тоже натуралистъ по образованію, но не занимающійся спеціально наукою, замкнутый въ себѣ, странный, болѣзненный чудакъ, можетъ быть даже съ легкимъ «психозомъ» и съ сильною склонностью къ отвлеченному мышленію. Онъ вѣчно сидитъ одинъ въ своей комнатѣ и думаетъ, и додумался до медіумическихъ явленій. По просьбѣ своего ученаго друга, пораженнаго новыми и таинственными явленіями, онъ показалъ то, до чего онъ додумался, избранному обществу ученыхъ скептиковъ—и поплатился, заранѣе это зная, за обнаруженіе своей «творческой силы» всей своей душевной дѣятельностью: послѣ сеанса онъ впалъ въ неизлечимое слабоуміе. При

этомъ въ повѣсти былъ описанъ петербургскій университетъ, зданіе физическаго кабинета, старинное зданіе, которое всегда интересовало В. М—ча.

«Онъ передалъ мнѣ весь рассказъ послѣдовательно и подробно, во многихъ мѣстахъ, вѣроятно, прямо подлинными словами, какъ было написано, и все, что онъ рассказывалъ, было очень умно и очень интересно; несмотря на отвлеченныя разсужденія, самый интересъ разсказа и фабулы все болѣе и болѣе возрасталъ, а фантастическій элементъ, полный страстной и нѣсколько болѣзненной поэтичности, придавалъ всему разсказу особенный оригинальный оттѣнокъ. Вообще, это была вещь въ высшей степени оригинальная. Онъ написалъ ее въ іюнѣ, кажется, всего въ нѣсколько дней, а когда заболѣлъ, то сжегъ рукопись, и теперь, рассказывая мнѣ, глубоко сожалѣлъ объ этомъ, и говорилъ, что не сможетъ уже вновь написать позднѣе, «когда поправится». Но ему уже не суждено было поправиться»...

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ отставку, жизнь его совершенно вышла изъ колеи. «Онъ плакалъ, по словамъ В. А. Фауссека, жаловался на свои страданія и приходилъ все въ большее и большее отчаяніе. По ночамъ его мучила бессонница и засыпалъ онъ часто не раньше 5 часовъ утра; проснувшись, онъ не имѣлъ силы встать съ постели и лежалъ иногда до 3, до 4 часовъ дня. Никакого занятія онъ не могъ переносить; его переплетный станокъ всю зиму простоялъ безъ употребленія. Обще-

ство людей нѣсколько развлекало его, но не надолго. Иногда, когда къ нему собиралось вечеромъ нѣсколько друзей и завязывался живой разговоръ о всякихъ вещахъ—о литературѣ, о политикѣ, о природѣ, онъ, сначала вялый, молчаливый и грустный, постепенно оживлялся, голосъ его становился громче и сильнѣе, онъ страхивалъ съ себя тоску свою и дѣлался на нѣкоторое время тѣмъ же умнымъ и живымъ собесѣдникомъ, какимъ онъ былъ обыкновенно. Но какъ только онъ оставался одинъ, минутное искусственное оживленіе исчезало мгновенно, и душой его опять овладѣвалъ мракъ отчаянья...

«Друзья его совѣтовали ему уѣхать; но онъ ни за что не хотѣлъ, боялся безлюдья и зимней дурной погоды гдѣ-нибудь на югѣ, куда-бы могъ онъ поѣхать. Н. Л. и М. П. Ярошенко предлагали ему ѣхать въ Кисловодскъ и жить тамъ у нихъ на дачѣ. Въ первыхъ числахъ марта В. М—чу стало хуже, онъ рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ гг. Ярошенко и началъ собираться въ дорогу. Но послѣ короткаго церерыва болѣзнь пошла впередъ быстрыми и рѣшительными шагами; онъ сталъ бояться за себя, поѣхалъ къ д-ру Фрею и совѣтовался съ нимъ. Докторъ еще надѣялся на улучшение и уговаривалъ его немедленно уѣхать. У него стали, повидимому, проскальзывать безумныя идеи, такъ какъ въ послѣдніе дни у него вырывались замѣчанія и слова, непонятныя для слушателей. Онъ чувствовалъ, вѣроятно, приближеніе безумія, не

выдержалъ страшнаго ожиданія, и 19-го марта, наканунѣ назначеннаго отъѣзда, когда все уже было готово и вещи уложены, послѣ мучительной, бессонной ночи, въ припадкѣ безумной тоски, онъ вышелъ изъ своей квартиры, спустился этажомъ ниже, и бросился съ лѣстницы въ пролетъ.

«Его подняли разбитаго, съ переломленной ногой, и перенесли въ квартиру. Тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ оставался еще въ сознаніи, онъ глубоко страдалъ нравственно, не переставая упрекать себя за свой поступокъ. Въ близости конца онъ, повидимому, былъ увѣренъ. «Неужели? неужели?» сказалъ онъ, глядя на свои изувѣченныя ноги; былали это радость, что прекратятся его страданія, или ужасъ при мысли, что для него все кончено,—это осталось непоятнымъ. Доктору, который успокаивалъ его, что черезъ мѣсяць онъ встанетъ, онъ отвѣтилъ усмѣшкой. Когда А. Я. Гердъ пріѣхалъ къ нему, онъ засталъ В. М.—ча лежащимъ на кровати и цѣлующимъ руки жены. На вопросъ, больно-ли ему, страдаетъ-ли онъ, онъ отвѣтилъ А. Я. Герду: «что значитъ эта боль въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь!» — и указалъ на сердце. Когда физическое страданіе усиливалось, В. М.—чь говорилъ «такъ мнѣ и нужно, такъ мнѣ и нужно».

Изъ маленькой квартирки въ Поварскомъ переулкѣ, гдѣ было неудобно оставлять больнаго и по тѣснотѣ помѣщенія, и по недостатку воздуха, онъ былъ въ тотъ же день перевезенъ въ лечебницу

Краснаго креста (на Бронницкой улицѣ). Тамъ онъ вскорѣ по прибытіи впалъ въ безсознательное состояніе и уже не выходилъ изъ него до смерти. «Я увидѣлъ его—разсказывалъ В. А. Фауссекъ *)—уже въ больницѣ, въ безсознательномъ состояніи. Около него сидѣла жена его и В. М. Латкинъ. Онъ казался спящимъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ здороваго, но очень утомленнаго человѣка. Дыханіе его было сильное и громкое. Онъ не шевелилъ ни рукой, ни ногой, и жена его (бывшая при немъ безотлучно) отъ времени до времени перемѣняла положеніе его головы и тѣла, чтобы не отекали члены. Къ головѣ его прикладывали ледъ. Красивый, южный типъ его смуглаго лица, его густые, черные волосы какъ-то особенно рѣзко выдѣлялись на бѣлой подушкѣ, бѣломъ одѣялѣ и бѣломъ платкѣ, прикрывавшемъ голову. Выраженіе лица было спокойно и не обнаруживало страданія»...

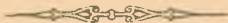
Въ четвергъ, 24-го марта, онъ тихо скончался. Похороны В. М.—ча въ субботу, 26 марта, были торжественные. Собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, пожелавшихъ проводить его въ послѣднее жилище. На гробъ было положено болѣе 20 вѣнковъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись вѣнки отъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, а также отъ разныхъ женскихъ «курсовъ» высшихъ, фельдшерскихъ, акушерскихъ. На могилѣ были произнесены обычныя рѣчи. Печать

*) См. Сб. П. Г., стр. 123.

единодушно оплакала безвременную утрату лучшаго изъ молодыхъ писателей, подававшаго своимъ талантомъ самыя блестящія надежды, а друзья не могли утѣшиться, потерявъ въ лицѣ его человѣка, въ высшемъ смыслѣ этого слова, который своею идеальною цѣльностью и чистотою мирилъ ихъ съ жизнью и пробуждалъ ихъ силы къ соревнованію и совершенствованію. Память его въ концѣ того же года была почтена двумя сборниками. Одинъ былъ изданъ друзьями Гаршина, нѣсколькими наиболѣе близкими къ нему писателями и художниками, подъ заглавіемъ «Памяти Гаршина»; другой сборникъ «Красный цвѣтокъ» былъ изданъ нѣсколькими молодыми беллетристами, сверстниками Гаршина. Цѣль перваго сборника заключалась въ учрежденіи школы покойнаго. Второй сборникъ имѣлъ своимъ назначеніемъ предоставить чистый сборъ въ комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ для пріобщенія къ капиталу имени В. М. Гаршина. Обѣ цѣли были достигнуты, такъ какъ сборники были распроданы въ теченіи одного года. Кромѣ массы статей и изящныхъ рисунковъ, которыми художники украсили сборникъ «Памяти Гаршина», въ обоихъ сборникахъ были тщательно собраны и напечатаны множество писемъ Гаршина, воспоминаній о немъ родныхъ и друзей и прочихъ біографическихъ матеріаловъ, которые главнымъ образомъ и послужили для настоящаго очерка. Но, конечно, все собранное и обнародованное пока со-

ставляетъ лишь часть всѣхъ тѣхъ біографическихъ матеріаловъ, какія могутъ быть напечатаны лишь въ послѣдствіи, когда придетъ для этого время. Поэтому многія обстоятельства жизни Гаршина остаются пока неразъясненными и полная біографія его возможна будетъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

А. Скабичевскій.

ОЧЕНЬ КОРОТЕНЬКІЙ РОМАНЪ.

ОЧЕНЬ КОРОТЕНЬКІЙ РОМАНЪ.

Стужа, холодъ... Январь на дворѣ и даетъ себя знать всякому бѣдному люду, дворникамъ, городо-вымъ — всѣмъ, кто не можетъ спрятать носъ въ теплое мѣсто. Онъ даетъ себя знать, конечно, и мнѣ. Не потому, чтобы я не нашелъ себѣ теплаго угла, а по моей собственной фантазіи.

Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ я брожу по пустой набережной? Четырехрожковые фонари ярко горятъ, хотя вѣтеръ врывается въ фонарь и заставляетъ газовое пламя плясать. Отъ ихъ яркаго свѣта темная масса роскошнаго палаццо, а особенно его окна кажутся еще мрачнѣе. Въ огромныхъ зеркальныхъ стеклахъ отражается метель, мракъ. Воетъ, стонетъ вѣтеръ надъ ледяной пустыней Невы. «Дингъ-дангъ! дингъ-дангъ!» раздается сквозь вихрь. Это куранты крѣпостнаго собора звонятъ, и каждый ударъ за-унывнаго колокола совпадаетъ со стукомъ моей деревяшки объ обледенѣлыя гранитныя плиты и съ

ударами моего больнаго сердца о стѣнки его тѣснаго помѣщенія.

Я долженъ представиться читателю. Я молодой человѣкъ на деревянной ногѣ. Быть можетъ, вы скажете, что я подражаю Диккенсу; помните: Сайласъ Вегъ, литературный человѣкъ съ деревянной ногой (въ романѣ «Our common friend»)? Нѣтъ, я не подражаю: я, дѣйствительно, молодой человѣкъ на деревянной ногѣ. Только я сдѣлался имъ такъ недавно....

«Дингъ-дангъ! дингъ-дангъ!» куранты бьютъ сначала свое заунывное «Господи, помилуй», а потомъ часъ. Еще только часъ! Еще семь часовъ до свѣта. Тогда эта черная, полная мокраго снѣга ночь уйдетъ и дастъ мѣсто сѣрому дню. Пойду ли я домой? Не знаю; мнѣ рѣшительно все равно. Мнѣ не нужно сна.

Весною я тоже любилъ прохаживать цѣлыя ночи напролетъ на этой набережной. Ахъ, какія это были ночи! Что лучше ихъ? Это не душная ночь юга, съ его страстнымъ, чернымъ небомъ и большими звѣздами, преслѣдующими васъ своими взглядами. Здѣсь все свѣтло и нарядно. Разноцвѣтное небо холодно и красиво; извѣстная по «мѣсяцеслову заря во всю ночь» золотитъ сѣверъ и востокъ; воздухъ свѣжъ и рѣзокъ: Нева катится, гордая и свѣтлая, и спокойно плещетъ маленькими волнами о камни набережной. И на этой набережной стою я. И на мою руку опирается дѣвушка, И эта дѣвушка....

Ахъ, милостивыя государыни и господа! Зачѣмъ

я началъ разсказывать вамъ о своихъ ранахъ? Но ужъ таково глупое, бѣдное человѣческое сердце. Когда оно ранено, оно мечется навстрѣчу каждому встрѣчному и ищетъ облегченія. И не находитъ его. Оно совершенно понятно: кому нуженъ дырявый, нештопаный чулокъ? Всякій старается отбросить его носкомъ, подальше отъ своей ноги....

Мое сердце еще не нуждалось въ штопаньѣ, когда весною этого года я познакомился съ Машею, навѣрно самою лучшею изъ всѣхъ Машъ въ мірѣ. Познакомился я съ нею на этой самой набережной, которая вовсе не была такъ холодна, какъ теперь. И у меня была настоящая нога, вмѣсто этой скверной деревяшки, настоящая, стройная нога, такая же, какъ и моя оставшаяся лѣвая. Я вообще былъ довольно строенъ и уже, конечно, не походилъ, какъ теперь, на какого-то раскаряку. Дурное слово, но теперь мнѣ не до слова.... Итакъ, я познакомился съ нею. Случилось это очень просто: я шелъ. Она шла... (я вовсе не волокита, т. е. *не былъ* волокитою, потому что теперь съ деревяшкою)... Не знаю, что-то меня толкнуло, и я заговорилъ. Прежде всего, конечно, о томъ, что я вовсе не изъ тѣхъ наглецовъ и т. д.; потомъ о томъ, какія у меня чистыя намѣренія, и пр., и пр. Моя добродушная фізіономія (на которой теперь толстая складка повыше перепосья, очень мрачная складка) успокоила дѣвушку. Я проводилъ ее до Галерной улицы и до самаго дома, гдѣ она жила. Она возвращалась отъ своей старой

бабушки, жившей у Лѣтняго сада, къ которой она каждый вечеръ ходила читать романы. Бѣдная бабушка была слѣпа!

Теперь бабушка умерла. Въ этомъ году умерло такъ много и нестарыхъ бабушекъ. Могъ умереть и я и даже очень могъ, увѣряю васъ. Но я выдержалъ. Господа, сколько горя можетъ выдержать человѣкъ? Вы не знаете? И я тоже не знаю.

Очень хорошо. Маша приказала мнѣ быть героемъ, и поэтому мнѣ нужно было поѣхать въ армію...

Времена крестовыхъ походовъ прошли; рыцари исчезли. Но если любимая дѣвушка скажетъ вамъ: «это кольцо — я!» и броситъ его въ огонь пожара, ну, хоть самага большого пожара, положимъ, Фейгинской мельницы (какъ это было давно!),—развѣ вы не броситесь, чтобы его достать? «Ахъ какой онъ странный, конечно, нѣтъ, отвѣчаете вы. Конечно нѣтъ! Я отправлюсь къ Бутцу и куплю ей новое, въ десять раза дороже». — И она скажетъ, что оно теперь уже не то, а это, дорогое кольцо? Никогда не повѣрю. Впрочемъ, я не вашего закона, читатель. Быть можетъ, та женщина, которая вамъ нравится, и сдѣлаетъ такъ. Вы вѣдь, навѣрное, владѣлецъ многихъ сотенъ акцій и, можетъ быть, даже членъ «Грегерь и К.». Вы даже въ Бухарестъ выписываете «Стрекозу» для развлечения. Помните, быть можетъ, въ дѣтствѣ вамъ случалось наблюдать ба-

бочку, налетѣвшую на огонь? Вы тогда тоже развлекались. Бабочка трепетала, лежа на спинѣ и махая короткими, опаленными крыльями. Вы находили это интереснымъ; потомъ бабочка надоѣла вамъ, и вы давили ее пальцемъ. Бѣдное созданье перестало страдать. Ахъ, благосклонный читатель! Если бы вы могли придавить пальцемъ и меня, чтобы и я пересталъ страдать.

Она была странная дѣвушка. Когда объявили войну, она нѣсколько дней ходила мрачная, молчаливая; я ничѣмъ не могъ развлечь ее. «Послушайте. сказала она мнѣ однажды: вы честный человѣкъ?»— Могу допустить это, отвѣчалъ я. «Честные люди дѣломъ подтверждаютъ свои слова. Вы были за войну; вы должны драться». Она хмурила брови и крѣпко жала мою руку своею маленькой ручкой.

Я посмотрѣлъ на Машу и серьезно сказалъ ей: «Да!»

«Когда вы вернетесь, я буду вашей женой», говорила она мнѣ на дебаркадерѣ. Вернетесь! Слезы душили меня, я чуть не разрыдался. Но я былъ твердъ и нашелъ силы отвѣчать Машѣ:

— Помните, Маша, честные люди....

— Дѣломъ подтверждаютъ свои слова, закончила она фразу.

Я прижалъ ее въ послѣдній разъ къ сердцу и бросился въ вагонъ.

Я пошелъ драться изъ-за Маши, но я честно исполнилъ свой долгъ и относительно родины. Я бодро

шелъ по Румыніи подъ дождемъ и пылью, въ жаръ и холодъ. Я самоотверженно грызъ сухари «компаніи». Когда случилась первая встрѣча съ турками, я не струсилъ; за это мнѣ дали крестъ и произвели въ унтеръ-офицеры. Когда случилась вторая встрѣча— что-то хлопнуло; и я хлопнулся о землю. Стопъ, туманъ.... Докторъ въ бѣломъ передникѣ съ окровавленными руками.... Сестры милосердія.... Моя отрѣзанная нога съ родимымъ пятномъ ниже колѣна.... Все это какъ сонъ пролетѣло мимо меня. Санитарный поѣздъ съ комфортабельнѣйшими постелями и наизящнѣйшею уполномоченною дамою летитъ и несетъ меня въ Петербургъ.

Когда покидаешь городъ какъ слѣдуетъ, двуногій, а возвращаешься въ него съ одной ногой и обрубокъ, вмѣсто другой,—это чего-нибудь стоитъ, повѣрьте мнѣ.

Меня положили въ госпиталь; это было въ Іюлѣ. Я просилъ отыскать въ адресномъ столѣ адресъ Марьи Ивановны Г., и добродушный сторожъ-солдатъ принесъ мнѣ его. Все тамъ-же, на Галерной!... Я пишу письмо, другое, третье и не получаю отвѣта.

Мой добрый читатель, я рассказалъ вамъ уже все. Вы мнѣ, конечно, не повѣрили. И исторія невѣроятная: какой-то рыцарь и какая-то коварная измѣнница. «Точь-въ-точь старый романъ!» Мой проницательный читатель, вы напрасно не вѣрили мнѣ. Есть такіе рыцари и кромѣ меня....

Наконецъ, мнѣ придѣлали деревяшку. и я могъ самъ узнать, что было причиною молчанія Маши. Я доѣхалъ до Галерной на извозчикѣ, потомъ заковылялъ по длинной лѣстницѣ. Какъ я взлеталъ на нее восемь мѣсяцевъ тому назадъ! Наконецъ, вотъ и дверь. Я звоню съ замираніемъ сердца.—За дверью слышны шаги; старая горничная Авдотья отворяетъ мнѣ, и я, не слушая ея радостныхъ возгласовъ, бѣгу (если можно бѣжать на разноколиберныхъ ногахъ) въ гостиную. Маша!

Она не одна: Она сидѣтъ съ своимъ дальнимъ родственникомъ, очень хорошимъ молодымъ человѣкомъ, который при мнѣ кончалъ курсъ въ университетѣ и рассчитывалъ получить очень хорошее мѣсто. Оба они очень нѣжно (вѣроятно, по случаю деревяшки) поздоровались со мною, но оба были сконфужены. Черезъ четверть часа я все понялъ.

Я не хотѣлъ становиться поперекъ ихъ счастья. Проницательный читатель ехидно улыбается. Неужели вы хотите, чтобы я вѣрилъ всѣмъ этимъ рассказямъ? Кто-же уступить любимую дѣвушку какому-нибудь шалопаю даромъ?

— Во-первыхъ, онъ вовсе не шалопаѣ, а во-вторыхъ.... Я бы, пожалуй, сказалъ вамъ что во-вторыхъ, но вы не поймете.... Вы не поймете, потому что не вѣрите, что въ наше время есть добро и правда. Вы бы предпочли несчастіе трехъ людей несчастію васъ одного. Вы не вѣрите мнѣ, проницательный читатель. И не вѣрьте; Богъ съ вами!

Третьяго дня была свадьба; я былъ шаферомъ. Я гордо исполнялъ свои обязанности при церемоніи, во время которой драгоцѣннѣйшее для меня существо отдавало себя другому. Маша иногда робко взглядывала на меня. И ея мужъ обращался со мною такъ смущенно-внимательно. На свадьбѣ было весело. Пили шампанское. Нѣмцы-родственники кричали hoch! и называли меня «der Russische Held». Маша и ея мужъ были лютеране.

«Ага, ага, вопить пронительный читатель: вотъ вы и попались, господинъ герой! Для чего вамъ понадобилось лютеранское исповѣданіе? А для того, что въ декабрѣ православныхъ не вѣчаютъ! Вотъ и все-съ. И всѣ ваши рассказы—чистая выдумка!»

Думайте, что хотите, проицательный читатель. Мнѣ это рѣшительно все равно. Но если бы вы походили со мною этими декабрьскими ночами по дворцовой набережной, послушали бы со мною бурю и куранты и стукъ моей деревяшки; если бы вы почувствовали, что у меня дѣлается на душѣ въ эти зимнія ночи, вы бы повѣрили.... «Дингъ-дангъ! дингъ-дангъ!» Куранты бьютъ четыре часа. Пора идти домой, броситься на одинокую, холодную постель и уснуть. До свиданья, читатель!

ЛЯГУШКА ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

ЛЯГУШКА ПУТЕШЕСТВЕННИЦА.

СКАЗКА.

Жила-была на свѣтѣ лягушка-квакушка. Сидѣла она въ болотѣ, ловила комаровъ да мошку, весною громко квакала вмѣстѣ со своими подругами. И весь вѣкъ она прожила бы благополучно — конечно, въ томъ случаѣ, если бы не съѣлъ ее аистъ. Но случилось одно происшествіе.

Однажды она сидѣла на сучкѣ высунувшейся изъ воды коряги и наждалась теплымъ мелкимъ дождекомъ.

«Ахъ, какая сегодня прекрасная мокрая погода! думала она. — Какое это наслажденіе — жить на свѣтѣ!»

Дождикъ моросилъ по ея пестренькой лакированной спинкѣ; капли его подтекали ей подъ брюшко и за ланки, и это было восхитительно, пріятно, такъ

пріятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, къ счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакають — на это есть весна — и что, заквакавъ, она можетъ уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому, она промолчала и продолжала нѣжиться.

Вдругъ тонкій, свистящій, прерывистый звукъ раздался въ воздухъ. Есть такая порода утокъ: когда онѣ летять, то ихъ крылья, разсѣкая воздухъ, точно поють, или, лучше сказать, посвистываютъ; фью-фью-фью-фью раздается въ воздухъ, когда летитъ высоко надъ вами стадо такихъ утокъ, а ихъ самихъ даже и не видно — такъ онѣ высоко летять. На этотъ разъ утки, описавъ огромный полукругъ, спустились и сѣли какъ разъ въ то самое болото, гдѣ жила лягушка.

— Кря, кря! сказала одна изъ нихъ. — Летѣть еще далеко; надо покушать.

И лягушка сейчасъ же спряталась. Хотя и знала, что утки не станутъ ѣсть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякій случай, она нырнула подъ корягу. Однако подумавъ, она рѣшилась высунуть изъ воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летять утки.

— Кря, кря! сказала другая утка: — ужъ холодно становится! скорѣй на югъ! скорѣй на югъ!

И всѣ утки стали громко крякать въ знакъ одобренія.

— Госпожи утки! осмѣлилась сказать лягушка:—

что такое югъ, на который вы летите? Прошу извиненія за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у нихъ явилось желаніе съѣсть ее, но каждая изъ нихъ подумала, что лягушка слишкомъ велика и не пролѣзетъ въ горло. Тогда всѣ онѣ начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на югѣ! Теперь тамъ тепло! Тамъ есть такія славныя, теплыя болота! какіе тамъ червяки! Хорошо на югѣ!

Онѣ такъ кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убѣдила ихъ замолчать и попросила одну изъ нихъ, которая казалась ей толще и умнѣе всѣхъ, объяснить ей, что такое югъ. И когда та рассказала ей о югѣ, то лягушка пришла въ восторгъ, но въ концѣ все-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли тамъ мошекъ и комаровъ?

— О! цѣлыя тучи! отвѣчала утка.

— Ква! сказала лягушка и тутъ же обернулась посмотреть, нѣтъ ли здѣсь подругъ, которыя могли бы услышать ее и осудить за кваканье осенью. Она ужъ никакъ не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разикъ:

— Возьмите меня съ собой!

— Это мнѣ удивительно! воскликнула утка.— Какъ мы тебя возьмемъ? у тебя нѣтъ крыльевъ.

— Когда вы летите? спросила лягушка.

— Скоро, скоро! закричали всѣ утки.—Кря, кря! кря! кря! тутъ холодно! на югъ! на югъ!

— Позвольте мнѣ подумать только пять минутъ, сказала лягушка:— я сейчасъ вернусь; я навѣрное придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлепнулась съ сучка, на который было снова влѣзла, въ воду, нырнула въ тину и совершенно зарылась въ ней, чтобы посторонніе предметы не мѣшали ей размышлять. Пять минутъ прошло: утки совсѣмъ ужъ было собрались летѣть, какъ вдругъ изъ воды, около сучка, на которомъ сидѣла лягушка показалась ея морда, и выраженіе этой морды было самое сіяющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! я нашла! сказала она:— пусть двѣ изъ васъ возьмутъ въ свои клювы прутикъ, а я прицѣплюсь за него посерединѣ. Вы будете летѣть, а я ѣхать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и все будетъ превосходно.

Хотя молчать и тащить хотя бы и легкую лягушку три тысячи верстъ не Богъ знаетъ какое удовольствіе, но ея умъ привелъ утокъ въ такой восторгъ, что онѣ единодушно согласились нести ее. Рѣшили перемѣняться каждые два часа, и такъ какъ утокъ было, какъ говорится въ загадкѣ, столько, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести ее приходилось не особенно часто. Нашли хорошій, прочный прутикъ; двѣ утки взяли его въ клювы, лягушка прицѣпилась

ртомъ за середину, и все стадо поднялось на воздухъ. У лягушки захватило духъ отъ страшной высоты, на которую ее подняли; кромѣ того, утки летѣли не ровно и дергали прутикъ: бѣдная квакушка болталась въ воздухѣ, какъ бумажный паучъ, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако, она скоро привыкла къ своему положенію и даже начала осматриваться. Подъ нею быстро проносились поля, луга, рѣчки и горы, которые ей, впрочемъ, было очень трудно разсматривать, потому что, вися на прутикѣ, она смотрѣла назадъ и немного вверху, но кое-что все-таки видѣла и радовалась, и гордилась.

«Вотъ какъ я превосходно придумала», думала она про себя.

А утки летѣли вслѣдъ за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

— Удивительно умная голова наша лягушка, говорили онѣ.—Даже между утками мало такихъ найдется.

Она едва удерживалась, чтобы не поблагодарить ихъ, но, вспомнивъ, что открывъ ротъ, она свалится съ странной высоты, еще крѣпче стиснула челюсти и рѣшилась терпѣть. Она болталась такимъ образомъ цѣлый день: несшія ее утки перемѣнялись на лету, ловко подхватывая прутикъ; это было очень страшно; не разъ лягушка чуть было не квакнула отъ страха, но нужно было имѣть присутствіе духа, и она его имѣла. Вечеромъ вся компанія остановилась въ ка-

комъ-то болотѣ; съ зарею утки съ лягушкой снова пустились въ путь, но на этотъ разъ путешественница, чтобы лучше видѣть, что дѣлается на пути, прицѣпилась спинкой и головой впередъ, а брюшкомъ назадъ. Утки летѣли надъ сжатыми полями, надъ пожелтѣвшими лѣсами и надъ деревнями, полными хлѣба въ скирдахъ; оттуда доносился людской говоръ и стукъ цѣповъ, которыми молотили рожь. Люди смотрѣли на стаю утокъ и, замѣчая въ ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушкѣ ужасно захотѣлось летѣть поближе къ землѣ, показать себя и послушать, что объ ней говорятъ. На слѣдующимъ отдыхѣ она сказала:

— Нельзя ли намъ летѣть не такъ высоко? У меня отъ высоты кружится голова и я боюсь свалиться, если мнѣ вдругъ сдѣлается дурно.

И добрыя утки обѣщали ей летѣть пониже. На слѣдующій день онѣ летѣли такъ низко, что слышали голоса:

— Смотрите, смотрите! кричали дѣти въ одной деревнѣ:—утки лягушку несутъ.

Лягушка слышала это, и у нея прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! кричали въ другой деревнѣ взрослые:—вотъ чудо-то!

«Знаютъ ли они, что это придумала я, а не утки?» подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! кричали въ третьей деревнѣ. — Экое чудо! И кто это придумалъ такую хитрую штуку?

Тутъ лягушка ужъ не выдержала и, забывъ всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! я!

И съ этимъ крикомъ, она полетѣла вверхъ тор-машками на землю. Утки громко закричали; одна изъ нихъ хотѣла подхватить бѣдную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но такъ какъ утки летѣли очень быстро, то и она упала не прямо на то мѣсто, надъ которымъ закричала и гдѣ была твердая дорога, а гораздо дальше, что было для нея большимъ счастиемъ, потому что она бултыхнулась въ грязный прудъ на краю деревни.

Она скоро вынырнула изъ воды и тотчасъ же опять сгоряча закричала во все горло:

— Это я! это я придумала!

Но вокругъ нея никого не было. Испуганныя неожиданнымъ плескомъ, мѣстныя лягушки все спрятались въ воду. Когда онѣ начали показываться изъ нея, то съ удивленіемъ смотрѣли на новую.

И она рассказала имъ чудную исторію о томъ, какъ она думала всю жизнь и, наконецъ, изобрѣла новый необыкновенный способъ путешествія на уткахъ; какъ у нея были свои собственныя утки, которыя носили ее, куда ей было угодно; какъ она побывала на прекрасномъ югѣ, гдѣ такъ хорошо, гдѣ такія прекрасныя, теплыя болота и такъ много мошекъ и всякихъ другихъ съѣдобныхъ насѣкомыхъ.

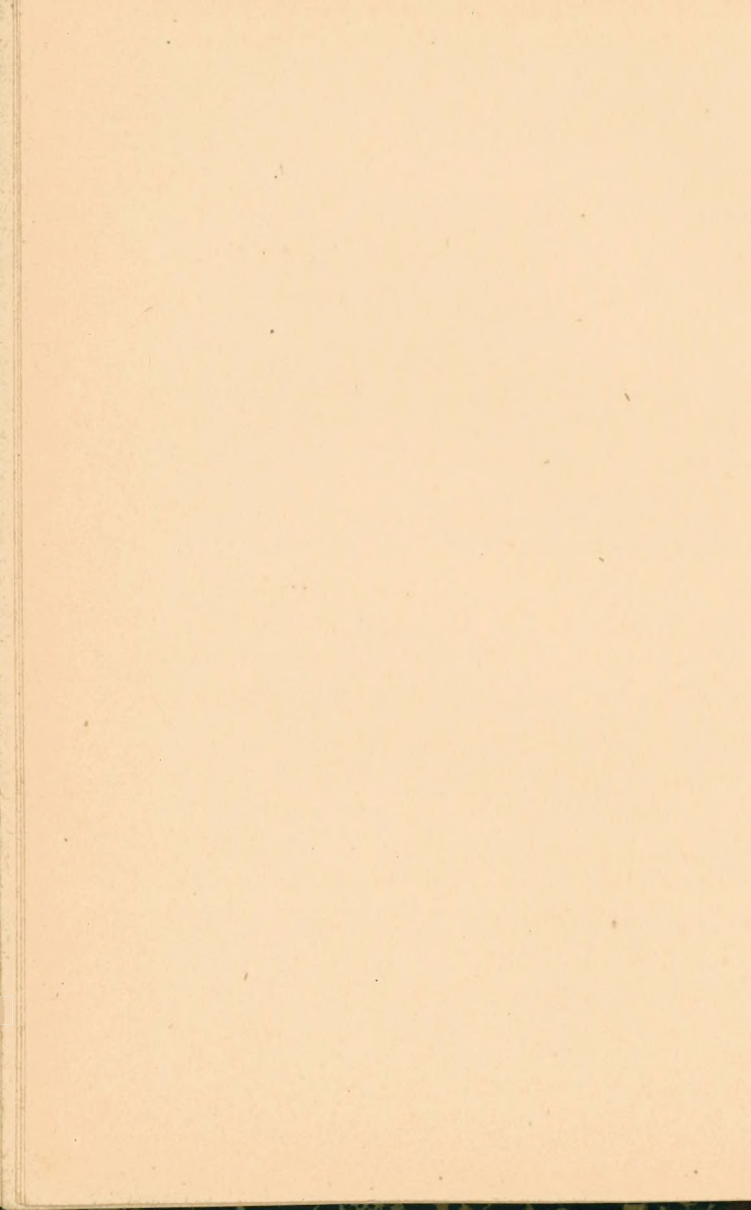
— Я заѣхала къ вамъ посмотрѣть, какъ вы живете, сказала она.—Я пробуду у васъ до весны, пока не вернутся мои утки, которыхъ я отпустила.

Но утки ужъ никогда не вернулись. Онѣ думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалѣли ее.

СКАЗАНИЕ О ГОРДОМЪ АГГЕЪ.

СКАЗАНИЕ О ГОРДОМЪ АГГЕЪ *).

Жилъ въ нѣкоторой странѣ правитель; звали его Аггей. Былъ онъ славенъ и силенъ: далъ ему государь полную власть надъ страню; враги его боялись, друзей у него не было, а народъ во всей области жилъ смирно, зная силу своего правителя. И возгордился правитель, и сталъ онъ думать, что никого нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе и мудрѣе его. Жилъ онъ пышно; множество у него было богатства и слугъ, съ которыми онъ никогда не говорилъ: считалъ ихъ недостойными. Съ женою своею жилъ въ ладу, но держалъ и ее строго, такъ что не смѣла она сама заговаривать, а ждала, пока не спросить ее или не скажетъ ей что-нибудь мужъ.

Жилъ такъ Аггей одинъ, точно на высокой башнѣ стоялъ. Снизу толпы народа на него смотрять, а онъ

---

*) Пересказъ старинной легенды.

не хочетъ никого знать и стоять на своемъ узенькомъ помостѣ; думаетъ, что одно это мѣсто его достойно: хоть одиноко, да высоко.

Пошелъ въ праздникъ Аггей въ церковь. Пришелъ онъ туда съ женою своею въ пышныхъ одеждахъ: мантии на нихъ были златотканныя, пояса съ дорогими каменьями, а надъ ними несли парчевой балдахинъ. И впереди ихъ, и сзади шли воины съ мечами и сѣкирами и довели ихъ до царскаго мѣста, откуда имъ слушать службу. Вокругъ нихъ стали начальники и чиновники. И слушалъ Аггей службу, и думалъ по-своему, какъ ему казалось, вѣрно или невѣрно говорится въ святомъ писаніи.

Началъ протопопъ книгу читать и дошелъ онъ до того мѣста, гдѣ написано: «богатые обнищаютъ, а нищіе обогатѣютъ». Услышалъ Аггей такія слова и разгнѣвался.

— Что ты,—говорить,—попъ, вздумалъ читать такую ложь? Не знаешь развѣ, какъ славенъ я и богатъ? Какъ мнѣ обнищать, а нищему обогатѣть противъ меня?

Протопопъ же не слушалъ его и дальше сталъ читать книгу, и службу отслужилъ до конца, не отвѣчая Аггею.

И разъярился правитель: протопона велѣлъ заковать въ кандалы и посадить въ темницу, а листъ, на которомъ тѣ слова были написаны, велѣлъ изъ книги выдрать.

Отвели протопона въ темницу и листъ выдрали,

а правитель Аггей пошелъ въ свои палаты пировать и на пиру пилъ, ѣлъ и веселился.

Шелъ за городомъ одинъ юноша и увидѣлъ оленя, такого рослаго и красиваго, что до тѣхъ поръ и не видывалъ. И захотѣлъ онъ угодить правителю: побѣжалъ въ городъ, пришелъ въ его палаты и сказалъ объ оленѣ слугамъ. Донесли о томъ Аггею, и приказалъ онъ собираться на охоту.

Выѣхала охота въ поле; увидѣли оленя и поскакали къ нему. Стоитъ олень, голову поднялъ, на охоту оглядывается, будто ждетъ чего-то. Не видалъ такого звѣря и самъ Аггей: рослый и гладкій, морда тонкая, умная; рога, какъ дерево вѣтвистое, отъ конца до конца цѣлая сажень. Шерсть гнѣдая, блеститъ, какъ лощеная; ляжки бѣлыя, какъ снѣгъ. Скачетъ къ нему Аггей и дивится, что не уходитъ олень, а на него все смотритъ большими глазами, точно сказать что-то хочетъ. Подскакалъ Аггей, думалъ ужъ конь метнуть; повернулся звѣрь, взмахнулъ вѣтвистыми рогами, прынулъ первымъ скокомъ на три сажени и пошелъ по полю; конь былъ у Аггея такой, что и цѣны ему не было, а сталъ отставать. Обернулся правитель на своихъ охотниковъ, а ихъ ужъ едва и видно; посмотрѣлъ впередъ на оленя и видитъ, что звѣрь пошелъ тише.— «Ну,—думаетъ,—догоню!» Скачетъ во всю конскую мочь и видитъ—все ближе и ближе къ нему бѣлыя ляжки оленьи мелькаютъ. Только хотѣлъ было конь бросить,—олень обернулъ голову, наддалъ—и опять

Аггей далеко отъ него. Охоты уже давно не видно, и скачутъ въ чистомъ полѣ только олень да Аггей на конѣ.

Гонялся онъ за нимъ полдня; видитъ, наконецъ, что олень къ рѣкѣ бѣжитъ. «Ну, — думаетъ, — если направо пойдетъ — пропаль, а налѣво — мой!» Налѣво рѣка лужу сдѣлала, и некуда звѣрю было оттуда уйти: сзади охотникъ, спереди рѣка широкая, ни человеку, ни звѣрю не переплыть. Повернулъ олень налѣво; задрожало у Аггея сердце отъ радости. Скачетъ, а самъ думаетъ: «скоро рѣка, некуда тебѣ уйти!» Подскакалъ олень къ берегу, а недалеко отъ берега островокъ небольшой, а на островѣ кусты густые и лѣсъ мелкій. Прыгнулъ олень со всего размаха въ воду, окунулся, вынырнулъ и поплылъ на островъ. Подскакалъ Аггей и видитъ, что звѣрь въ кусты ушелъ. Погналъ и онъ коня въ воду.

Ступилъ конь въ воду, шагнулъ три раза и ушелъ въ воду по шею, а дальше нога и дна не достаетъ. Повернулъ Аггей назадъ на берегъ, думаетъ: «Олень отъ меня и такъ не уйдетъ, а на такой быстринѣ, пожалуй, и коня утопишь». Слѣзъ съ коня, привязалъ его къ кусту, снялъ съ себя дорогое платье и пошелъ въ воду. Плылъ, плылъ, едва не унесло. Наконецъ, попробовалъ ногой — дно. «Ну, — думаетъ, — сейчасъ я его достану», и пошелъ въ кусты.

Разгнѣвался Господь на Аггея. Призвалъ Онъ къ себѣ ангела и повелѣлъ ему, принявъ на себя видъ Аггеевъ, одѣться въ его платье, сѣсть на коня

и ѣхать въ городъ. И исполнилъ ангелъ волю Господню по слову Его.

Искалъ, искалъ звѣря Аггей по кустамъ,—нѣтъ звѣря. Весь островъ кругомъ обошелъ; поперекъ сквозь кусты излазилъ,—нѣтъ ничего. И не придумаетъ Аггей, куда дѣвался олень: впереди — рѣка широкая, никакому звѣрю не переплыть; да и увидѣлъ бы онъ оленя, если бы тотъ поплыть вздумалъ. Досадно стало Аггею; однако, дѣлать нечего, надо назадъ ворочаться. Онъ вышелъ къ водѣ, бросилъ кошь, чтобъ не мѣшало, и приплылъ къ берегу. Смотрить—ни коня, ни платья нѣтъ. Разсердился правитель, подумалъ, что украли, и рѣшилъ строго наказать вора. Вышелъ онъ изъ воды, поднялся на крутой берегъ — чистое поле, нѣтъ никого. Нечего дѣлать, нужно голому идти. Идетъ, а трава ему ноги рѣжетъ: непривычны онѣ босикомъ ходить; солнце печетъ голое тѣло и голову. Шелъ, шелъ Аггей, поднялся на пригорокъ; видитъ, въ лощинѣ пастухъ коровъ и телятъ пасетъ. Остановился Аггей и началъ ему рукой махать.

— Эй, ты,—говорить,—поди сюда!

Пастухъ на него смотреть, удивляется: «Откуда,—думаетъ,—среди чистаго поля голый человѣкъ взялся?» Пошелъ къ нему потихоньку; въ одной рукѣ кнутъ длинный, въ другой—труба берестовая; самъ въ лаптяхъ и въ зипунишкѣ худомъ; черезъ плечо мѣшокъ для хлѣба повѣшенъ.

Аггей на него закричалъ:

— Ты чего не идешь, когда зовутъ?

— А ты кто такой? спрашиваетъ пастухъ. —
Чего тебѣ надобно?

— Не видѣлъ ли, кто мое платье взялъ и коня увелъ?

— Да ты кто такой, самъ-то? опять спрашиваетъ пастухъ.

— Какъ, ты меня не знаешь? Я правитель вашъ, Аггей.

Посмотрѣлъ на него пастухъ и засмѣялся.

— Что ты, дуракъ, городишь! Правитель нашъ сейчасъ мимо меня въ городъ съ охоты проѣхалъ. Долго его тутъ охотники искали и нашли: вмѣстѣ поѣхали.

— Какъ ты смѣешь, рабъ, негодяй! закричалъ Аггей.

— Пошелъ, пошелъ!—говорить пастухъ,—а то кнута отвѣдаешь.

Не вспомнилъ себя правитель отъ гнѣва. Забылъ онъ, что нагъ и безоруженъ, и бросился на пастуха. Схватилъ за плечо, хотѣлъ ударить, но пастухъ былъ сильнѣе: повалилъ онъ Аггея на землю и началъ бить берестовою трубою. Билъ-билъ, пока береста вся не распелась, и отошло тогда у него сердце.

— Вотъ, — говоритъ, — тебѣ за такія слова. Ступай!

Поднялся Аггей, весь избитый, побрелъ потихоньку. А пастухъ подумалъ, и жаль ему стало.

«Напрасно, — думаетъ, — я человѣка изобидѣлъ: можетъ, онъ шальной какой или сумасшедшій».

Отошелъ Аггей немного отъ пастуха, слышитъ— тотъ зоветъ его.

— Эй ты, воротись!

Аггей обернулся, смотритъ, а пастухъ въ одной рукѣ что-то держитъ, а другою рукой къ себѣ его манитъ.

— Воротись! кричитъ. — Куда ты голый пойдешь?... На тебѣ хоть мѣшокъ.

Стоитъ Аггей, не шевелится. Горько и стыдно стало душѣ его. Пастухъ досталъ ножъ изъ-за пояса, прорѣзалъ въ мѣшкѣ три дыры: одну для головы, а двѣ для рукъ, и подошелъ къ Аггею.

— Мѣшокъ-то у меня пустой, хлѣбъ весь съѣлъ. Нехорошо человѣку голому ходить; надѣнь вмѣсто рубахи.

Надѣлъ онъ на него мѣшокъ. Пошелъ Аггей, ни слова не сказавши, въ городъ. Идетъ, а самъ думу думаетъ о своей напасти и не знаетъ, откуда она на него пришла. Обманщикъ, видно, какой-нибудь, на него похожій, его платье взялъ и коня увелъ. И чѣмъ дальше идетъ Аггей, тѣмъ больше сердце у него разгорается. «Ужъ покажу я ему, что я— Аггей—настоящій, грозный правитель. Прикажу на площадь отвести и голову отрубить. А пастуха тоже такъ не оставлю», — подумалъ Аггей, да вдругъ вспомнилъ про мѣшокъ и застыдился.

Шелъ онъ до вечера, а до города еще далеко.

Пришлось ему въ полѣ ночевать: зарылся въ копну и проспалъ всю ночь. Поднялся съ зарею и опять пошелъ; недалеко отъ города вышелъ на большую дорогу. По дорогѣ много народу въ городъ на базаръ идетъ и ѣдетъ. Догоняетъ его обозъ; стали его извозчики спрашивать что онъ за человѣкъ и отчего это онъ въ мѣшокъ одѣтъ.

Вспомнилъ Аггей про пастуховы побои — и побоялся сказать правду.

— Я,—говорить,—не здѣшній житель; ѣхалъ я черезъ вашъ городъ по дѣламъ, да дорогой напали на меня разбойники, всего избили и ограбили, и коня, и платье, и деньги отняли. Надѣли на меня мѣшокъ, да и пустили.

Пожалѣли его добрые люди: собрали кто рубаху, кто штаны; одинъ далъ ему опорки старые, другой кафтанъ, а третій шапку. Поблагодарилъ ихъ Аггей, спросилъ, какъ зовутъ и гдѣ ихъ найти, и пошелъ въ городъ уже повеселѣе.

«Скоро,—думаетъ,—моему мученію конецъ. Злодѣя накажу, а тѣхъ, кто мнѣ помогъ, награжу».

Пошелъ онъ прямо на соборную площадь: тамъ его палаты стояли. Думалъ онъ въ свои ворота войти; не узнала его стража и не пустила. Побоялся онъ, какъ бы опять бить не стали, отошелъ и сталъ думать что ему дѣлать. Идти прямо въ домъ къ себѣ нельзя: пока дойдешь до обманщика, и изобьютъ, и въ тюрьму посадятъ, и убьютъ, пожалуй. «Надо потерпѣть»,—думаетъ. Пошелъ на базаръ, гдѣ поден-

щики нанимались, и сталъ въ толпу. Наняли его за малыя деньги кирпичи на постройку носить. Трудна была ему работа: всѣ плечи въ кровь съ непривычки истеръ, а самъ весь будто разбитый. Получилъ онъ подъ вечеръ деньги и раздѣлилъ ихъ на три части: на одну хлѣба купилъ, поѣлъ; другую про запасъ на ночлегъ оставилъ, а на третью купилъ бумаги, чтобъ написать женѣ своей письмо. Была у нихъ одна великая тайна: зналъ про нее лишь онъ да жена его, и чтобъ повѣрила она письму, написалъ онъ про эту тайну, и, подойдя къ своему дому, увидѣлъ одну женщину изъ прислужницъ жены и отдалъ ей письмо для передачи. Не узнала его въ дурномъ платьѣ и женина служанка. Сталъ Аггей недалеко отъ воротъ, отвѣта поджидаетъ.

А жена его, видя, что мужъ ея при ней, не могла повѣрить тому письму. Подумала, не проговорился ли мужъ кому про ту тайну и не злодѣй ли какой хочетъ смутить ее. Боялась она своего грознаго мужа и знала, что если узнаетъ онъ, что ей такія письма приносятъ, то накажетъ ее, не разобравъ дѣла. И чтобы отогнать того человѣка, что письмо написалъ, и напугать его, чтобы никогда больше не смѣлъ смущать ее, приказала слугамъ схватить его, привести во дворъ и высѣчь жестоко. Исполнили это слуги и отпустили Аггея чуть живаго. Припелся онъ на постоянный дворъ и всю ночь промучался: къ утру лишь заснулъ. И тѣлу его было

больно, а душѣ и того хуже: гнѣвъ безсильный и ярость связанная терзали его, а хуже мученія нѣтъ.

На другой день пришелъ праздникъ, и стали хозяева съ постоялаго двора въ церковь собираться. Нарядилась хозяйка и вышла за ворота, а мужъ на дворѣ чѣмъ-то замѣшкался. Стала жена мужа звать:

— Иди, — кричить, — а то правитель въ церковь пройдетъ и не увидимъ его.

Услышавъ это Аггей и спрашиваетъ:

— А кто у васъ правитель?

— А ты не здѣшній, видно, что не знаешь? Правитель у насъ Аггей. Править онъ городомъ и всею областью уже двѣнадцать лѣтъ. Грозный у насъ правитель: вчера увидѣла я его на улицѣ, со страху чуть не упала.

Пошли хозяева въ церковь, а Аггей не знаетъ, что ему и думать. Махнулъ онъ рукой. «Будь, что будетъ, — думаетъ, — хуже того, что теперь, себѣ не сдѣлаю; хоть и казнить меня, а пойду и обличу злодѣя». И пошелъ за хозяевами къ собору, и сталъ съ народомъ на паперти, гдѣ проходитъ правителю.

И видитъ Аггей: идутъ его воины-тѣлохранители съ сѣкирами и мечами, и начальники, и чиновники въ праздничныхъ одеждахъ. И идутъ подъ балдахиномъ парчевымъ правитель съ правительницей: одежды на нихъ златотканныя, пояса дорогими камнями украшенные. И взглянулъ Аггей въ лицо правителю и ужаснулся: открылъ ему Господь глаза, и узналъ

онъ ангела Божія. И бѣжалъ Аггей въ ужасѣ изъ города.

Бѣжалъ онъ долго, самъ не зная гдѣ и куда. И очутился онъ въ дремучемъ лѣсу, и упалъ отъ усталости подъ деревомъ, и долго лежалъ безъ силъ и, безъ памяти, какъ будто бы оставила его на время душа его.

Проснулся онъ ночью, и дико ему стало. Забылъ что случилось въ послѣдніе три дня и не знаетъ отчего звѣзды изъ-за вѣтокъ смотрятъ на него, отчего надъ нимъ деревья отъ вѣтра шумятъ, отчего ему холодно и лежитъ онъ не на своей пуховой постели, а на сырой травѣ. Сталъ вспоминать и все припомнилъ.

И горько плакалъ Аггей. Вспомнилъ онъ всю жизнь свою и понялъ, что не за выданный листъ наказалъ его Господь, а за всю жизнь. «Прогнѣвалъ я Господа,—думаетъ,—и будетъ ли мнѣ теперь пощада и спасеніе?»

Долго лежалъ онъ и плакалъ, каясь въ грѣхѣ своемъ и прося у Бога помощи и силы. И послалъ ему Господь силу.

Разсвѣло; Аггей всталъ и вышелъ изъ лѣса, и пошелъ на свѣтлый Божій міръ, къ людямъ.

Годъ прошелъ, другой проходитъ, а жена Аггеева все думаетъ, что мужъ ея, вмѣстѣ съ нею, въ пала-

тахъ живетъ. Только удивляется она, отчего мужъ ея сталъ смиренъ и добръ: не казнить никого и не наказываетъ; на охоту не ѣздитъ, а только въ церковь ходитъ, да разбираетъ ссоры и тяжбы и миритъ поссорившихся. Видится она съ нимъ рѣдко; посмотритъ онъ на нее кротко, не попрежнему, скажетъ ласковое слово и уйдетъ въ свою горницу, и тамъ затворится, и сидитъ одинъ.

Приступила она къ нему, наконецъ. «Господинъ мой, скажи мнѣ, чѣмъ я прогнѣвала тебя, что ты удалилъ отъ себя жену свою? Не знаю за собой никакой вины; за что же ты другой годъ меня чуждаешься?»

Посмотрѣлъ на нее Ангелъ, улыбнулся тихо и сказалъ:

— Ничѣмъ ты меня не прогнѣвала, любезная жена, но я далъ Богу обѣтъ три года не знать тебя. Вотъ третій годъ уже наступаетъ, и скоро будешь ты жить попрежнему съ мужемъ своимъ.

Сказалъ и ушелъ въ свой покой и затворился. Заплакала жена и тоже пошла къ себѣ.

Такъ прожили они три года. За недѣлю прежде, чѣмъ пойти четвертому, отдалъ правитель приказъ собрать со всей области нищихъ и убогихъ. Будетъ на правителевомъ дворѣ всѣмъ имъ пріемъ и угощеніе, и надѣлится ихъ правитель дарами. Поскакали гонцы во всѣ города, послали изъ городовъ приказъ по селамъ и деревнямъ, и со всѣхъ концовъ потянулись нищіе. И не зналъ никто до той поры, что

такъ много нищихъ въ области; всѣ дороги покрыли они: хромые, безногіе, безрукіе, и слѣпые, и слабые, и юродивые, и убогіе разумомъ, старыя и малыя. Идутъ нищіе зрячіе больше по одиночкѣ, а слѣпые артелями. Собрались въ городъ, и пришло ихъ столько, что не только во дворѣ у правителя не помѣстились, а и всю соборную площадь заняли.

Пошелъ правитель въ церковь, набились и нищіе въ церковь, тѣ, которые попали, а другіе толпою стали передъ церковью на площади. Слуги же въ то время на площади столы разставили и покрыли ихъ, и поставили на нихъ пироги и похлебки, и мясо, медъ и вино. И сколько ни было нищихъ, всѣмъ мѣста хватило.

Вышелъ правитель изъ церкви, остановился на паперти. далъ знакъ рукой и вся толпа стихла.

— Радъ видѣть васъ всѣхъ, добрыя люди: милости прошу хлѣба-соли откушать. Садитесь по мѣстамъ и кушайте, а пообѣдаете, еще къ вамъ выйду.

Сказалъ и прошелъ въ свои палаты. Стали за столы усаживаться; одна артель слѣпыхъ цѣлый столъ заняла. Пришли эти слѣпые издалека; шли они тихо и долго; было ихъ двѣнадцать человѣкъ, а поводырь у нихъ былъ одинъ. Шелъ онъ впереди, двое за него держались, а за тѣхъ остальные по парѣ. Разсадилъ онъ ихъ по мѣстамъ, а самъ сталъ служить: разлилъ имъ по мискамъ похлебку, пироги роздалъ, мясо нарѣзалъ, ложки въ руки далъ. Ъдятъ

слѣпые, а онъ отъ одного къ другому ходить и слу-
жить имъ.

Вотъ въ концѣ обѣда вышелъ правитель изъ
своихъ палатъ и началъ обходить столы. Кого спро-
ситъ о чемъ, кому ласковое слово скажетъ, а за
нимъ идутъ слуги съ деньгами и платьемъ и всѣхъ
одѣляютъ. Обошелъ всѣхъ и подходитъ къ послед-
нему столу, гдѣ слѣпая артель сидѣла. Увидѣлъ пра-
вителя поводырь и задрожалъ, и поблѣднѣлъ весь.

Подходитъ къ нему правитель и спрашиваетъ:

— Ты тоже нищій?

— Нѣтъ, великій правитель, не нищій я. Слуга
я нищимъ.

— Добро сказалъ ты, человѣкъ. Какъ зовутъ
тебя?

Потунилъ поводырь глаза въ землю.

— Люди Алексѣемъ зовутъ.

Посмотрѣлъ ему въ глаза Ангелъ, улыбнулся и
говоритъ:

— Не всякая ложь въ ложь поставится. Иди
за мной.

Оставилъ поводырь своихъ слѣпыхъ и пошелъ
за правителемъ въ палаты. Идутъ они черезъ толпу,
и дивятся на нихъ всѣ люди: идутъ точно братья
родные. Оба высокіе и статные, оба черноволосые
и оба на одно лицо; только у поводыря въ густыхъ
кудряхъ сѣдины много серебрится, да лицо почер-
нѣло отъ вѣтра и солнца, а у правителя лицо бѣлое
и свѣтлое.

Разступился народъ, пропустилъ ихъ; ушли они въ палаты. Провелъ поводыря Ангелъ въ дальній покой и затворился съ нимъ.

— Узналъ я тебя, Аггей,—говорить правитель,— знаешь ли ты меня?

— Знаю, господинъ, что посланъ ты былъ наказывать меня. Каюсь я въ грѣхѣ моемъ и во всей жизни моей...

И заплакалъ Аггей, и плакалъ навзрыдъ. Стоитъ Ангелъ передъ нимъ: лицомъ просвѣтлѣлъ и улыбается; поднялъ Аггей голову и пересталъ плакать: не видѣлъ онъ никогда улыбки такой.

— Кончилось наказаніе твое,—сказалъ Ангелъ.— Возьми мантию правителеву, возьми мечъ и жезлъ, и шапку правителеву. Помни, за что ты наказанъ былъ и правь народомъ кротко и мудро, и будь отнынѣ братомъ народу своему.

— Нѣтъ, господинъ мой, ослушаюсь я твоего велѣнія, не возьму ни меча, ни жезла, ни шапки, ни мантии. Не оставлю я слѣпыхъ своихъ братій: я имъ и свѣтъ, и пища, и другъ, и братъ. Три года я жилъ съ ними и работалъ для нихъ, и прилѣпился душою къ нищимъ и убогимъ. Прости ты меня и отпусти въ міръ къ людямъ: долго стоялъ я одинъ среди народа, какъ на каменномъ столпѣ, высоко мнѣ было, но одиноко; ожесточилось сердце мое, и исчезла любовь къ людямъ. Отпусти меня!

— Добро сказалъ ты, Аггей,—отвѣчалъ Ангелъ.— Иди съ миромъ!

И пошелъ поводырь Алексѣй со своими двѣнадцатю слѣпыми, и работалъ всю жизнь на нихъ и на другихъ бѣдныхъ, слабыхъ и угнетенныхъ, и прожилъ такъ многіе годы до смерти своей.

А Ангелъ черезъ три дня оставилъ тѣло правителя. Похоронили тѣло, и жалѣлъ народъ своего правителя, который сначала гордымъ былъ, а послѣ кроткимъ сталъ.

Ангелъ же явился передъ лицо Господа.

СИГНАЛЪ.

СИГНАЛЬ.

Семень Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой—десять верстъ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ-за лѣса ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семень Ивановъ былъ человекъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ, онъ побывалъ на войнѣ: служилъ въ деньщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстъ въ жару и въ морозъ; случилось и подъ пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лоцинку—турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Се-

мень изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту; пули свистятъ, въ камни щелкаютъ: страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Не мало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой—отецъ старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году—тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семень съ женой самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ не въ терпежь; пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семень съ женой и на Линіи, и въ Херсонѣ, и въ Донщинѣ; нигдѣ счастья не достали. Пошла жена въ прислуги, а Семень по-прежнему все бродить. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто знакомый. Глядитъ на него Семень, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга: офицеръ своего полка оказался.

— Ты, Ивановъ? говорить.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть.

— Ты какъ сюда попалъ?

Разказалъ ему Семень: такъ молъ и такъ.

— Куда-жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому, податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говоритъ:

— Вотъ что, братъ. Оставайся-ка ты покудова на станціи. Ты, кажется, женатъ? гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, ваше благородіе, женатъ; жена въ городѣ Курскѣ у купца въ услуженіи находится.

— Ну, такъ ищи женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится; ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ Семень.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ, дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли пріѣхала жена, и поѣхалъ Семень на ручной телѣжкѣ въ свою будку. Будка новая, теплая, дровъ — сколько хочешь; огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земли съ полдесятины пахотной по бокамъ полотна было. Обрадовался Семень: сталъ думать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купить.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключъ — гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метель, болтовъ, костылей, дали двѣ книжечки съ правилами и росписание поѣздовъ. Первое время Семень ночи не спалъ, все росписание твердилъ; поѣздъ еще черезъ два часа

пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки и все смотритъ и слушаетъ, не дрожатъ ли рельсы, не шумитъ ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читаль, по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Дѣло было лѣтомъ; работа нетяжелая, снѣга отгребать не надо. Да и поѣзда на той дорогѣ рѣдки; обойдетъ Семень свою версту два раза въ сутки, кое-гдѣ гайки попробуетъ подвинтить, щебенку подравниетъ, водяныя трубы посмотритъ и идетъ домой хозяйство свое устраивать. Въ хозяйствѣ только у него помѣха была: что ни задумаетъ сдѣлать, обо всемъ дорожнаго мастера проси, а тотъ начальнику дистанціи доложитъ; пока просьба вернется, время и ушло. Стали Семень съ женою даже скучать.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семень съ сосѣдами сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все смѣнить его собирались: едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, посерединѣ между будками, на обходѣ; Семень шапку снялъ, поклонился.

— Доброга, говорить, здоровья, сосѣдъ.

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку. — Здравствуй, говорить. Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собой встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не ста-

ла, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семень:—что это, говоритъ, у тебя, молодица, мужъ неразговорчивый?

Помолчала баба, потомъ говоритъ:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако, прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сойдутся Семень съ Василиемъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и рассказываютъ про свое житье-бытье. Василій все больше помалчивалъ, а Семень и про деревню свою, и про походъ рассказывалъ.

— Немало, говоритъ, я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ и естъ. Такъ-то, братецъ Василій Степанычъ.

А Василій Степанычъ трубку объ рельсъ выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнаго и злѣе человѣка. Волкъ волка не ѣстъ, а человѣкъ человѣка живьемъ съѣдаетъ.

— Ну, братъ, волкъ волка ѣстъ, это ты не говори.

— Къ слову пришлось, и сказалъ. Все-таки, нѣту твари жесточе. Не людская бы злость да жадность—жить бы можно было. Всякій тебя за живое ухватить норовитъ, да кусъ отхватить, да слопать.

Задумался Семень.

— Не знаю, говорить, братъ. Можетъ, оно и такъ, а коли и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бога положеніе.

— А коли такъ, говорить Василій, такъ нечего намъ съ тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на Бога взваливать, а самому сидѣть да терпѣть, такъ это, братъ, не человѣкомъ быть, а скотомъ. Вотъ тебѣ мой сказъ.

Повернулся и пошелъ, не простившись. Псталъ и Семень.

— Сосѣдъ, кричить, за что же ругаешься?—Не обернулся сосѣдъ, пошелъ. Долго смотрѣлъ на него Семень, пока въ выемкѣ на поворотѣ стало Василя не видно. Вернулся домой, и говоритъ женѣ:

— Ну, Арина, и сосѣдъ же у насъ: зелье, не человѣкъ.

Однако не поссорились они; встрѣтились опять и по-прежнему разговаривать стали, и все о томъ же.

— Э, братъ, кабы не люди... Не сидѣли бы мы съ тобою въ будкахъ этихъ, говорить Василій.

— Что-жъ въ будкѣ... ничего, жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эхъ ты! много жилъ, мало нажилъ, много смотрѣлъ, мало увидѣлъ. Бѣдному человѣку, въ будкѣ тамъ или гдѣ, какое ужъ житье. Ъдятъ тебя живодеры эти. Весь сокъ выжимаютъ, а старь станешь, выбросятъ, какъ жмыху какую, свиньямъ на кормъ. Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василий Степанычъ. Двѣнадцать рублей.

— А я тринадцать съ полтиной. Позволь тебя спросить, почему! По правилу, отъ правленія всѣмъ одно полагается, пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, отопленіе, освѣщеніе. Кто же это намъ съ тобой двѣнадцать или тамъ тринадцать съ полтиной опредѣлил? Позволь тебя спросить?.. А ты говоришь, жить можно? Ты пойми, не объ полуторахъ тамъ или трехъ рубляхъ разговоръ идетъ. Хоть бы и всѣ пятнадцать платили. Былъ я на станціи въ прошломъ мѣсяцѣ; директоръ проѣзжалъ, такъ я его видѣлъ. Имѣлъ такую честь. Ёдетъ себѣ въ отдѣльномъ вагонѣ; вышелъ на платформу, стоитъ. Да не останусь я здѣсь долго; уйду, куда глаза глядятъ.

— Куда же ты уйдешь, Степанычъ? Отъ добра добра не ищутъ. Тутъ тебѣ и домъ, тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница...

— Землицы! посмотрѣлъ бы ты на землю мою. Ни прута на ней нѣту. Посадилъ было весной капустки, такъ и то дорожный мастеръ пріѣхалъ: «это говоритъ, что такое? Почему безъ доношенія? почему безъ разрѣшенія. Выкопать, чтобъ и духу ея не было». Пьяный былъ. Въ другой разъ ничего бы не сказалъ, а тутъ втемяшилось... «Три рубля штрафа!..»

Помолчалъ Василий, потянулъ трубочки и говоритъ тихо:

— Не много еще, зашибъ бы я его до смерти.

— Ну, сосѣдъ, и горячъ ты, я тебѣ скажу.

— Не горячь я, а по правдѣ говорю и размышляю. Да еще дождется онъ у меня, красная рожа. Самому начальнику дистанціи жаловаться буду. Посмотрить!

И точно пожаловался.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать: ревизию дѣлали, такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ порядокъ привести. Балласту подсыпали, подравняли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили; на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка сторожика и старика своего выгнала травку подчищать. Работалъ Семень цѣлую недѣлю; все въ исправность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху мѣдную кирпичемъ до сіянія оттеръ. Работалъ и Василій. Пріѣхалъ начальникъ дистанціи на дрезинѣ; четверо рабочихъ рукоять вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ, только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ; подскочилъ Семень, отрапортовалъ по солдатски. Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь? спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто шестьдесятъ четвертомъ номерѣ кто?

Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридовъ.

— Спиридовъ, Спиридовъ... а, это тотъ самый, что въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну ладно, посмотримъ Василю Спиридова. Трогай.

Налегли рабочіе на рукоятки; пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семень на нее и думаетъ: ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра.

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видитъ, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что виднѣется. Сталъ Семень присматриваться— Василій; въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленькій, щека платкомъ завязана.

— Сосѣдъ, куда собрался? кричитъ Семень.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко: лица на немъ нѣту; бѣлый какъ мѣлъ, глаза дикіе; говоритъ началъ—голосъ обрывается.

— Въ городъ, говоритъ, въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... вотъ что! Жаловаться, стало быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ, братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ, не забуду, не оставлю такъ.

Взялъ его за руку Семень.

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ-судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю, но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все, — съ дрезины сошелъ, — въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать, все какъ слѣдуетъ исправилъ. Ёхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричатъ. «Тутъ, говоритъ, правительственная ревизія, такой-сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать! Тутъ, говоритъ, тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!» Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дастъ онъ мнѣ... а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ. Уѣхали они, опамятовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ; да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ. Не знаю, найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди; ушелъ Василій и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсѣмъ, поджидаячи мужа. На третій день проѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два

перваго класса, а Василя все пѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семень его хозяйку; лицо отъ слезъ пухлое, глаза красныя.

— Вернулся мужъ? спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семень когда-то, еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ таловой палкѣ сердце, дырки гдѣ надо высверлить, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ и такъ славно наладить, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копѣйки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену, вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ, палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка; на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ; спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было; тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чиликаютъ, да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семень немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семень скорѣй. Ремонту

въ то время на ихъ участкѣ не было. «Что бы это значило?» думаетъ. Выходитъ онъ на опушку—передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семень потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ—и человѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ: поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону, Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ — не можетъ. Видитъ онъ Василю, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключемъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василю Степанычъ! отецъ родной, голубчикъ. воротись! Дай ломъ! поставимъ рельсъ, никто не узнаетъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха!

Не обернулся Василю, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семень надъ отвороченнымъ рельсомъ: палки свои вырошилъ. Поѣздъ идетъ не товарный. пассажирскій. И не остановишь его ничѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костью не забьешь. Бѣжать надо, непременно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семень къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ, — вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу — до будки сто сажень, не больше осталось, — слышитъ, на фабрику гудокъ загудѣлъ. Шестъ часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи! спаси невинныя души! Такъ и видятъ передъ собою Семень:

хватить паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и въ дребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться то внизъ одиннадцать сажень, а тамъ, въ третьемъ классѣ народу биткомъ набито, дѣти малыя. Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семень до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ, зачѣмъ; дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженьхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища, перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножемъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ

близко, а на ста саженьяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семень рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилося у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума: одна мысль въ головѣ: не устою, упаду. уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня..? Помоги Господи, пошли смѣну...

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко на встрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человекъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.
— Вяжите меня, говоритъ: я рельсъ отворотилъ.

АЯСЛАРСКОЕ ДѢЛО.

ДЯСЛАРСКОЕ ДѢЛО.

I.

Мы двѣ недѣли стояли въ Ковачицѣ. Вяло, однообразно течетъ лагерная жизнь, когда нѣтъ никакого дѣла, да еще въ такой глуши. Впрочемъ, глушью Ковачицу назвать было-бы несправедливо: въ ней находился нашъ корпусный штабъ, почтовое отдѣленіе—словомъ, средства узнать что-нибудь, что дѣлается въ окружающемъ мірѣ, а главное—на обоихъ театрахъ войны и въ далекой, дорогой родинѣ. Мы, по правдѣ сказать, все-таки не были избалованы свѣжестью и обиліемъ новостей, да къ тому же онѣ часто являлись къ намъ обезображенныя и преувеличенныя. Темные слухи о первыхъ плевненскихъ неудачахъ были до того преувеличены, что только газеты двухъ и трехнедѣльнаго возраста разсѣяли мрачность, парившую среди офицеровъ. Кажется, по прямой дорогѣ изъ Плевны къ намъ было бы ближе, чѣмъ черезъ Петербургъ и Москву,

однако, «коли въ объѣздъ — верста, а напрямикъ — пять», говорится въ сказкѣ.

Наша бригада скучала. Правда, одинъ разъ часть нѣжинскаго полка ходила на рекогносцировку или, вѣриѣе, для наказанія вооруженныхъ и возставшихъ жителей въ Ломъ. Пошли, наказали и вернулись. Одного потеряли убытымъ и одинъ солдатъ спасся какимъ-то чудомъ.

— Стали мы ворочаться, а башибузуки издали попаливаютъ. Пріотсталъ я маленько: выстрѣлить обернулся; только сталъ подгонять — какъ хватить она меня въ спину! да неловко пришлось — въ шинель угодила. Семь суконъ пробило, въ восьмомъ запуталась.

«Она» — конечно, пуля. У солдатика, дѣйствительно, въ развернутой шинели оказалось семь причудливо расположенныхъ дыръ.

— И только, братцы мои, поспѣлъ я крестъ на себя положить, глянь — торбочку дернуло, а въ ней двѣ дыры у самой ноги, и крошки сухарныя сыплются!

— Отвѣдала да и ушла. Нескусны наши російскіе сухарики, острить кто-то.

Между тѣмъ, какъ мы стояли въ Ковачицѣ и, по выраженію нѣкоторыхъ, «кисли», впереди, на боевой линіи, у Поикіоя часто происходили стычки.

9-го августа нашъ полковой докторъ назначилъ «тѣлесный смотръ». Собираться къ третьему батальону (который стоялъ отдѣльно). Наша рота собралась

раньше всѣхъ; насъ выстроили и повели на мѣсто сбора. Это была небольшая площадка, свободная отъ палатокъ и орудій. Здѣсь мы остановились; доктора не было, и приходилось ждать. Отъ нечего дѣлать я сталъ смотрѣть на палатки. Странную картину представляетъ лагерь въ военное время. Маленькія солдатскія палатки ярко бѣлѣютъ, облитыя солнцемъ; ружейные козлы и разноцвѣтныя фигуры солдатъ пестрятъ этотъ бѣлый фонъ. Преобладаютъ лиловыя пятна пестрадинныхъ рубахъ; затѣмъ, краснѣютъ кумачевыя, желтѣютъ, алѣютъ, зеленѣютъ ситцевыя. Черные мундиры надѣваются развѣ только на какую-нибудь службу: всѣ предпочитаютъ самое неумѣренное дезабилье. Тутъ голыя ноги, тамъ голая спина и грудь. Сапогъ не надѣваютъ, потому-что жарко, да и беречь ихъ надо, тысяча верстъ похода дала имъ себя знать.

Мы ждали довольно долго; кто-то пошелъ доложить доктору, что люди собираются. Но намъ, видно, не суждено было испытать «тѣлеснаго смотра». Въ палатку командира третьяго батальона вбѣжалъ полковой адъютантъ и тотчасъ-же очень низенькій и полный маіоръ Ф—скій вылетѣлъ изъ палатки почти безъ всякаго одѣянія, снятаго имъ съ себя по случаю жары.

— Третій батальонъ, снимай палатки! Ранцевъ не брать! звонко закричалъ онъ.

И затѣмъ скрылся въ своемъ помѣщеніи, которое тотчасъ же было снято и обнаружило маіора, сидя-

щаго на складномъ табуретѣ и надѣвающего, при помощи деньщика, различныя необходимыя части туалета. Между тѣмъ, третій батальонъ сразу измѣнилъ свой видъ. Изъ всѣхъ палатокъ, какъ муравьи, вылѣзли люди; быстро надѣвались мундиры, палатки исчезали, свертывались, шинели скатывались. И черезъ пять минутъ послѣ появленія маіора Ф—скаго изъ палатки, вмѣсто пестроты спокойнаго бивуака, явились темныя, стройныя ряды. Кое-гдѣ солнце играло на штыкахъ, на стволахъ ружей. Офицеры бѣжали къ батальону, застегивая на ходу португези. Самъ маіоръ вышелъ передъ батальонъ, усѣлся при посторонней помощи на коня и скомандовалъ: «изъ середины, рядами!» Раздались команды ротныхъ командировъ. Человѣческая масса всколыхнулась, и изъ темнаго четырехугольника начала змѣею вытягиваться походная колонна. Куда она пойдетъ? Маіоръ, выѣхавъ на дорогу, повернулъ налѣво и повелъ колонну къ Понкію.

Не успѣлъ батальонъ вытянуться по дорогѣ, какъ приобѣжалъ нашъ дневальный.

— Кузьма Захарычъ, ведите роту, выступаемъ! кричалъ онъ.

— Безъ ранцевъ? спросило вдругъ нѣсколько голосовъ.

Вопросъ былъ первостатейной важности. Изъ всѣхъ невзгодъ солдатской походной жизни едва-ли не третью часть причиняетъ «телятина» или «теленокъ», какъ прозвали солдаты свой неудобный по-

ходный мѣшокъ. Иные зовуть его еще «комодомъ». Этотъ «комодъ» причиняетъ боль въ плечахъ, давитъ грудь, утомляетъ ноги, уменьшая устойчивость тѣла; подь нимъ, даже въ свѣжую погоду, спина взмокаетъ послѣ пяти минутъ ходьбы. Поэтому, неудивительно, что оставленіе ранцевъ было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. *)

Бѣгомъ пустилась рота къ своему бивуаку. Здѣсь уже всѣ собрались; ранцы были свалены въ кучу, палатки сняты. Мы торопились одѣваться. Какъ ни любить русскій человѣкъ погалдѣть при всякомъ удобномъ случаѣ и когда онъ находится въ скопѣ, но все было тихо. Меня всегда удивляла эта тишина во время сборовъ по тревогѣ.

Черезъ четверть часа мы выступили. Отъ Ковачицы до Попкюя всего верстъ 9—10. Но, хотя мы шли и налегкѣ, безъ ранцевъ, а только съ шинелями, перекинутыми черезъ плечо, съ закатанными въ нихъ палатками, эти 10 верстъ насъ совершенно измучили. Жара была смертная, больше 35⁰ въ тѣни, и ни малѣйшаго вѣтерка. Какъ будто бы все умерло: кукуруза не шелестила своими еще темнозелеными листьями; вѣтви и листья попадавшихся намъ грушевыхъ деревъ были неподвижны. Ни одной птицы не

---

*) Одинъ изъ корреспондентовъ «Голоса» ставитъ въ особую заслугу солдатамъ генерала Циммермана то, что они перешли черезъ Дунай и разбили турокъ «даже безъ ранцевъ». Вѣроятно, корреспондентъ воображаетъ, что ранецъ есть нѣчто въ родѣ воздушнаго шара, поддерживающаго солдата въ воздухѣ.

увидали мы во все время перехода. Солдаты изнемогали уже, послѣ четырехъ верстѣ пути. Когда, на полудорогѣ, намъ дали отдыхъ у колодца, люди, едва успѣвъ составить ружья, буквально попадали на землю.

— Отвыкли ходить, Гаврило Васильевичъ? обратился я къ своему сосѣду. Онъ лежалъ съ полузакрытыми глазами и тяжело дышалъ.

— Да! Вотъ не походи ты недѣльки двѣ, вѣдь какъ избалуешься! глухо отвѣчалъ онъ. — Пойдемте водицы испить.

Мы встали и пошли доталкиваться къ колодцу или, вѣрнѣе, фонтану. Изъ желѣзной трубки, вставленной въ стѣнку въ ростъ человѣка, сложенную изъ дикаго камня, чистая, прозрачная струя текла въ каменное корыто. Солдаты тѣснились, доставая воду, и обливали другъ-друга, переноса полныя воды манерки черезъ головы сосѣдей. Мы напились и набрали воды въ свои бутылки.

— Ну, полегчало; можно и опять въ походъ, сказалъ Гаврило Васильичъ, утирая рукавомъ свои бѣлокурые усы и бороду.

Онъ былъ замѣчательный красавецъ, голубоглазый, стройный, ловкій. Онъ лежитъ теперь на Аясларской горѣ и отъ его голубыхъ глазъ и прекраснаго лица уже ничего не осталось.

Давъ отдохнуть полчаса, майоръ Ф. повелъ насъ далѣе. Чѣмъ ближе мы подходили къ Попкію, тѣмъ становилось труднѣе и труднѣе. Солнце пекло съ ка-

кою-то яростью, будто торопилось допечь насъ, пока мы еще не пришли на мѣсто и не спрятались отъ жары въ палатки. Нѣкоторые не выдержали этой ярости: едва бредя съ опущенною головою, я чуть не споткнулся объ упавшаго офицера. Онъ лежалъ красный, какъ кумачъ, и судорожно, тяжело дышалъ. Его положили въ лазаретную фуру.

Полутораверстный подъемъ изъ долины, по которой мы шли, на правый склонъ ея показался намъ хуже всей дороги. Запахи, дающіе себя знать при приближеніи ко всякому дагерю, еще прибавляли духоты. Какъ дошелъ я — рѣшительно не помню, но все-таки дошелъ; другіе были менѣе счастливы. Едва таща ноги, мы перестроились въ рядокъ, въ которомъ должны были расположиться на отдыхъ, и едва стоя на ногахъ, дождались, наконецъ, благословеннаго возгласа маіора Ф.:

— Составъ!

Т. е. составъ ружья и дѣлай что тебѣ угодно.

II.

Люди такъ измучились, что даже невыносимая жажда не могла заставить ихъ идти за водою. Только черезъ полчаса собрались команды съ манерками и отправились въ деревню. На томъ склонѣ долины, на вершинѣ котораго мы расположились, находилась мусульманская часть Попкіоя, — пустая, словно послѣ

чумы. На противоположной сторонѣ тѣснились болгарскія «кишты», точно такія же, какъ и турецкія, съ такими же низенькими черепичными крышами. Тамъ слышался лай собакъ, виднѣлись люди, овцы, буйволы, или, какъ ихъ прозвали наши солдаты, «буйлы». Направо шла долина, по которой мы только-что шли, съ ручейкомъ посрединѣ и съ безконечными кукурузными, ячменными и шпеничными полями по склонамъ. Налѣво, перпендикулярно къ нашей долиноѣ, шла долина Лома, уходившая въ обѣ стороны въ туманную синеватую даль, изъ которой все слабѣе и слабѣе вырисовывались горы праваго берега рѣки.

Противъ насъ эти возвышенности были очень высоки. На нихъ, въ одномъ мѣстѣ, изрѣдка появлялся дымъ бѣлымъ клубомъ и медленно, медленно несся, тая и расплываясь въ воздухѣ; черезъ полминуты раздавался глухой ударъ, въ родѣ далекаго раската грома. Это была рекогносцировка моршанскаго полка.

Мы сыскали фонтанъ, набрали воды и въ разбродѣ вернулись на бивуакъ. Солдаты, немного отдохнувъ, уже оживились, чему, конечно, способствовали эти далекіе выстрѣлы.

— Ишь, какъ садить!

— Что, братцы, наши это или турки? задалъ кто-то вопросъ.

Кто-то другой отвѣтилъ, что моршанцы не взяли съ собою пушекъ. И, дѣйствительно, судя по поло-

женію и направленію дыма, это не могли быть выстрѣлы нашихъ орудій.

Правѣе деревни, гораздо ближе, чѣмъ орудійныя выстрѣлы, не на возвышенности, а подъ нею, въ долину Лома, застучала ружейная стрѣльба, сначала рѣдко, какъ будто бы рубили лѣсъ въ нѣсколько топоровъ, потомъ все чаще и чаще. Иногда звуки сливались въ сплошную трескотню.

Я подошелъ къ офицерамъ нашей роты. И. Н. А. нашъ ротный командиръ, говорилъ другому офицеру. С., что, какъ ему только сейчасъ рассказывали, такія перепалки бывають здѣсь чуть не каждый день.

— Ну, кажется, дождались дѣла, сказалъ С.

— Да дѣло-то это такое... развѣ это дѣло? Засѣли жители съ черкесами въ лѣсу, только безнокоятъ, а между тѣмъ, шальныя пули вѣдь и здѣсь летаютъ. Не хотѣлъ бы я быть убитымъ такимъ образомъ.

— Отчего, И. Н.? спросилъ я.

— Да такъ, что это за сраженіе!

И. Н. хорошій знатокъ военнаго ремесла и большой поклонникъ стратегіи и тактики. Онъ не разъ выражалъ мысль, что если быть убитымъ, то ужъ какъ слѣдуетъ, въ правильномъ бою, а еще лучше въ генеральномъ сраженіи. Теперешняя перестрѣлка ему, видимо, не нравилась; онъ безнокойно пощипывалъ нѣсколько одинокихъ волосковъ на своемъ подбородкѣ и вдругъ, добродушно и серьезно улыбнувшись сказалъ:

— Пойдемте лучше, господа, чай пить; самоваръ готовъ.

Мы забрались въ палатку и усѣлись чайничать. Стрѣльба мало-по-малу замолкла, и остатокъ дня и ночь мы провели въ совершенномъ спокойствіи. Впрочемъ, всю ночь мнѣ снились бѣлые клубы дыма и ружейная трескотня.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко. Жара была такая же, какъ и вчера. Батальонъ певскаго полка, прошедшій мимо насъ, по направленію вчерашнихъ орудійныхъ выстрѣловъ, шель, однако, довольно бодро: люди чувствовали близость боя.

Они, однако, скоро вернулись и, обогнувъ деревню, вѣроятно, пошли туда, гдѣ вчера была ружейная перестрѣлка. Сегодня она была слышна хуже—выстрѣлы удалились отъ насъ. Загремѣли и пушки, сначала съ нашей стороны, но скоро на высотахъ съ того берега показались бѣлые клубы дыма. Турки привезли артиллерию.

Я предложилъ С. пойти въ деревню и, взойдя на какую-нибудь крышу, слѣдить за боемъ; оттуда было лучше видно. Хотя минаретъ мечети былъ цѣль и, конечно, былъ выше всѣхъ крышъ, но мечеть стояла низко, почти въ долинѣ; поэтому мы взобрались на первую попавшуюся галлерейку черкесскаго дома, обращенную къ мѣсту битвы. Но хотя оно и разстигалось передъ нами, но ни войскъ, ни даже дыма ружейнаго огня не было видно; смотрѣть было рѣшительно нечего. Мы слѣзли съ галлерей въ ма-

ленькій садикъ съ абрикосовыми деревьями и бѣлыми акаціями; въ немъ все было въ порядкѣ, какъ будто-бы еще вчера хозяева полили гряды съ цвѣтами. Тыквы вились своими цѣпкими стеблями по плетню, нѣсколько стеблей кукурузы и высокихъ «крысѣхъ хвостовъ» съ красными колосьями разнообразили пестрый цвѣтникъ. Мы вошли въ домъ. Стѣны были гладко и чисто вымазаны сѣрою глиною. Все было цѣло; только очагъ, сложенный изъ кусковъ череницы, былъ проломленъ. На полу валялось нѣсколько листовъ изъ какой-то писаной мусульманской книги съ заглавными украшеніями, сдѣланными золотомъ и красками.

Больше разсматривать было нечего, и мы, выбравшись изъ лабиринта плетней, вышли на улицу. Деньщикъ С—ва, красный какъ ракъ, бѣжалъ къ намъ.

— Ваше благородіе, пожалуйста! Уже въ ружье стали!

Мы добѣжали до батальона, и черезъ двѣ минуты я уже шагаль въ рядахъ съ ружьемъ на плечѣ.

Мы шли къ мѣсту вчерашней ружейной перестрѣлки. Солдаты крестились. Длинный рядъ лазаретныхъ фуръ остановился на дорогѣ, чтобы дать намъ пройти, и потянулся вслѣдъ за нами.

Ш.

Мы обогнули деревню, спустились въ минуту по мостику, перекинутому черезъ ручей. Дорога шла слегка въ гору по молоденькому лѣсу; деревца кизила, всѣ красныя отъ множества плодовъ, мѣшались съ терномъ. Дорога была узкая: не болѣе четырехъ человѣкъ могло идти по ней рядомъ; вправо отъ нея, въ кустахъ, были выкопаны ложементы, приготовленные на случай нападенія турокъ на Попкюй.

Мы пріостановились и дали пройти какому-то полку. Это былъ невскій полкъ, цѣлый день бывшій въ огнѣ и возвращавшійся въ лагерь, такъ какъ онъ разстрѣлялъ всѣ патроны. Сколько помнится, убитыхъ и раненыхъ въ этотъ день у невцевъ было мало. Они шли измученные, усталые, но весело и оживленно.

— Вы чего-жъ это, землячки, на попятный? спрашивали мы невскихъ солдатиковъ. Нѣкоторые молча открывали пустыя сумки, другіе отвѣчали, что патроновъ-де нѣтъ, что ихъ смѣнили софійцы, которые пошли впередъ, и турки подались.

— Эхъ вы!

— Чего «эхъ вы!» Вотъ ты поди-ка самъ, два дня не ѣвши! да и патроновъ нѣтъ. Солдатъ безъ патроновъ—трубка безъ табаку, сказалъ невскій сол-

дать, набивая трубку,—поворачивай назад! Коли-бъ они на насъ лѣзли, а то такъ, они пострѣливаютъ и мы пострѣливаемъ,—пустое дѣло! Дайте, землячекъ, прикурить.

Онъ «прикурить» и побѣжалъ догонять свою роту.

Рысью пронеслась по дорогѣ батгарея, за нею пошли и мы. Солнце садилось; все зарумянилось. Мы спустились въ лошину, гдѣ текъ маленькій ручеекъ. Десятки гигантскихъ черныхъ тополей будто бы крышей закрывали мѣсто, гдѣ мы снова остановились. Лазаретныя повозки расположились въ нѣсколько рядовъ. Доктора, фельдшера и санитары суетились и приготавливались къ перевязкѣ. Пушечные выстрѣлы гремѣли невдалекѣ; удары становились все чаще и чаще.

Еще два батальона прошли мимо насъ впередъ; мы, вѣроятно, были оставлены для резерва. Насъ отвели въ сторону; люди составили ружья и улеглись на землѣ, покрытой мягкой, душистой мятой.

Я лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ сквозь вѣтви на потемнѣвшее небо. Гигантскіе, въ шесть обхватовъ стволы уходили вверхъ, вѣтвились, переплетались. Только кое-гдѣ выглядывала звѣздочка на черно-синемъ небѣ и далеко-далеко казалась она, на днѣ какой-то бездны и мирно посматривала оттуда. А выстрѣлы гремѣли и гремѣли. Вершины деревьевъ на мгновеніе озарялись краснымъ свѣтомъ и потомъ казались еще страшнѣе и мрачнѣе. Ружейнаго огня не

было слышно. Вѣроятно совершалось то, что на военномъ языкѣ такъ скверно называется артиллерійскою подготовкою атаки.

Я лежалъ и почти дремалъ. Около меня солдаты тихо и сдержанно разговаривали. Теперь припоминаю странное обстоятельство, не могшее въ то время обратить на себя мое вниманіе: никто ни словомъ не намекнулъ, не вспомнилъ, что у него есть другой міръ, родина, родные, друзья. Какъ будто бы всѣ забыли свою прежнюю жизнь. Говорили объ этихъ грозныхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, о томъ, зачѣмъ отошли невцы и отчего не подвезли патроновъ, о томъ, сколько можетъ быть турокъ и кто дерется съ нашей стороны: только ли три полка (невскій, софійскій и болховской), или обѣ дивизіи. «Да, можетъ, братцы, еще и одиннадцатая подоспѣетъ; начесали бы мы ему зубы.» — «Ну, рассказывай, начесали! Кто его знаетъ; можетъ, онъ всю свою силу вывелъ. Намъ бы его попридержать, и то ладно; больше съ насъ не спросятъ.» — «И то правда, наступать, говорятъ, не велѣно.» — «Кто тебѣ говорилъ?» — «Ивановъ, писарь изъ штаба; онъ землякъ мнѣ.» — «Знаетъ онъ, твой Ивановъ!» съ сомнѣніемъ говоритъ солдатикъ.

Верхушки тополей поблѣднѣли; листья осеребрились и заблестѣли мягкимъ отраженіемъ луннаго свѣта. Луна возшла, но намъ ея не было видно, такъ какъ мы лежали на днѣ оврага. Все-таки стало немного свѣтлѣе. На краю оврага показался

верховой офицеръ; онъ отчаянно кричалъ: «патронные ящички софійскаго полка дава-а-ай!» Но ящички стояли по ту сторону оврага, и звукъ его голоса, не смотря на крайнее напряженіе, не доходилъ до ѣздovýchъ. Кто-то изъ нашего начальства крикнулъ: «передать дальше!» И началось что-то въ родѣ того, что музыканты называютъ фугою. Одинъ кричалъ: «патронные ящички дава-ай!» Другой начиналъ ту же фразу, когда первый выкрикивалъ «ящички», а третій, когда второй кончалъ «патронные». Какъ бы то ни было, дремавшіе ѣздовые проснулись и, ударивъ по лошадямъ, вскачь перенеслись черезъ оврагъ.

Черезъ десять минутъ началась и ружейная стрѣльба. Ухо, сначала чутко прислушивавшееся къ каждому выстрѣлу, утомилось. Да и сонъ клонилъ. Скоро выстрѣлы слились въ какой-то неясный шумъ, какъ будто бы шумъ падающей воды; потомъ смолкъ и онъ. Я уснулъ.

— Вставать!

Звучный голосъ нашего батальоннаго командира разбудилъ меня. Всѣ поднимались, потягивались, перекидывали черезъ плечо шинели, только-что служившія изголовьемъ.

«Въ ружье!» Орудія не умолкали. Мы выбрались изъ оврага и пошли по широкой дорогѣ, проложенной артиллеріей. Огни выстрѣловъ были уже близки, звукъ ихъ дѣлался непріятно силенъ. Тотчасъ вслѣдъ за огнемъ, иглой прорѣзавшимъ воздухъ, слышался громовый ударъ; потомъ что-то звенѣло, сверля воз-

духъ. Это наша граната летѣла на мрачную обрывистую высоту, занятую турками. Артиллеристы беззвучно суетились у орудій и стрѣляли безъ перерыва: иногда два орудія сливали свой ревъ, и обѣ гранаты летѣли вмѣстѣ. Онѣ лопались на склонѣ горы въ самой турецкой цѣпи.

Мы шли все впередъ и впередъ. До высоты было версты двѣ. Ровная и широкая дорога кончилась; мы вошли въ рѣдкій лѣсокъ, весь заросшій кустами. Трудно было идти, раздвигая терновникъ и карагачъ, да еще въ темнотѣ, но люди даже старательно сохраняли равненіе. Показались какіе-то камни, плиты, поставленныя ребромъ. Это мусульманское кладбище. Вотъ и настоящіе магометанскіе монументы, — камень, грубо обѣченный сверху, въ видѣ чалмы. Здѣсь мы остановились.

Луна сильно свѣтила и ясно озаряла гору, за которою шелъ бой. Снизу горы линія огней, наша цѣпь и сверху другая, болѣе густая линія огней — турецкая; обѣ эти линіи перемѣщались. Софійцы шли въ атаку. Верхніе огни вспыхивали все дальше и дальше, все выше и выше. Но мы недолго могли слѣдить за боемъ, потому что насъ отвели куда-то въ сторону и положили каждую роту отдѣльно. Отсюда опять мы увидѣли огоньки выстрѣловъ. Звуки ихъ, какіе-то тупые, деревянные безпрестанно долетали до насъ. Но скоро стали доходить и не одни звуки.

Ссс... ссс... ссс... раздавалось въ воздухѣ надъ нами справа и слѣва.

— Пуля! закричалъ кто-то.

— Ладно! жежи... Помирать долетаютъ.

Дѣйствительно пули были уже на излетѣ: это всегда слышно по звуку. Пуля близкаго выстрѣла визжитъ и свиститъ, а та, которая «помирать долетаетъ» только шипитъ, какъ змѣя.

Пути летѣли и летѣли. Рота молчала. Напряженное состояніе, невольно явившееся при звукѣ смерти, ослабѣло; всѣ стали думать, что пули только перелетаютъ, или безвредно падаютъ на землю. Нѣкоторые, снявъ шинели, устраивались уснуть поудобнѣе, если только можно удобно уснуть на колеяхъ изъ засохшей грязи, держа ружье въ рукахъ и подъ пулями. Задремалъ и я. Тяжела, мучительна была эта дремота... Недалеко отъ насъ, кажется, въ седьмой ротѣ, вдругъ заговорили, загомонили. «Неси!» услышалъ я. «Куда ужъ его нести»... перебилъ кто-то; конца фразы я не разслышалъ. И. Н. послалъ узнать, что случилось. Оказалось, что пуля, прилетѣвшая умирать, не захотѣла умирать одна и попала прямо въ сердце солдату. Эта смерть произвела скверное, давящее впечатлѣніе: быть убитымъ, не видя непріятеля, пулею, пролетѣвшюю 3000 шаговъ, двѣ версты, казалось всѣмъ чѣмъ-то роковымъ; ужаснымъ. Однако, мало-по-малу, всѣ замолчали, успокоились, начали дремать. Негромкій, рѣзкій звукъ разбудилъ всѣхъ: пуля пробила обѣ барабанныя кожи.

И кто-то нашелся даже пустить по поводу «шкуры барабанной» шутку, которая, однако была встрѣчена общимъ неодобреніемъ. «Нашель время балясничать», угрюмо говорили солдаты.

Всѣмъ было немного жутко, всѣ чего-то ждали. И вдругъ раздался крикъ, но не отъ боли, а скорѣе отъ испуга. Дѣйствительно, пуля попала въ патронную сумку солдата, который, блѣдный и съ дрожащимъ лицомъ, понесъ показывать ее ротному командиру. И. Н. внимательно осмотрѣлъ пулю и, замѣтивъ, что она четырехлинейнаго калибра, изъ ружья Пибоди и Мартини, перевелъ роту въ какую-то выемку дороги.

Здѣсь мы, не смотря на свистъ и шипѣнье, успокоились. На горѣ раздавалось наше «ура!» Это софійцы штурмовали гору.

IV.

Я проснулся, когда было еще почти темно. Бока болѣли невыносимо. Пули летали попрежнему, но теперь уже очень высоко въ воздухѣ надъ нами. Огоньковъ на горѣ не было видно, но стрѣльба слышалась частая. «Значить гора взята, и софійцы держатся на гребнѣ», подумалъ я.

Чуть встало солнце, насъ подняли. Солдаты, кряхтя и зѣвая, вставали. Было холодно; большинство, продрогнувъ, тряслось, какъ въ лихорадкѣ.

Роты собрались у фонтана, и оба наши батальона (2 и 3) двинулись къ горѣ.

Тотчасъ же послѣ того, какъ мы перешли Ломъ по небольшому мостику, дорога пошла въ гору. Сначала подъемъ, хотя и весь покрытый кустами, былъ сносенъ, но, чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ круче становилась покатость, тѣмъ уже дорога. Наконецъ, мы были принуждены взбираться по одиночкѣ иногда подпираясь ружьями. Роты перепутались. Среди насъ, вмѣстѣ съ офицерами другого батальона, очутился нашъ полковникъ, съ трудомъ взбравшійся на высоты. «Вотъ мучительная гора, сказалъ онъ своему адъютанту! какъ это софійцы умудрились взять ее!»—«Трудно, ваше, высокоблагородіе!» — промолвилъ какой-то крохотный солдатикъ изъ самой низенькой 8-й роты.

Софійцы спускались съ горы, такъ какъ мы шли имъ на смѣну. Измученные бессонной ночью, жаждой и нервнымъ напряженіемъ, они едва брели, ничего не отвѣчая на наши разспросы, много ли турокъ, силенъ ли огонь. Только нѣкоторые тихо говорили: «Дай вамъ, Господи! И-и-и, какъ жарить».

Наконецъ, мы добрались до вершины горы. Въ самомъ концѣ подъемъ переходилъ въ совершенно отвѣсную скалу; подъ нею была небольшая площадка, гдѣ роты могли построиться въ безопасности отъ выстрѣловъ. Не смотря на то, что трудный подъемъ, кусты, узкая дорога совершенно перепутали насъ, люди разобрались и стали на мѣста чрезвычайно

быстро. Пули, перелетая через скалу, визжали надъ нами пронзительно и крайне непріятно. Здѣсь подъ скалою было безопасно, но каково было на ней? Вѣтви кустовъ, растущихъ на гребнѣ, трещали, сло-манныя пулями, иногда нѣсколько листьевъ сыпалось сверху. Мы двинулись вправо, сначала подъ обрывомъ, потомъ мало-по-малу стали вскарабкиваться по одному человѣку съ камня на камень. Обогнувъ скалу, мы вылѣзли совсѣмъ наверхъ и двинулись между густыхъ и высокихъ кустовъ. Кто насъ велъ— не знаю; всѣ шли по направленію выстрѣловъ, съ трудомъ пробираясь между кустами. Вотъ, наконецъ, и узенькая дорожка. Впередъ! бѣгомъ! Тутъ уже лежали свѣжіе трупы нашихъ и турокъ; навстрѣчу намъ уже несли раненыхъ. Солдатыкъ восьмой роты, такъ смѣло вступившій въ разговоръ съ полковымъ командиромъ, брелъ самъ, жалобно воя и придержи-вая одной рукой другую, изъ которой ручьемъ текла кровь. Мы все бѣжали и бѣжали и, наконецъ, очу-тились на открытомъ мѣстѣ. Нашъ маленькій и худощавый маіоръ Ф. уже былъ на мѣстѣ и хладно-кровно расхаживалъ по цѣни. «Куда идти, г. маіоръ?» спросилъ я. Онъ молча показалъ саблей на-лѣво. Я побѣжалъ туда, по дорогѣ разъ принавши къ землѣ отъ рвущейся гранаты. И. Н. медленно про-гуливался, пощипывая свои одинокіе волоски «И. Н., закричалъ я ему: я не знаю, гдѣ нашъ полувзводъ, позвольте въ первый!» Идите, идите скорѣе, сказалъ онъ, поглядывая вдаль, на турецкія линіи.

Однако, ни перваго, ни втораго полувзвода отыскать было невозможно: въ лѣсу всѣ перепутались, а разбираться подъ пулями и гранатами было поздно. Я улегся за первымъ попавшимся бугоркомъ земли и началъ стрѣлять. По одну сторону, рядомъ со мною, лежалъ нашъ капральный, по другую, — солдатъ софійскаго полка. «Вы бы ушли, землякъ, сказалъ я ему, вѣдь вашъ полкъ спустился». — «Да ужъ все одно, стоимъ до конца!» отвѣчалъ онъ. Не знаю, какъ зовутъ его, не знаю даже, живъ ли онъ, но всегда буду помнить торжественный тонъ его голоса.

Турецкіе стрѣлки были отъ насъ шагахъ въ восьми стахъ, такъ что наши ружья врядъ ли дѣлали имъ большой уронъ. Кромѣ того, цѣлый рядъ турецкихъ орудій стоялъ отъ насъ шагахъ въ 1200—1500 и засыпалъ нашу слабую цѣнь гранатами. Хотя пули убиваютъ и ранятъ гораздо больше, но сильнѣйшее нравственное дѣйствіе производятъ гранаты. Я лежалъ, понемногу пострѣливалъ, совѣтуясь иногда съ Павломъ Игнатьичемъ (капральный) о высотѣ прицѣла и не стрѣлять ли намъ на-авось въ артиллерію. Пули визжали все чаще и чаще, наконецъ, отдѣльныхъ выстрѣловъ вовсе не стало слышно: все слилось въ какое-то жужжанье. Гранаты летѣли, визжа издали; когда онѣ приближались, то уже не визжали, а скрежетали и хлопали, разрываясь и обдавая людей осколками и землею. Я приподнялся посмотрѣть, что дѣлается у насъ въ цѣни. Лежавшіе изрѣдка дико

вскрикивали, стоявшіе за деревьями и на колѣняхъ падали тогда съ крикомъ, иногда молча. Гаврило Васильичъ, только-что выступивъ и заряжая ружье, повалился ничкомъ: осколокъ гранаты ударилъ ему въ пахъ, вырвавъ внутренности. Раненые, кто могъ, уползали, большею частью молча; впрочемъ, быть можетъ, ихъ крика и не было слышно за шумомъ боя.

Я началъ стрѣлять снова. Турки собрались внизу котловины, на другомъ краю которой стояла ихъ артиллерія, въ колонны, и шли на наши цѣпи въ атаку. Прицѣливаться стало ближе. Павелъ Игнатьевичъ методично заряжалъ и стрѣлялъ. Я также не жалѣлъ патроновъ, потому что цѣлить было удобно. Темныя фигуры съ красными головами, шедшія на насъ, падали, но все-таки шли. Вдругъ, красныя головы исчезли; не знаю, неровность-ли почвы или кусты закрыли колонну. Потерявъ цѣль вблизи, я снова сталъ стрѣлять въ даль, въ массы, стоявшія на днѣ котловины, и едва успѣлъ замѣтить, что и Павелъ Игнатьевичъ, и софійскій солдатъ исчезли, и всей нашей цѣпи уже не было. Я обернулся назадъ: солдаты сбѣжались въ кучки и жаркимъ ружейнымъ огнемъ встрѣчали наступавшихъ турокъ. Я былъ одинъ между нашими и турецкою колонною.

Что мнѣ было дѣлать? Не успѣлъ этотъ вопросъ мелькнуть въ головѣ, какъ около меня раздалось мое имя. Я опустилъ глаза—у моихъ ногъ лежалъ Федоровъ, молоденькій солдатъ нашей роты, побы-

вавшей въ Петербургѣ, хватившей цивилизаціи и выражавшейся почти литературнымъ языкомъ. Теперь онъ лежалъ бѣлый, какъ эта бумага; изъ разбитаго плеча волною текла кровь. «В. М., батюшка, дайте пить. Унесите, унеси-ите», жалобно просилъ онъ. Я забылъ все: и турокъ, и пули. Одному мнѣ нечего было и думать поднять рослаго Ѳедорова, а изъ нашихъ никто не рѣшался выскочить на тридцать шаговъ, даже для того, чтобы поднять раненаго, не смотря на мои отчаянные вопли. Увидавъ офицера, молоденькаго прапорщика С., я началъ кричать и ему: П. Н., помогите! Никто не идетъ помогите хоть вы! Можетъ быть, С. и пришелъ бы, но пуля свалила его. Я чуть не заплакалъ.... Наконецъ, два солдата, кажется, нашей роты, кинулись ко мнѣ. Мы взяли Ѳедорова, неперестававшаго жалобно повторять: — «унесите, голубчики, Христа ради», я за ноги, двое за плечи; тотчасъ же они опустили его на землю. «Турки, турки!» кричали они, убѣгая. Ѳедоровъ былъ мертвъ. Я обернулся: въ двадцати шагахъ отъ меня остановилась турецкая колонна, смутившаяся, испугавшаяся нашихъ штыковъ. . . . .

Черезъ минуту что-то ударило меня будто огромнымъ камнемъ. Я упалъ; кровь лилась изъ ноги струею. Помню, что тутъ я вдругъ сразу вспомнилъ все: родину, родныхъ, друзей, и радостно подумалъ, что я еще увижу ихъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЛИСЬМА.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Я не былъ въ Петербургѣ почти три года. Странное волненіе охватило меня, когда поѣздъ, перейдя обводный каналъ, сталъ идти тише и тише, когда замелькали красные и зеленые фонари, когда подъ сводомъ дебаркадера гулко заревѣлъ свистокъ. Я не петербуржець по рожденію, но жилъ въ Петербургѣ съ ранняго дѣтства, свыкъся съ нимъ, узналъ его; южанинъ родомъ, я полюбилъ бѣдную петербургскую природу, бѣлыя весеннія ночи, которыя—къ слову сказать—ничѣмъ не хуже вашихъ пресловутыхъ украинскихъ ночей, полюбилъ непрерывную сутолоку на улицахъ, безконечные ряды домовъ-дворцовъ, чистоту города, прекрасные городскіе сады, Неву... Полюбилъ я петербургскую жизнь, ту самую, о которой собираюсь писать теперь на родину физическую съ родины духовной. Вотъ это-то послѣднее, что Петербургъ есть духовная родина моя, да и

всякаго, прожившаго въ немъ дѣтство и юность, и заставляетъ, когда подъѣзжаешь къ городу, волноваться, и волненіе это не меньше того, что испытываетъ юноша.... при свиданіи, хотѣлъ я сказать, да нашель болѣе сильное сравненіе: когда вынимаетъ на экзаменѣ билетъ, рѣшающій быть или не быть за перегородкой, отдѣляющей сытыхъ отъ голодныхъ и полуголодныхъ.

Да, этотъ болотный, нѣмецкій, чухонскій, бюрократическій, крамольнический, чужой городъ, этотъ «лишній административный центръ», какъ выразился недавно нѣкій мудрый провинціальный пѣвецъ, приглашаемый на здѣшнюю сцену и отказавшійся, по его словамъ, «изъ принципа», — этотъ городъ, прославленный, будто-бы, безсердечностью своихъ жителей, формализмомъ и мертвечиной, а по моему скромному мнѣнію — единственный русскій городъ, способный быть настоящею духовною родиною. За внѣшнюю сухость скрывается настоящая умственная жизнь, на сколько такая можетъ существовать у насъ, въ Россіи. Пусть Петербургъ далекъ отъ Россіи (всѣ обвиненія московскихъ звонарей, главнымъ образомъ, основываются на этой мысли), пусть Петербургъ часто ошибается, говоритъ о томъ, что плохо знаетъ, но онъ, все-таки, думаетъ и говоритъ. Не въ Москвѣ фокусъ русской жизни или того общаго, что есть въ этой жизни, а въ Петербургѣ. Дурное и хорошее собирается въ него отовсюду, и — дерзкія скажу слова! — не иной городъ, а именно

Петербургъ есть наиболѣе рѣзкій представитель жизни русскаго народа, не считая, конечно, за русскій народъ только подмосковныхъ кацаповъ, а расширяя это понятіе и на хохла, и на бѣлорусса, и на жителя Новороссіи, и на сибиряка, и т. д., и т. д.

Привыкли говорить у насъ въ томъ смыслѣ, что-де Москва—естественное произведеіе русской жизни, а Петербургъ—искусственно насажденное и искусственно питаемое растеніе; что Москва Россіи нужна, а Петербургу нужна Россія; что Петербургъ—паразитъ, выросшій на счетъ народнаго пота...; что когда вся Россія страдаетъ, Петербургъ наслаждается, резонерствуетъ, и больше ничего.

Ахъ, милостивые государи! Придите сюда, въ этотъ наслаждающійся и равнодушный городъ, и поживите здѣсь зиму и, если у васъ есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, вы на себѣ почувствуете эту, можетъ быть, и непопятную, но реальную и могучую связь между страшою и ея настоящею, невыдуманною столицей! Вы увидите, что удары, по всему лицу русской земли наносимые человѣческому достоинству, отзываются и больно отзываются здѣсь. Я не буду говорить о томъ, въ чьихъ и какихъ сердцахъ они отзываются... Вездѣ есть всякіе люди... Но все-таки *болѣетъ* и радуется (когда есть чему) за всю Россію одинъ только Петербургъ.

Потому-то и жить въ немъ трудно. На улицахъ благоустройство, порядокъ; городовыя вѣжливости; уве-

селеній много; матеріальныя трудности жизни не больше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ. Смертность, вопреки установившемуся предразсудку, не бѣлая, чѣмъ вездѣ въ Россіи (въ Петербургѣ 37, въ Москвѣ 36, въ Орлѣ что-то около 60 на тысячу), даетъ прямое указаніе, что Петербургъ не особенно страдаетъ. У нѣмцевъ смертность меньше, но гнилые нѣмцы намъ, конечно, не указъ. Не знаю, какъ полагаютъ на этотъ счетъ московскіе патріоты, а я такъ готовъ предположить, что слѣшкомъ малая смертность показываетъ трусость и страхъ смерти: доблестный славянинъ врядъ ли унижится до заботъ о томъ, чтобы довести смертность въ своей странѣ до 17 на тысячу, какъ какой-нибудь голоногій шотландецъ или селедочникъ-датчанинъ. Поэтому, я сравниваю Петербургъ только съ русскими городами. А по сравненію съ ними, онъ еще, слава Богу, ничего. Но жить въ немъ труднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не по внѣшнимъ условіямъ жизни, а по тому нравственному состоянію, которое охватываетъ всякаго думающаго человѣка, попавшаго въ этотъ большой городъ. Здѣсь, въ Маркизовой лужѣ (такъ прозвали Невскую бухту Финскаго залива во времена морского министра маркиза де-Траверсе, который за свое долготѣе управленіе нашимъ флотомъ въ александровскія времена, какъ говорятъ, ни разу не вывелъ его изъ этой бухты), живешь, кажется, вдали и отъ Старобѣльска, и отъ Вилюйска, а принимаешь, невольно принимаешь, и старобѣльскіе, и вилюйскіе

интересы такъ близко къ сердцу, какъ врядъ ли принимаютъ ихъ сами жители этихъ богоспасаемыхъ городовъ. Я не въ состоянїи ясно показать, въ чемъ и какъ проявляется эта связь, но она есть. И для фельетониста, пишущаго петербургскія письма, не легко ограничиться чисто мѣстными интересами: начнешь писать, положимъ, какъ прекрасно играетъ военный оркестръ въ Лѣтнемъ саду, при электрическомъ освѣщенїи, и какія большія деньги беретъ г. Балашовъ, буфетчикъ этого сада, за бифштексы. а незамѣтно перейдешь и на югъ, и на западъ, поѣдешь Кавказъ и, чего добраго, поинтересуешься познакомиться и съ «болѣе отдаленными мѣстами» востока и «тундрами сѣвера».

Поэтому, заранѣе прошу извиненія, если въ моихъ письмахъ читатель найдетъ иногда разговоры, мало относящїеся къ столицѣ, если мнѣ въ письмахъ въ Харьковъ придется говорить, иногда, даже о самомъ Харьковѣ. Обѣщаю стараться, чтобы этого посторонняго элемента было поменьше, и такъ какъ вступительною болтовнею я занялъ чуть ли не половину письма, то ставлю черточку.

Лѣтній сезонъ уже наступилъ. Петербургъ опустѣлъ, почти до своей лѣтней нормы. Численно правда, населеніе города почти не уменьшилось, если только не увеличилось, не смотря на то, что поѣзды отъѣзжающее въ Москву, за границу и въ Финляндію биткомъ набиты пассажирами. Взамѣнъ этихъ счаст-

ливыхъ людей, имѣющихъ возможность «отдохнуть» лѣтомъ на лонѣ русской или нѣмецкой природы. обратные поѣзда и барки, приходящія сверху по Невѣ, привозятъ цѣлые полки рабочихъ. За лѣто нужно подновить, почистить городъ, выстроить нѣсколько десятковъ новыхъ домовъ, навезти на судахъ зимній запасъ дровъ, сѣна, хлѣба. Нѣтъ улицы, по которой можно было бы проѣхать, не встрѣтивъ препятствія въ видѣ разломанной мостовой, ямы, разрытой для исправленія водяной или газовой трубы, забора, отгораживающаго новое сооруженіе, или старый, надстраивающійся на одинъ или два этажа домъ. Жара и пыль—ничтожныя, сравнительно, съ харьковскими, конечно, заставляютъ и тѣхъ обывателей, которые не могутъ покинуть городъ на все лѣто, искать спасенія на дачахъ. Сообщенія (пароходы, конно-желѣзныя и паровыя желѣзныя дороги) на столько удобны и дешевы, что здѣшнему чиновнику или конторщику ничего не стоитъ ѣздить каждое утро въ городъ, а «послѣ должности» возвращаться къ семьѣ и природѣ за какія-нибудь 15, 20, даже 30 верстъ, чтобы остальное время дня провести въ гуляньѣ по сосновому лѣсу или березовой рощѣ, а то и просто по недавно дренажированному болотцу; въ уженѣ рыбы (посмотрите въ лѣтніе №№ сатирическихъ изданій: чуть не третья часть карриатуръ направлена противъ этой несчастной и невинной страстишки),—рыбы, никогда не попадающей на удочку; въ охотѣ на умудренныхъ опытомъ ин-

германландскихъ утокъ, рябчиковъ и глухарей, считающихъ позоромъ быть подстрѣленными охотникомъ-дилеттантомъ. Иные отцы семействъ избираютъ болѣе благоую часть: проводятъ лѣтніе вечера, какъ проводили и зимніе, сядясь за зеленый столікъ въ 9—10 часовъ вечера и «винтя» до солнечнаго восхода. Прибавьте къ этому увеселенія, разсѣяныя лѣтомъ вокругъ Петербурга: вокзалы, лѣтніе театры, оркестры музыки на открытомъ воздухѣ и пиво, пиво и пиво; вотъ и весь фонъ дачной жизни петербургской семьи средней руки. На этомъ фонѣ разыгрываются всевозможныя дачныя событія. Завязываются знакомства, начинаются романы, развиваются драмы. Но все это дѣлается какъ-то особенно, «не въ серьезъ, а по-дачному», какъ удалось мнѣ недавно услышать.

Для этого мирнаго житія необходимы, само собою разумѣется, хлѣбъ, мясо, свѣчи, дрова и прочіе продукты. Десятки тысячъ семействъ переселяются изъ города въ окрестности: всѣмъ имъ надо ѣсть и пить; петербургскія же хозяйки привыкли вести свое хозяйство безъ хлопотъ. Изъ сотни хозяекъ врядъ ли одна дѣлаетъ какіе-нибудь запасы по провинціальному; остальные пользуются услугами мелочной лавки, удивительнѣйшаго учрежденія, въ которомъ нельзя достать только сыраго мяса и матерій, а все остальное, нужное въ домашней жизни, есть всегда и въ достаточномъ количествѣ. Мелочная лавка перебралась и за городъ и торгуетъ тамъ

въ лѣтніе мѣсяцы очень бойко. Кромѣ нея, къ услугамъ потребителей существуетъ еще цѣлая армія всевозможныхъ разносчиковъ, преимущественно ярославцевъ; они носятъ по дачамъ и вѣжливо предлагаютъ «вашему сіятельству» и «вашему превосходительству» говядину, рыбу, раковъ, зелень, хлѣбъ, пирожныя, мороженыя, цвѣты въ горшкахъ, корзины и легкую мебель, шторы и багеты для картинъ, проволочныя издѣлія, посуду, письменныя принадлежности; даже книги—и тѣ разносятся ярославцами и даются на прочтенье скучающимъ дачникамъ по гривеннику за томъ. Походный парикмахеръ ѣздитъ въ телѣжкѣ; походный фотографъ разъѣзжаетъ въ цѣломъ фургонѣ: тамъ у него лабораторія, а павильонъ, конечно, на воздухѣ.

Дачная жизнь выработала совершенно особые типы. Покойный Куцевскій, долго жившій въ Петербургѣ и хорошо его знавшій, набросалъ уже много лѣтъ тому назадъ цѣлый рядъ талантливыхъ очерковъ этихъ типовъ; желающихъ познакомиться съ ними отсылаю къ нему. Но не могу не отмѣтить одной, довольно часто встрѣчающейся, разновидности петербургскаго жителя. Это человекъ, большею частью, молодой, съ приличной фізіономіей и фронтато одѣтый. Гдѣ онъ живетъ лѣтомъ—неизвѣстно: чиновникъ въ адресномъ столѣ на справку отвѣчаетъ, что «Иванъ Ивановичъ Петровъ выбылъ въ Херсонскую губернію». Но Иванъ Ивановичъ въ Херсонской губерніи никогда не бывалъ, и врядъ ли бы-

валъ гдѣ-нибудь за Павловскомъ или Петергофомъ. Иванъ Ивановичъ состоитъ на службѣ; въ чемъ заключаются его служебныя обязанности—не знаетъ никто изъ его знакомыхъ, но онъ служитъ и получаетъ рублей 40—50 въ мѣсяцъ. И то сказать, здѣсь, въ Питерѣ, есть удивительныя «мѣста» *)... Какъ бы то ни было, сорока или пятидесяти рублей въ мѣсяцъ Ивану Ивановичу не хватаетъ: ему нуженъ фракъ, цилиндръ, лакированные сапоги, тонкое бѣлье—видимое міру, конечно,—перчатки. Комнату (въ городѣ зимою) онъ нанимаетъ маленькую и скверную; ѣсть, благодаря безчисленнымъ знакомствамъ, хорошо. Пятнадцать знакомыхъ семействъ—вотъ и все, что ему нужно; можно обѣдать въ каждомъ *только* разъ въ двѣ недѣли, что и выгодно и прилично. Но наступаетъ лѣто; всякая тварь радуется и стремится въ зелень, на воздухъ; почему же не стремиться и Ивану Ивановичу? И вотъ онъ, узнавъ адреса всѣхъ знакомыхъ, начинаетъ свой лѣтній туръ. Ѣдетъ въ Лѣсной, къ дѣйствит. статск. совѣтн. Дыбѣ, и въ его миломъ семействѣ—онъ принять въ немъ, какъ родной,—проводитъ недѣлку. Затѣмъ «дѣла» призываютъ его въ Петербургъ; потолковавшись въ городѣ полдня, онъ стремится въ Ораніенбаумъ къ тайн. сов. Стрекозѣ. Стрекоза,

---

*) Напримѣръ, мѣсто *кума въ воспитательномъ домѣ*. «Кумъ» по слухамъ, получаетъ за каждаго крестника пятакъ и рюмку водки. Впрочемъ, это, можетъ быть, «одна беллетристика»; навѣрно не знаю.

хотя и презираетъ его, но по русскому хлѣбосольству не гонить, а кормить дней 5 или 6. Дочь Стрекозы, томная дѣвица лѣтъ 30-ти, говоритъ съ нимъ о чувствахъ и литературѣ (Иванъ Ивановичъ и это можетъ); компаньонка-француженка шутя учитъ его болтать по-французски; время проходитъ весьма пріятно. Но Иванъ Ивановичъ до-нельзя деликатенъ, — деликатность — основная черта его характера. Онъ помнитъ, что его ждуть (увы! ждуть! ибо знаютъ, что отъ Ивана Ивановича нѣтъ спасенья), и живущій на дачѣ, въ ожиданіи кассациі, а затѣмъ отдаленнаго вояжа, интендантскій полковникъ Загреби, и почтенный старецъ, недавно вернувшійся изъ такого-же вояжа и живущій на покоѣ, бывшій коммерціи совѣтникъ Потапиловъ, и семейство знакомаго протоіерея, отпавившаго своихъ чадъ и домоладцевъ въ Новосаратовскую нѣмецкую колонію, и товарищъ его, Ивана Ивановича, по гимназіи, художникъ, живущій въ Лиговѣ «на этюдахъ», питающійся колбасою, пивомъ, табакомъ и запахомъ хвойнаго лѣса и масляныхъ красокъ... Иванъ Ивановичъ, какъ мотылекъ, перелетающій съ одного цвѣтка на другой, перелетаетъ по конно-желѣзнымъ и паровымъ путямъ, на пароходахъ, а то и на своихъ двоихъ, съ дачи на дачу, говоритъ за двоихъ, ѣстъ за троихъ, любезничаетъ съ дамами и благополучно доживаетъ лѣто, тратя свои скудные гроши только на пріобрѣтеніе билетовъ на проѣздъ. Даже сигары (у Загреби) и папиросы (у художника) онъ

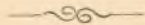

курить не свои, а хозяйскія, вознаграждая за сигары разговоромъ о томъ, какъ онъ однажды выкурилъ у такого-то сигару въ полтора рубля штука, а за папиросы—набиваніемъ ихъ въ пользу хозяина. И такъ живетъ Иванъ Ивановичъ изъ года въ годъ, пока не явится лысинка и брюшко, и какими-то чудными и невѣдомыми путями не оттопырится боковой карманъ...

Милостивый государь, скажетъ мнѣ читатель:—странно мнѣ это: начали вы съ такихъ, можно сказать, благородныхъ словъ, обѣщали показать Петербургъ, страдающій и мыслящій, а вмѣсто того говорите о дачахъ и объ Иванѣ Ивановичѣ, старомъ, заношенномъ еще въ пятидесятыхъ годахъ типѣ. Гдѣ-же тутъ мысль, гдѣ страданье?

О! конечно, конечно, читатель! Иванъ Ивановичъ вовсе не страдаетъ. И стыдно мнѣ было бы ограничиться однимъ Иваномъ Ивановичемъ, но дѣло въ томъ, что мыслящій Петербургъ весь уже уфхаль. Дѣло лѣтнее. А вообще-то вѣдь не Ивановы Ивановичи и кумовья воспитательнаго дома дѣлають нравственную фізіономію города.

О моемъ же дачелюбивомъ пріятелѣ я вспомнилъ потому, что онъ знаетъ всѣхъ и все. Надѣюсь попасть съ нимъ и къ Стрекозѣ, и къ Дыбѣ, и къ Загребѣ, и ко всѣмъ прочимъ; а что я тамъ увижу—сообщу черезъ двѣ недѣли.

II.

Иванъ Ивановичъ обманулъ меня: обѣщалъ зайти за мною и повезти въ Петергофъ къ какимъ-то своимъ знакомымъ и не пришелъ. Сажу одинъ и скучаю.

Лѣто, жара и тоска. Хочется уйти куда-нибудь подальше отъ камня, въ зелень, въ какое-нибудь тихое мѣсто, куда не доходитъ шумъ города, гдѣ нѣтъ толпы. Трудно найти такое уединенное мѣстечко: сады биткомъ набиты гуляющими, дачныя мѣста тоже. Пойду на кладбище. Если скучно среди живыхъ, то куда же дѣваться, какъ не къ мертвымъ? Говорить съ ними, т. е. читать ихъ книги, я усталъ; пойду посмотрѣть, гдѣ они лежатъ.

Мертвый Петербургъ больше живаго. Не говоря уже о томъ, что каждая пядь земли города при Петрѣ Великомъ, когда рабочіе, случилось, цѣлое лѣто питались только рѣной, стояла человѣческой жизни, обычный покосъ смерти давнымъ давно населилъ и переполнилъ городскія кладбища. Начали устраивать загородныя по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Цѣлые похоронныя поѣзда отходятъ ежедневно изъ Петербурга, увозя десятки гробовъ; иные наставлены кучей въ одномъ вагонѣ, другіе занимаютъ отдѣльные вагоны, торжественно красуясь на траурныхъ катафалкахъ. Свиститъ машина, трогается

поѣздъ съ мертвымъ грузомъ, а навстрѣчу ему подходятъ къ городу поѣзды съ живыми, съ новымъ запасомъ народа, изъ котораго многіе и многіе поѣдутъ назадъ только до первой станціи — Преображенскаго или Удѣльнаго кладбища. Здравствуйте, живые; прощайте, мертвые!

Не закрылись еще и городскія кладбища: Смоленское, Митрофаніевское, Волково и нѣсколько другихъ меньшихъ и большею частью привилегированныхъ. Правда, жильцы ихъ давно уже лежатъ другъ на другѣ, и нельзя вырыть могилы, чтобы не наткнуться на полусгнившій, а то и новый гробъ. Но петербуржцы больше любятъ эти старыя, тѣсныя, не смотря на свою огромность, мертвые города, чѣмъ ихъ новыя колоніи. Ничего, если придется потревожить сосѣда; его подвинуть къ сторонкѣ, а рядомъ съ нимъ ляжетъ новый жилецъ. Лѣтомъ и зимою на кладбищѣ хорошо. Оно представляетъ собою сплошной садъ: ольха, береза, бузина отлично растутъ на жирной почвѣ: кладбища самыя тѣнистыя сады въ городѣ. Могилки раздѣлены дорожками съ деревянными мостками; сбоку надписи съ обозначеніемъ рядовъ отъ I до VI и названіями мостковъ. Точно улицы въ живомъ городѣ. На Волковомъ кладбищѣ, гдѣ я былъ сегодня, есть мостки цыганскіе, нѣмецкіе, духовные; есть и литераторскіе.

Къ кладбищу ведетъ длинная Разстанная улица. Небольшіе дома по большей части заняты монументными мастерскими; готовые мраморные и гранитные

памятники глядятъ изъ оконъ; на нихъ приготовлены мѣста для надписей, а самихъ надписей еще нѣтъ: смерть напишетъ ихъ сегодня или завтра. Въ заборахъ—лавочки для продажи цвѣтовъ и вѣнковъ изъ мха и иммортелей; всѣ заборы увѣшаны ими. Одна-двѣ кухмистерскія съ большими залами для поминанія усопшихъ. Кладбищенская богадѣльня; ветхія старухи поглядываютъ изъ сада на прохожихъ, идущихъ къ кладбищу и отъ него, ожидая, когда и имъ придется отправиться туда же на покой. Два дома причта кладбищенской церкви на концѣ улицы, у самой площадки передъ воротами. Густая зелень закрываетъ кладбище; церковь, маленькая, старинная, едва виднѣется изъ нея. Недавно поставили въ сторонкѣ другую, большую. Старый сторожъ сидитъ на лавочкѣ съ трубкой и поплевываетъ на мостовую. За воротами небольшой навѣсъ съ прилавкомъ; тамъ сидитъ старушка изъ богадѣльни и принимаетъ пожертвованія.

Въ церкви почти всегда нѣсколько гробовъ; запахъ ладана смѣшивается съ тяжелымъ запахомъ покойника; кадильный дымъ плаваетъ облакомъ, слышно торопливое чтеніе и пѣніе. Уйдемъ отсюда подальше, туда, въ третій и четвертый разряды, гдѣ памятники проще, гдѣ «дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи» уступаютъ мѣсто простымъ плитамъ и деревяннымъ крестамъ. Крайняя лѣвая дорожка и есть литераторскіе мостки. Подходишь къ мѣсту, гдѣ легли лучшіе русскіе люди, и невольно сжимается сердце. Вспоминается прелестное описаніе Вашингтона Ирвинга

«Уголка поэтовъ» въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, кладбищѣ величайшихъ людей величайшей страны. Мы не заботимся о нашихъ великихъ мертвыхъ, какъ заботятся англичане. Мы не заботимся о нихъ и при жизни. Мы умѣли только брать отъ нихъ, ничего не давая взамѣнъ.

Нашъ «Poets Corner» (собственно уголокъ не поэтовъ, а публицистовъ) очень невеликъ. Лежитъ здѣсь Бѣлинскій рядомъ съ своимъ другомъ Кульчицкимъ (могила котораго исчезла и на мѣстѣ котораго похоронили, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ большимъ скандаломъ студента Чернышева); рядомъ съ Бѣлинскимъ могила Добролюбова, черезъ дорожку Писаревъ. Въ сторонѣ—Афанасьевъ-Чужбинскій, теперь уже почти забытый, но въ свое время извѣстный и трудолюбивый изслѣдователь юга Россіи и романистъ. Умирая, онъ просилъ, чтобы его положили поближе къ Бѣлинскому и Добролюбову, и друзья исполнили его желаніе. Они лежатъ вмѣстѣ на пространствѣ трехъ-четыреухъ квадратныхъ сажень, окруженные безчисленною толпою темныхъ именъ, написанныхъ на мраморѣ, гранитѣ, плитѣ и деревѣ. Толпа, которую они любили и учили и которая задушила ихъ, не оставила ихъ и послѣ смерти, стѣснила и сдавила ихъ маленькій уголокъ, такъ что новому другу уже негдѣ будетъ лечь...

Надъ Бѣлинскимъ черный, высокій памятникъ изъ гранита съ такимъ же крестомъ и простою надписью: «Висаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, 26-го

мая 1848 г.». Добролюбовъ лежитъ подъ тяжелымъ чернымъ саркофагомъ безъ всякаго украшенія и символа; только имя, годы рожденія и смерти. У Писарева маленькій бѣлый крестъ на черномъ основаніи. Друзья Чужбинскаго поставили ему большой бѣлый мраморный памятникъ. Деревянняя рѣшетки, отдѣляющія сосѣднія «семейныя мѣста», исписаны карандашемъ. Тутъ и стихи, но не собственнаго сочиненія, а большею частью изъ Некрасова; тутъ и наивная проза съ выраженіемъ любви и горя. «Всѣ, кого ты училъ, помнятъ тебя». «Неужели ты забытъ?»

...Природа мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни...

Таковы надписи надъ могилою Писарева. У Бѣлинскаго кто-то написалъ строчку изъ молодаго поэта:

Учитель, гдѣ ты? гдѣ? Прийди и научи!

Этотъ страстный вопль, эта жалоба на смерть, унесшую учителя,—единственная надпись надъ могилою Бѣлинскаго. Забыли его. На черномъ гранитѣ памятника нѣтъ ни одного вѣнка...

А вокругъ—неутѣшная купчиха 2-й гильдіи пишетъ на памятникѣ мужа о томъ, что «все тлѣнь и прахъ, а мы всѣ по тебѣ въ слезахъ»; вдовецъ жалуется, что жена его умерла, оставивъ 7 человекъ дѣтей, «воздвоенныхъ отъ сосцовъ ея»; надворный совѣтникъ и ордена св. Владиміра 4-й степени ка-

валеръ лежитъ подъ мавзолеемъ, украшеннымъ факелами съ каменнымъ пламенемъ и дубовыми длинными стихами; на деревянномъ крестѣ написано — страшно сказать! — *семь* дѣтскихъ именъ и выставленъ возрастъ дѣтей, отъ трехъ мѣсяцевъ до года и четырехъ мѣсяцевъ... Сильно мрутъ петербургскія дѣти...

Однажды я попалъ на кладбище въ родительскую субботу. Не смотря на строгое запрещеніе, помпашающіе все-таки ухитряются проносить водку въ самоварахъ и чайникахъ. Тысячи сидятъ на могилахъ, пьютъ и ѣдятъ. Поминаніе кончается пьянствомъ и скандаломъ. Городовые, дворники, участокъ, протоколъ... Закрѣпить глаза и бѣжать... Но теперь все тихо, пусто и спокойно; только могильщики ходятъ съ лопатами, да каменщики обтесываютъ новые памятники и высѣкаютъ имена и льстивыя надписи. Стукъ молота, негромкая пѣсенка работника о томъ, что

А въ деревню не хватало

Двадцати пяти рублей...

пѣніе, доносящееся изъ церкви, да далекій, неумолчный шумъ живого милліоннаго населенія города; — вотъ и всѣ звуки. Изрѣдка налетитъ вѣтеръ, зашумитъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, и снова все тихо.

Уйдемъ отсюда. Оставимъ мертвыхъ, вернемся къ живымъ. Не поѣхать ли намъ, читатель, въ Пе-

тергофъ? Тамъ сегодня пущены фонтаны, паркъ набить биткомъ гуляющими, играютъ три оркестра.

Пароходъ, отходящій отъ англійской набережной. до того полонъ пассажировъ, что многіе изъ нихъ должны стоять всю дорогу на ногахъ. Пестрая, разнокалиберная толпа. Русскій языкъ почти не слышенъ среди другихъ: нѣмцы, шведы, англичане говорятъ по-своему, а большинство русской публики, первоклассной, конечно, трещитъ, съ грѣхомъ пополамъ, по-французски. Петергофскіе дачники принадлежатъ, большею частью, къ очень состоятельному классу; часть бомонда, неуѣхавшая за границу по случаю цѣны полуимперіала въ 8 р. 20 к., тоже ютится въ Петергофѣ или Павловскѣ. Это очень людныя мѣста.

Пароходъ быстро проходитъ Невское устье; по берегамъ возвышаются верфи и магазины. Вотъ огромная корма «Владиміра Мономаха» нависла надъ водой изъ-подъ крыши элинга; военныя суда, живыя и мертвыя, назначенныя къ сломкѣ, занимаютъ лѣвый берегъ; чить миноносокъ тянется чуть не на полверсты. Дальше начало морского канала, который, къ осени, говорятъ начнетъ уже дѣйствовать, проводя прямо въ Петербургъ самыя большія суда, такъ какъ глубина его—28 футовъ. Вдругъ берега расширяются, уходятъ вправо и влево, синія возвышенностями и лѣсами. Маркизова лужа спокойна: черныя и бѣлыя бакены обрамляютъ фарватеръ, а по сторонамъ его желтѣютъ песчаныя мели. Въ самомъ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ фарватера, верстахъ

въ 8 отъ устья Невы, шведскій пароходъ плотно усьблся на мель и бурлитъ винтомъ, тщетно пытаюсь сдвинуться съ мѣста; буксирный пароходъ также напрасно старается стянуть его. Тутъ мы идемъ тихимъ ходомъ, осторожно обходя потерпѣвшаго шведа.

Впереди, сквозь легкую мглу, какая часто бываетъ на морѣ, когда солнце свѣтитъ слишкомъ ярко, видна узкая полоска, иззубренная шпицами церквей и мачтами судовъ. Это Кронштадтъ: пятна справа и слѣва—его грозные форты. Направо финляндскій берегъ уходитъ въ туманъ волнистою линіею, налѣво берегъ Стрѣльны и Петергофа, весь заросшій парками и садами. Сзади широкая картина уходящаго Петербурга: отдѣльныхъ зданій уже почти нельзя разсмотрѣть; только куполь Исаакія нестерпимо горитъ золотою звѣздой,

Петергофская пристань состоитъ изъ длиннаго деревяннаго помоста, вытянутаго отъ берега почти на полверсты. У самаго ея начала — входъ въ знаменитый паркъ, около рестораника, гдѣ гремитъ музыка. Пройдя мимо его, вступаешь въ царство петербургской старины.

Здѣсь все старо; солидно и прочно. Старъ самый паркъ, множество деревъ котораго посажены самимъ Петромъ Великимъ; стары фонтаны, однажды навсегда устроенные такъ, что почти не требуютъ починки; старый дворецъ глядитъ сквозь брызги Самсона и множество другихъ водометовъ, на знаменитый каналъ, ведущій къ морю и выкопанный

въ одну ночь. Толпа, наполняющая садъ и тѣсня-
щаяся особенно около Монплезира (недалеко отъ
него играютъ два оркестра военной музыки), совсѣмъ
не подходитъ къ этимъ важнымъ и чиннымъ мѣ-
стамъ; хотѣлось бы видѣть фижмы, пудру, француз-
скіе кафтаны, шелковые чулки и шпаги. Одни только
придворные лакеи въ кургузыхъ фракахъ съ галу-
нами, въ красныхъ жилетахъ, короткихъ штанахъ
и шоколаднаго цвѣта штіблетахъ, напоминаютъ
прошлое. Они стоятъ у дверей Монплезира, и, ка-
жется, вотъ-вотъ отворятся эти старыя двери, и
выйдетъ матушка-царица съ кѣмъ нибудь изъ сво-
ихъ орловъ. Но лакеи стоятъ только для красоты, да
еще для того, чтобы взимать двугривенные съ же-
лающихъ посмотрѣть любимое мѣстечко Петра и
Екатерины. Монплезиръ низкое кирпичное зданіе,
очень простой и красивой постройки, въ голланд-
скомъ вкусѣ XVII вѣка: въ немъ одна только боль-
шая зала и нѣсколько маленькихъ комнатъ; по сто-
ронамъ двѣ длинныя галереи съ большими окнами.
Кто изъ читателей видѣлъ картину Ге, «Петръ I
допрашиваетъ царевича Алексѣя», или копию съ нея,
тотъ имѣетъ полное понятіе о большой залѣ: г. Ге пи-
салъ ее съ натуры и не упустилъ ни малѣйшей под-
робности. Входишь въ залу и какъ-то странно ка-
жется, что посреди не стоитъ большой столъ, за сто-
ломъ не сидитъ грозный судья-отецъ и противъ него
нѣтъ смущеннаго, дрожащаго сына.

Передъ Монплезиромъ терраса, выходящая прямо

на море и обнесенная бѣлой баллюстрадой. Это лучшее мѣстечко въ Петергофѣ; недаромъ его любили всѣ его хозяева. Отсюда видѣнь и Петергофъ, и Кронштадтъ; сотни судовъ снуютъ вдали взадъ и впередъ по фарватеру. Море лѣнивыми волнами разбивается о прибрежные валуны. Просидѣлъ бы здѣсь не одинъ часъ, если бы не толпа, не вѣчные, надоѣвшіе разговоры. . . . .

Девять часовъ. Пора и на пороходъ. Покойной ночи.

1882 г.

СТАТЬИ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКѢ.

Вторая выставка „Общества выставокъ художественныхъ произведеній“.

12 марта 1877 г.

Пятаго марта въ академіи художествъ открылась вторая выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній». Съ грустными размышленіями поднимался я по гранитнымъ ступенямъ нашего храма «свободныхъ искусствъ». Когда-то,—вспоминалось мнѣ,—здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, соединялись *все* художественныя русскія силы; здѣсь, на ряду съ произведеніями маститыхъ профессоровъ, стояли первые опыты теперешней русской школы: гг. Ге, Крамского, Маковскихъ, Якоби, Шишкина... Здѣсь можно было шагъ за шагомъ прослѣдить всю лѣтопись нашего искусства, а теперь! Раздвоеніе, вражда!

Передвижная выставка удалилась изъ родныхъ стѣнъ и основала колонію; метрополія не снесла процвѣтанія своей младшей сестры и сама задумала удивить міръ. Основалось «Общество выставокъ».

Первая прошлогодняя выставка, нужно сказать правду, не удивила міра, т.-е., пожалуй, и удивила, но какъ-то въ другую сторону.

Съ такими печальными мыслями подошелъ я къ кассѣ, купилъ билетъ и каталогъ. Ещѣ не входя въ залъ, я случайно раскрылъ его и, о ужасъ! что представилось моимъ глазамъ! На 11-й страницѣ четкимъ шрифтомъ напечатано: «И. Ф. Ясинскій. Братья разбойники *Лермонтова*». Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Какъ! О, гг. Якоби, Мещерскій, Орловскій, двѣтъ «Общества выставокъ», зачѣмъ не смотрѣли вы за «агентомъ общества Ив. Фед. Шене», крупнымъ шрифтомъ означеннымъ на оберткѣ каталога? Зачѣмъ не назначили этому почтенному агенту помощника, знающаго, кому изъ нашихъ поэтовъ принадлежатъ «Братья разбойники»?

Я вошелъ въ конференцъ-залъ, откуда открываются по обѣ стороны двери въ галлерей. Одна изъ нихъ была заперта, слѣдовательно, для выставки хватило половины обыкновеннаго помѣщенія. Я заглянулъ на послѣднюю страницу каталога: всѣхъ произведеній оказалось 171. Въ прошломъ году было 244. Мнѣ осталось только тяжело вздохнуть. Весною на передвижной выставкѣ картинъ было вчетверо меньше; входя въ залъ, я тоже, помню, испустилъ вздохъ, но, обойдя картины, я развеселился. Такое свѣжее, отрадное впечатлѣніе произвела эта выставка, крохотная, но составленная изъ образцовыхъ произведеній.

На выставкѣ «Общества» мое грустное настроеніе еще болѣе усилилось подѣ влияніемъ общаго ансамбля пейзажей, портретовъ, жанровъ и другихъ «художествъ», которыя, за немногими исключеніями, смотрять тоскливо и печально.

Пейзажи. По огромности труда, первое мѣсто между пейзажистами безспорно принадлежитъ г. П. Верещагину, который выставилъ 19-ть видовъ уральской желѣзной дороги, исполненные имъ по заказу г. Голубева. Виды превосходные, но исполненіе заставляетъ желать многого; г. Верещагинъ, вѣроятно, привялъ во вниманіе прошлогднія замѣчанія о чрезмерной бѣлесоватости его типовъ и на этотъ разъ пересолил въ другую сторону: картины его быють въ глаза цвѣтностью. То же можно сказать о г. Мещерскомъ, прибавивъ развѣ только въ похвалу его, что онъ отличается замѣчательною любовью къ чистотѣ. На его пейзажѣ «на р. Ріонѣ» все точно будто вымыто: вымыты скалы, вымыто небо, вымыта вода, искусно приготовленная изъ цвѣтнаго стекла; впрочемъ, картина въ общемъ является пріятнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Нельзя сказать того же о картинѣ Мещерскаго «Передъ грозою», съ ярко-зелеными дубами, ярко желтою рожью и отполированной грязною дорогою. Орловскій выставилъ нѣсколько береговыхъ пейзажей, о которыхъ можно сказать, что они какъ двѣ капли воды похожи на прошлогдніе, да еще два сухопутные пейзажа «Зимняя ночь» и «Зимнее утро». Эти вещи, сколько

я помню, первые опыты г. Орловскаго на поприщѣ зимняго пейзажа и опыты не вполнѣ удачныя.

Нашъ маститый корифей г. Айвазовскій выставилъ 6 (почему бы не 60?) картинъ, если можно назвать этимъ именемъ продукты творчества уважаемаго профессора. Все та же прозрачная водица, тѣ же туманы надъ нею и все такое розовенькое, голубенькое, красивенькое. Двѣ картины претендуютъ на нѣкотораго рода жанровое значеніе, а одна мѣтитъ даже и въ историческій жанръ. А именно, на одной изъ картинъ («Буря у крымскихъ скалъ») на скалѣ, куда рѣшительно нѣтъ возможности забраться смертному, въ интересной позѣ съ скрещенными руками, стоитъ господинъ въ два вершка ростомъ, по внимательномъ разсмотрѣніи обнаруживающій нѣкоторое сходство съ Пушкинымъ. Картина посвящена памяти поэта... Не плачь, дорогой поэтъ! Хоть и очень обидѣли тебя, отнявъ «Братъевъ разбойниковъ», но вотъ и утѣшенье: знаменитый маэстро посвящаетъ тебѣ картину, которую писалъ уже навѣрно не меньше двадцати пяти минутъ вмѣстѣ съ твоею фігурою. Тебѣ, Пушкину, остается только благодарить его, Айвазовскаго, за оказанную честь!

Я подошелъ къ другой картинѣ И. К. Айвазовскаго «Льдины на Невѣ», гдѣ, вмѣстѣ съ прозрачными, циклопической величены глыбами льда, изображены такіе же прозрачныя, розовые мужики-ледоколы, и не могъ не вскрикнуть отъ удивленія: Г. Айвазовскій сатирикъ! Вотъ, что значитъ могучій

талантъ! На одной изъ прозрачныхъ льдинъ лежитъ забытый прозрачными мужиками-пьяницами пустой, огромный штофъ, а рядомъ съ нимъ рукавица, вѣроятно, также забытая въ пьяномъ видѣ и оставленная на жертву какой-то таинственной птицѣ. Какъ обрадуются гг. Бланкъ, Лоде и прочіе землевладѣльцы, полагающіе причины всѣхъ золъ Россіи въ пьянствѣ и небрежности русскаго человѣка, видя эту картину знаменитаго маэстро!

Г. Лагоріо выставилъ «Камыши на рѣкѣ Лжѣ», о который какой-то каламбуристъ изъ публики замѣтилъ, что въ ней довольно лжи, и морской пейзажъ. Хотя я не согласенъ съ каламбуристомъ, но не могу не сказать, что г. профессоръ Лагоріо не часто балуетъ публику хорошими произведеніями. Тоже и г. Судковскій: нѣсколько лѣтъ назадъ онъ выставилъ великолѣпную «Бурю у береговъ Очакова» и съ тѣхъ поръ не показывался. Въ этомъ году явились четыре его вещи на мотивы изъ окрестностей Очакова, писанныя очень эскизно и даже грубо, но обнаруживающія недюжинный талантъ. Остается пожалѣть, что г. Судковскій работаетъ такъ мало.

Совершенно обратными качествами отличается г. Горовскій. Его виды въ с. Рамо и въ опочковскомъ уѣздѣ, луга и дороги выдѣляются рѣдкою прилизанностью и полнѣйшимъ отсутствіемъ правды въ тонахъ. Кстати замѣтимъ о портретѣ г-жи Лышинской, работы г. Горовскаго, выставленномъ рядомъ съ его пейзажами; портретъ этотъ какъ будто бы писанъ

съ дамы, неумывавшейся по крайней мѣрѣ двѣ недѣли.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о финляндскихъ и заграничныхъ пейзажистахъ. Добросовѣстный «Видъ Гельсингфорса» г. Клейне останавливаетъ на себѣ вниманіе внушительностью размѣровъ и обстоятельностью рисунка. Какимъ-то чудомъ попавшая на выставку вещьца извѣстнаго Диде «Гора Эйгеръ» навела меня на соображеніе, которое считаю нелишнимъ сообщить читателю. Картина Диде принадлежитъ г. Куріару, здѣшнему доктору; интересно было бы знать, кто выставилъ картину, докторъ ли Куріаръ или Францъ Диде? Если г. Куріаръ, то я въ будущемъ году устраиваю превосходную аферу: предлагаю владѣльцамъ всѣхъ картинъ въ Петербургѣ одолжить мнѣ ихъ на мѣсяць за извѣстную плату, небольшую, конечно, а если не спросятъ платы, то и того лучше; затѣмъ беру на прокатъ картины г. Дорэ изъ Вѣны и олеографіи г. Пето и составляю выставку не изъ 171-го произведенія, а изъ 171,000. Успѣхъ громаднѣйшій, деньги льются рѣкой, я потираю руки, и, главное, эта ненавистная «передвижная» будетъ посрамлена.

Картины моднаго живописца Клевера, котораго я не могу причислить къ русскимъ художникамъ, «Весна» и «Вечеръ», кидаются въ глаза, какъ и большинство его произведеній, грубостью письма и стремленіемъ къ эффекту.

Прекрасную, по моему скромному мнѣнію, лучшую

изъ пейзажей, вещь выставилъ баронъ Тизенгаузенъ изъ Мюнхена, именно «У Адриатическаго моря»; очень хорошъ также пейзажъ Венглейна, также мюнхенскаго художника, «Передъ грозюю» съ испуганнымъ стадомъ на первомъ планѣ; но этимъ пейзажемъ любовалась уже половина Петербурга въ магазинѣ Бегрова. Вообще, пейзажей много: до 80 номеровъ; но кромѣ весьма и весьма немногихъ, о которыхъ уже было сказано, они не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, а произведенія гг. Красовскихъ, Пэне, Экгорстовъ и другихъ подобныхъ, просто ужасны... Видно, что только настоятельная надобность составить выставку заставила комитетъ «общества» принимать на выставку вещи старыя и совершенно уничтожить экспертизу при приѣмѣ новыхъ.

Портретами настоящая выставка рѣшительно хромаетъ. По большей части они на столько дурны, что говорить о нихъ—даромъ тратить мѣсто на этихъ столбцахъ.

Душа «общества» В. И. Якоби выставилъ картинку, составляющую переходъ отъ портрета къ жанру: «Портретъ г-жи Розинской съ дочерью». Сидитъ на креслѣ г-жа Розинская, около нея рѣзвится ея маленькая дочь; вокругъ обстановка роскошной гостиной. Все это очень мило, ярко, пестро, вообще прекрасно; и другая картина г. Якоби «Любитель рѣдкостей», съ криво поставленной дамой, тоже прекрасна; только, странное дѣло, смотря на эти картинки, я невольно вспомнилъ одну изъ преж-

нихъ картинъ нашего Семейскаго живописи. Я вспомнилъ «Привалъ арестантовъ». Я вспомнилъ поразительное впечатлѣніе, произведенное этою картиной на публику (были въ ней, конечно, и недостатки, но побочные). Какъ ухитрился художникъ такъ передрѣлать свои симпатіи, свои стремленія, свой внутренней складъ! Темное, пасмурное небо, дождь, слякоть — и уютная гостинная съ экзотическими растеніями. Мокрый верстовой столбъ, мокрыя повозки, съ колесами, до ступицъ покрытыми грязью, — и роскошное кресло, въ которомъ такъ удобно расположиться покейфовать послѣ обѣда. Измученныя лица арестантовъ, блѣдное и холодное лицо покойника, которому безчувственный конвойный изъ какого-то страннаго любопытства задираетъ пальцемъ глаза, — и рѣзвая, улыбающаяся группа изящной, или по крайней мѣрѣ долженствующей быть такою, аристократической матери и ребенка въ бѣломъ, хорошенькомъ платьицѣ.

Но довольно объ этомъ, читатель; скучная тема, не правда ли?

Лучшая вещь выставки — безспорно огромная картина профессора К. Е. Маковскаго «Возвращеніе священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ». Передъ нами перспектива улицы восточнаго города; стройныя массы домовъ съ полосатыми стѣнами, съ маленькими окнами неправильно тѣсняются и уходятъ въ глубь картины, мѣшаясь съ минаретами и башнями и рѣзко рисуясь на прозрачномъ египетскомъ небѣ.

По улицѣ прямо на насъ движется пестрая толпа. Все тѣснится и бѣжитъ, все хочетъ посмотрѣть на святыню, совершившую опасное путешествіе. Толпа взбирается на ступени домовъ, чтобы лучше видѣть; черные глаза женщинъ любопытно высматриваютъ изъ-подъ покрываль. Самое шествіе открывается изувѣромъ, бѣснующимся съ обнаженною саблею въ рукахъ. За нимъ идутъ взволнованные, горланящіе правовѣрные со знаменами и бунчуками, потомъ шагаетъ верблюдъ съ роскошнымъ, бархатнымъ, вышитымъ золотомъ шатромъ на спинѣ; въ шатрѣ— святыня Каира. Особенно удалась художнику группа изъ трехъ людей, около самага верблюда: два дервиша ведутъ подъ руки товарища, вѣроятно, доведшаго свое изступленье до нервнаго припадка. Шествіе теряется въ глубинѣ сцены. На все это пущено столько свѣта и восточнаго зноя, все это нарисовано съ такою силою и правдою, что одна картина г. Маковского почти вознаградила меня за общее тягостное впечатлѣніе, произведенное выставкою. Она заставляетъ зрителя задуматься, она въ яркихъ краскахъ показываетъ вамъ виѣшность того Востока, о которомъ теперь такъ много говорится, міра фанатизма и невѣжества, свирѣности и изступленія.

Другая хорошая вещь выставки принадлежитъ кисти одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ П. П. Чистякова. Картина эта — «Старый русскій бояринъ». Передъ вами поколѣпный порт-

ретъ старика въ богатой бархатной шубѣ; старое, изборожденное морщинами лицо, кажется, заснуло, умерло; только въ глазахъ осталась и сосредоточилась жизнь. Они смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей прямо въ лицо зрителя съ какимъ-то презрительнымъ выраженіемъ. «Вы, маленькіе людишки, думаетъ бояринъ, посмотрите на меня, водившаго въ бой царскія рати, бывшаго въ ссылкѣ, бывшаго въ почести и славѣ, какой только могъ достигнуть русскій человѣкъ, сѣченнаго кнутомъ, чуть не лишеннаго живота и уцѣлѣвшаго отъ всего этого. Вамъ ли, съ вашими маленькими радостями и огорченіями, или, какъ вы говорите, непріятностями, понять меня, почувствовать буйную жизнь стараго русскаго боярина». Написанъ «бояринъ» превосходно; рембрандтовское освѣщеніе удачно выбрано для типа, изображеннаго художникомъ.

Но опять - таки картина эта — картина старая, бывшая уже на выставкѣ, какъ и подогрѣтый портретъ г-жи Розинской, Якоби, какъ и очень, очень многія вещи на выставкѣ «общества». Странное явленіе! Странно также появленіе на выставкѣ такого множества совершенно ничтожныхъ жанриковъ и русскихъ, и иностранныхъ. Г. Самойловъ выставилъ ни на что непохожихъ «Двухъ воровъ», верхъ безобразія, съ какой-то дырою въ полу, изображающею падающій изъ окна свѣтъ. Г. Ефимовъ предложилъ публикѣ «Иконописца-портретиста» и «Старушку, раскрашивающую лубочныя картины»; въ

будущемъ году, вѣроятно, появится «Г. Ефимовъ, раскрашивающій свои картины» въ панданъ къ этимъ двумъ произведеніямъ.

Г. Беллоли, не довольствуясь успѣхомъ своей прошлогодней выставки голыхъ и полуголыхъ женщинъ, поставилъ одну изъ старыхъ вещей, «Любовная записка». Прежде эта картина называлась «Первое любовное письмо», но г. Беллоли, вѣроятно, самъ устыдился претендовать на то, что его картина можетъ выразить какое-либо душевное движеніе! Просто сидитъ довольно пріятная дама, съ криво нарисованными глазами, и держитъ въ рукахъ бумажку, вотъ и все. Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ никакого «перваго любовнаго письма».

Беру смѣлость посовѣтовать «обществу» не трогать мертвыхъ, дабы они не имѣли срама; я намекаю на вещицу покойнаго Нефа «Послѣ купанья»; лучше было бы не выставять ее...

Иностранцы, приславшіе... ахъ забылъ, забылъ, извините, г. Ясинскій, совсѣмъ было забылъ васъ, авторъ «Братьевъ разбойниковъ *Лермонтова*». О вашихъ ужасныхъ разбойникахъ я не скажу ничего; пусть смотритъ публика и радуется. Но неужели вы, дѣлая изъ книги выписку, не могли потрудиться посмотреть на обертку?

Объ иностранныхъ художникахъ я говорить не стану; не могу только пройти молчаніемъ француза Девилья, приславшаго намъ удивительнѣйшій и огромнѣйшій «Набѣгъ казаковъ». Какіе-то азіатскіе но-

мады, столько же похожіе на казаковъ, какъ тюркось на французовъ, летять съ изступленными, звѣрскими рожами въ атаку. И, что всего замѣчательнѣе,—летять они на чухонскіе лошадахъ! Не вѣрите—подите посмотрите. Какую цѣль могло имѣть «общество», принимая подобную картину, не знаю. Развѣ въ видѣ ироніи? Вотъ, дескать, какъ французы мало знаютъ насъ, бѣдные французы! Тогда надо бы было сдѣлать и соотвѣтственное ироническое примѣчаніе; а такъ, ей-Богу, странно!

Есть еще на выставкѣ нѣсколько изображеній фруктовъ и животныхъ. «Виноградъ» г. Дюрани изъ Рима такъ себѣ, но «Портретъ собаки» извѣстнаго академика Сверчкова, а особенно ужасные звѣри г. Афанасьева обратили меня въ бѣгство.

Въ отдѣлѣ скульптуры можно упомянуть только о хорошенькихъ вещицахъ изъ бронзы г. Лансере и о мраморномъ бюстѣ г. Громова, работы Чицова. Съ послѣднимъ (бюстомъ) мы знакомы по прошлогодней выставкѣ, когда онъ появился еще въ гипсѣ.

Что-жъ въ итогѣ? Три хорошія картины, нѣсколько сносныхъ,—и только. Остальное печально до нельзя. Грустная выставка, бѣдное «общество», питающее себя подогрѣтыми картинами и новыми произведеніями страпни гг. Ясинскихъ, Красовскихъ, Самойловыхъ и проч.!

Сегодня мы увидимъ знаменитую картину Семирадскаго «Факелы Нерона», которая уже поставлена въ отдѣльномъ залѣ. Если хоть десятая часть по-

хвальныхъ о ней отзывовъ справедлива, то во что обратится остальная выставка въ сравненіи съ нею!

Станнымъ показалось намъ присутствіе непо-
мѣченныхъ въ каталогѣ выставки превосходныхъ
вещей Рѣпина. Если онъ членъ «общества», то оно,
кажется, имѣло время помѣстить въ каталогъ его
вещи, стоящія въ академіи съ осени; если же Рѣ-
пинъ не членъ, то «общество» должно удалить изъ
зала его произведенія, чтобы публика, какъ это те-
перь происходитъ, не считала картинъ Рѣпина въ
числѣ вещей, принадлежащихъ выставкѣ «Общества».

Новая картина Семирадскаго „Свѣточи христіанства“.

16 марта 1877 г.

«Однихъ зашивали въ звѣриныя шкуры, и они погпбали, пожираемые собаками; другіе умирали на крестѣ, или ихъ покрывали горючими веществами и, по заходѣ солнца, жгли вмѣсто факеловъ. Неронъ уступалъ свои сады для этого зрѣлища... Хотя эти люди и были виновны и заслуживали строгое наказаніе, но сердца все-таки открыты для жалости къ нимъ».

Такъ говоритъ Тацитъ о заживо - сожженныхъ въ царствованіе Нерона христіанахъ.

«И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его».

Эти слова вырѣзаны Семирадскимъ на рамѣ его колоссальнаго произведенія.

Когда вы входите въ залъ, гдѣ стоитъ картина, почти непріятное чувство овладѣваетъ вами: вы видите предъ собою какую-то яркую пеструю путаницу мраморовъ и человѣческихъ фигуръ, путаницу съ рѣзкими пятнами, огненными, черными, перламутровыми, золотыми.

Только подходя ближе и дѣлая нѣкоторое усиліе, вы можете разобрать, въ чемъ дѣло. Слѣва пестраа народная толпа, тѣснящаяся на мраморномъ крыльцѣ дворца, выходящемъ въ садъ. Болѣе ста фигуръ въ свѣтлыхъ и яркихъ одеждахъ, мраморы, сосуды, блестящіе металлами, украшенія, горящія драгоцѣнностями, цвѣты, опахала, роскошныя носилки цезаря. его ручной тигръ. Справа цвѣтами обвитые столбы, около которыхъ блеститъ пламя жаровни и факеловъ, зажигаемыхъ нагими рабами, на столбахъ увязанные веревками пуки соломы, куда по грудь запрятаны мученики... Сейчасъ зажгутъ эти пуки, а нѣкоторые, сзади, уже начали горѣть, разбрасывая искры.

Взгляните на эту пеструю толпу. Недостатокъ ли искусства художника или, быть можетъ, его намѣреніе, не берусь рѣшить, сдѣлали разсматриваніе отдѣльныхъ фигуръ картины крайне утомительнымъ. Вы видите толпу, массу, разодѣтую и полуобнаженную, разукрашенную тканями и золотомъ. Но ваше вниманіе скоро утомляется, когда вы начнете разсматривать отдѣльныя фигуры; ни одна фигура, ни одна группа не выдѣляются рѣзко на этомъ общемъ фонѣ.

Главную фигуру, цезаря Нерона, вамъ приходится искать глазами. Вотъ онъ, одутловатый и смуглый, пресыщенный, скупающій, для возбужденія притупленныхъ нервовъ придумавшій такое утонченное зрѣлище, сидитъ въ роскошномъ, раззолоченномъ, пи-

крустированномъ перламутромъ паланкинѣ, вмѣстѣ съ своею женою Поппеею. Въ ея лицѣ, жирномъ и вяломъ, ничего не видно, кромѣ чувственности; даже на такое экстра-тонкое зрѣлище она смотритъ апатично и тупо. Черные рабы, несущіе носилки, почти не выражаютъ своими лицами ни жалости, ни злорадства. Ихъ черную кожу не проберешь чужимъ страданіемъ, а ненависти къ христіанамъ они имѣть не могутъ: что для нихъ христіане?

Носилки Нерона остановились на средней площадкѣ мраморной лѣстницы. Отъ нея идутъ два марша: одинъ налѣво и вверхъ, во дворецъ, другой прямо къ зрителю внизъ, оканчивающійся большою площадкой, на которой расположенъ «первый планъ» картины, наиболѣе выдающаяся и интересная ея часть. Тамъ, вверху, за цезаремъ, большая давка; масса зрителей спускается по лѣстницѣ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ горѣть «поджигатели Рима». Видны тамъ и черная кожа раба, и красная полоса на бѣлой тогѣ сенатора, и шлемъ императорскаго полководца, и яркія одежды, и обнаженные руки и плечи женщинъ. Все это смѣшивается въ общее пятно, и пятно менѣе удачное изъ всей картины: часть лѣстницы, заворачивающая въ глубь картины, на самый верхъ, съ многочисленною толпою, лишена воздушной перспективы и, какъ говорятъ художники, «лѣзетъ впередъ», не смотря на сравнительную туманность тоновъ.

А здѣсь, около насъ, внизу, какая смѣсь одеждъ

и лицъ! Какое разнообразіе типовъ и красокъ! Вотъ собралась кучка серьезныхъ людей: сенаторъ, стоящій спиною къ зрителю, грекъ-философъ съ повязкою на головѣ, что-то ему убѣдительно доказывающій, и еще слушатели. Что говѣритъ грекъ? Ужъ не доказываетъ ли онъ нелѣпость подобнаго препровожденія времени; нѣтъ, гдѣ ему, бѣдному, имѣть свое собственное мнѣніе, когда въ двухъ шагахъ отъ него сидитъ самъ цезарь, всегда имѣющій возможность — посадить на столбъ въ соломѣ любого философа. Должно быть, онъ прославляетъ цезаря за его мудрую предусмотрительность и строгое правосудіе. Около этой группы стоитъ одинокая фигура, старика сенатора. Врядъ ли я ошибусь, если скажу что это одно изъ наиболѣе удавшихся художнику лицъ. Старый, толстый, обрюзглый, съ отвисшими щеками, съ маленькими глазками на пошломъ, жирномъ лицѣ, онъ какъ-то скотски-равнодушно смотритъ на начинающуюся казнь. Его сѣдая развратная голова увѣнчана пышными и нѣжными бѣлыми розами; какъ-то дико, нелѣпо видѣть дѣвственные цвѣты на такой головѣ; но они показываютъ, что престарѣлый сенаторъ только-что пересталъ пить и, вѣроятно, сейчасъ же послѣ спектакля начнетъ вновь. (Древніе думали, что вѣнки изъ розъ предохраняютъ отъ опьяненія).

Какъ спокойно смотритъ онъ! Да чего ему волноваться? Можно ли чѣмъ-нибудь удивить его, видѣвшаго Тиверія, Калигулу, Клавдія?.. Цезарь

жжетъ христіанъ; до него, сенатора, очередь еще не дошла, онъ и пользуется временемъ, наслаждается жизнью съ розами на челѣ. А можетъ быть судьба и поблагопріятствуетъ ему, и онъ уйдетъ отъ яда или казни и умретъ «естественною» смертью отъ пьянства и разврата. Ближе къ нимъ и къ жертвамъ Рима стоитъ интересная, прекрасно задуманная художникомъ пара: какой-то смуглый юноша въ роскошномъ, яркомъ восточномъ костюмѣ со своею подругою. Они оба, особенно онъ, чужіе на этомъ буйномъ пиршествѣ разврата и безчеловѣчія. Онъ, очевидно, не римлянинъ, а какой-то азіатскій принцъ, сдѣлавшій тысячи миль, чтобы подивиться владычеству надъ міромъ человѣку и городу-царю. Что-же онъ нашелъ здѣсь? Безумца, переходящаго съ трона на театральные подмостки и сжигающаго заживо людей не такъ, какъ тамъ, на южномъ востокѣ, изъ «политической необходимости», а просто для потѣхи,—и толпу льстецовъ, этихъ римскихъ гражданъ, владыкъ всего міра, раздѣляющую забавы этого безумца, льстивую, презрѣнную толпу. И вотъ передъ нимъ привязанные къ позорнымъ столбамъ люди, которыхъ сейчасъ будутъ жечь... Можетъ быть одно слово отреченія освободитъ ихъ, но они не отрекаются. Что-жъ это такое, откуда оно? И юноша задумчиво и тоскливо смотритъ на факелы изъ живыхъ людей; его настроеніе передается и его прекрасной подругѣ, боязливо прислонившейся къ нему и сострадательно смотрящей на мучениковъ.

И не одни они относятся къ предложенному Нерономъ зрѣлищу не съ апатичнымъ и тупымъ спокойствіемъ или злорадствомъ. Вотъ, на первомъ планѣ, ближе всего къ зрителю, сидитъ женщина. Одежда ея роскошна, сандаліи прикрѣплены драгоценными застежками, горящими золотомъ и камнями. Она опустила дорогую, всю раззолоченную лиру (вѣроятно, это пѣвица) и сидитъ въ позѣ Сафо. Она явно жалѣетъ и этого старика съ дѣтскимъ выраженіемъ лица, безропотно висящаго тамъ, на столбѣ, и эту молоденькую дѣвушку, которую, кажется, ужъ подожгли.

Экспрессія лица этой женщины не особенно удалась художнику, хотя по рисунку и письму это лучшая фигура картины. Она могла бы служить вся цѣликомъ, какъ она есть, превосходнымъ изображеніемъ Сафо, но вовсе не Сафо, смотрящей на истязанія людей. Въ ея лицѣ болѣе задумчивости, чѣмъ жалости и негодованія. Но ребенокъ, рядомъ съ нею, съ любопытствомъ ужаса смотрящій на страшную сцену—прекрасная фигура и по экспрессіи. Совсѣмъ налѣво, у самой стѣны, еще фигура человѣка, жалбующаго христіанъ: это гладіаторъ, частью одѣтый въ свои тяжелые и безобразные доспѣхи, частью держащій ихъ въ рукахъ; онъ прислонился своею широкою спиною къ мраморной стѣнѣ и смотритъ съ состраданіемъ. Его простое, глуповатое лицо, съ выраженіемъ дикаря, написано не особенно удачно, но состраданіе варвара, смѣшанное съ дѣтскимъ

изумленіемъ, прекрадно выражено. Жаль, что художникъ не потрудился тщательнѣе заняться этою фигурою и поставилъ ее довольно неловко: спина гладіатора какъ-то врѣзывается въ мраморъ, къ которому онъ прислонился. Передъ гладіаторомъ—дѣвушка-танцовщица, забывшая пляску и свои мѣдныя тарелочки, которыми она такъ весело побрякивала минуту тому назадъ. Она облокотилась на край мраморной площадки и смотритъ на рабовъ, готовящихся поджечь живые свѣточы. Ея фигура, наклонившаяся впередъ, полуприкрытая коричневой золотистой драпировкой, полна ожиданія и ужаса; только небрежно написанное лицо нѣсколько портитъ общее впечатлѣніе. У ногъ ея расположилась группа, стоящая болѣе подробнаго описанія.

Это три лица: старикъ сенаторъ, молодой мужчина и женщина, едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста. Мужчины играютъ въ кости, она сидитъ на колѣняхъ у младшаго и хохочетъ надъ проигравшимся въ пухъ и прахъ и растерявшимся старикомъ, который уперся глазами въ костюмы публики. Это—совсѣмъ глупый, дряхлый старикашка, впавшій въ дѣтство. Не таковъ его счастливый соперникъ въ любви и игрѣ. Здоровое веселье видно на его хохочащей физиономіи: посмотрите, съ какимъ торжествомъ поднималъ онъ одну руку съ стаканчикомъ, выбросилъ изъ него кости на круглый мраморный столикъ, а другую, съ чашей, полною вина. Онъ наслаждается жизнью и удачею и не обращаетъ ни

малѣйшаго вниманія на то, что два десятка людей сейчасъ начнутъ горѣть заживо. Какое ему дѣло до нихъ, когда игра кончилась такъ весело, когда на его колѣняхъ такъ удобно приютилось молоденькое веселое существо! Онъ радуется и выражаетъ свою радость гомерическимъ хохотомъ надъ выжившимъ изъ ума римскимъ сенаторомъ. А она, эта женщина-дѣвочка, съ смѣющимся, но утомленнымъ отъ оргій лицомъ, она также не смотритъ на казнь. Въ ея молодой душѣ не выросли человѣческія чувства, жалость и состраданіе; ранній развратъ сгубилъ все и оставилъ только способность находить удовольствіе въ ласкахъ друга, на колѣняхъ котораго она сидитъ, да на днѣ его золотой чаши.

Еще болѣе омерзительна женщина, полулежащая на землѣ нѣсколько правѣе описанной группы. Она— вся ожиданіе и нетерпѣніе. Это волнующееся злое лицо, чувственный взоръ, въ которомъ ясно видна жажда крови и воплей, прекрасно удались художнику по силѣ экспрессіи.

Выше этихъ фигуръ помѣщается пара: полный смуглый сенаторъ въ вѣнкѣ изъ желтыхъ цвѣтовъ со своею подругою, стройною прекрасною женщиною. Онъ, небрежно развалясь на мраморѣ, неоднократно смотритъ на ненужную жестокость, конечно, не зная, кто истинный виновникъ римскаго пожара. Ему гораздо пріятнѣе было бы, быть можетъ, уйти отсюда съ красивою подругою, которую онъ ласково держитъ за обнаженную руку повыше

кисти. И она, нервная, впечатлительная, тоже ушла бы, если бы было можно: готовящаяся казнь возмущает ее, заставляет страдать, и прекрасное лицо невольно складывается въ выраженіе ужаса и отвращенія. Сзади этой пары, превосходно исполненной, опять люди, забывшіе и казнь, и всѣхъ, и все, увлекшіеся своимъ бѣшенымъ, бурнымъ, пьянымъ весельемъ. Громко свиститъ двойная флейта, гудитъ и бренчитъ бубень, быстро двигаются тѣла охмѣлившихъ отъ вина и пляски танцоровъ, мелькаютъ въ воздухѣ тирсъ и поднятыя руки. А вотъ одна изъ танцовщицъ уже упала въ опьяненіи и валяется ничкомъ головою къ зрителю. Тутъ же шутъ въ костюмѣ, похожемъ на костюмъ арлекина, хочетъ выкинуть какую-то штуку, пустить шутку въ толпу. Но движеніе его застыло, шутка замерла въ полураскрытыхъ устахъ. Шуты — впечатлительный народъ.....

Еще одна фигурка: строгая мрачная фигура римлянки около гладіатора. Она сидитъ такъ, что ее не видитъ никто изъ окружающихъ, и мрачно съ ненавистью глядитъ на загорающихся христіанъ. На кого обращена эта ненависть? На тѣхъ ли, которые горятъ, или на тѣхъ, по чьему повелѣнію совершается страшное дѣло? По выраженію лица нельзя сказать навѣрно. А вотъ парочка, стоящая ближе всѣхъ къ казнимымъ, но меньше всѣхъ обращающая на нихъ вниманіе. Они оба оперлись на черный мраморъ, которымъ кончается баллюстрада гѣстницы. Они шутя

и дружелюбно болтають между собою, даже не смотря на угощеніе цезаря; они сами интересуютъ другъ друга гораздо болѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ христіане.

Тамъ, вдали, въ глубинѣ картины, видны еще и еще фигуры воиновъ, сенаторовъ, вольноотпущенныхъ, дворцовой челяди. Вотъ одинъ изъ нихъ махнулъ краснымъ платкомъ—это знакъ начинать представленіе.

Его уже начинаютъ. Жаровня съ растопленною смолою пылаетъ краснымъ пламенемъ, сверкая и дымя; рабъ возится около нея, отмахивая крыломъ летящей въ сторону цезаря дымъ. Другой обмакиваетъ свой факель въ смолу. Еще нѣсколько чело-вѣкъ зажигаютъ пуки соломы, иные взобрались на лѣстницы. Лица ихъ совершенно спокойны и хладнокровны; спокойствіе это напоминаетъ выраженіе лица у прислужниковъ современнаго цирка; безстрастно, машинально исполняютъ они свое дѣло.

На высокихъ шестахъ, увитыхъ гирляндами, привязаны они, актеры представленія, въ первый и послѣдній разъ выступающіе на сцену. Тутъ и старики, и юноши, и дѣвушки; длинный рядъ ихъ теряется между кипарисами сада. Безпомощные, нагіе, обложенные соломой, увязанные веревками, смотрѣли они съ высоты на истязующую ихъ толпу. Хорошо виденъ изъ нихъ второй отъ зрителя (лицо перваго ушло изъ картины), старикъ, съ кроткимъ, дѣтскимъ выраженіемъ лица, съ сѣдою головою. Какъ непохожъ онъ на поджигателя и преступника! Какъ

непохожа эта молоденькая дѣвушка на подрывательницу государственнаго строя! Однако они висятъ на шестахъ вмѣстѣ съ своими товарищами; сейчасъ пламя начнетъ лизать солому, въ которую они завернуты, начнетъ душить ихъ дымомъ вонючимъ, потомъ доберется до тѣла... И раздадутся душу разрывающіе нечеловѣческіе вопли: живое человѣческое тѣло горитъ! Тутъ даже и твердая вѣра, безавѣтная вѣра въ спасеніе и будущую жизнь, «идѣже нѣсть печали», не помогутъ несчастнымъ страдальцамъ; мученія вызовутъ изъ ихъ груди безумные, страшные вопли, и дрогнуть сердца безчеловѣчной толпы, смутится она, и только развѣ въ пьяной и развратной оргіи забудетъ совершенное ея повелителемъ и одобренное ею преступленіе.

Таково содержаніе картины Семирадскаго. Я не могъ, конечно, описать и половины всѣхъ фигуръ: ихъ, какъ сказано уже, болѣе ста; описаны только болѣе выдающіяся или замысломъ, или выполненіемъ. О technikѣ Семирадскаго, гдѣ она касается человѣческихъ фигуръ, тканей, украшеній, мрамора, сосудовъ и другихъ аксессуаровъ, врядъ ли можно сказать что-нибудь, кромѣ того, что она безукоризненна. Золото нѣкоторыхъ сосудовъ блеститъ точно такъ же, какъ и позолоченная рама картины. Блестящее перламутровое сплѣнье въ наланкинѣ императора какъ будто бы вырѣзано изъ настоящаго перламутра и налѣплено на картину. Роскошныя ткани только-что не скатываются съ женскихъ плечъ. Мра-

моры представляютъ совершеннѣйшую иллюзію; особенно хорошъ мраморный барельефъ съ группою людей, колесницею и конями на стѣнѣ дворца.

Важные недостатки картины—ошибочность и нецѣльность освѣщенія, уже указанное отсутствіе воздушной перспективы въ лѣвомъ углу картины и весьма слабо написанная правая часть, гдѣ помещены сами мученики.

Семирадскій выбралъ для своей картины весьма трудный моментъ—раннія сумерки. Солнце только-что зашло: заря, какъ всегда на югѣ, скромна и блѣдна; тьма наступаетъ быстро. Вся картина, всѣ фигуры, всѣ мраморы и украшенія, все должно было бы быть подернуто сѣрыми тонами наступающей темноты; золото не должно ярко горѣть, драпировки не должны *кричать* своими яркими тонами.

Посмотрите, такъ ли это на «Свѣточахъ христіанства». День кончился, солнце зашло, справа видна потухающая заря, а между тѣмъ передній планъ картины очень хорошо освѣщенъ *почти отъ зрителя* бѣлымъ дневнымъ свѣтомъ. Особенно рѣзко видно это на бѣлыхъ драпировкахъ и на сочетаніяхъ яркихъ тоновъ между собою. Золото блеститъ, правда, такъ, какъ оно не можетъ блестѣть ни у одного художника, но также и такъ, какъ оно не должно блестѣть въ такомъ сѣромъ свѣтѣ сумерекъ, блеститъ, не смотря на искусственныя сумерки, производимыя занавѣсами, задернутыми во всей залѣ, гдѣ стоитъ картина.

Невѣрность освѣщенія имѣла, конечно, огромное вліяніе на цѣльность всей картины и особенно на ея воздушную перспективу. Относительно послѣдней грѣшатъ два мѣста картины: часть лѣстницы, о которой уже было говорено, и группа черныхъ рабовъ на площадкѣ, несущихъ паланкинѣ. Какъ толпа на лѣстницѣ, такъ и черные рабы какъ-то выдѣляются впередъ изъ всей картины.

Уходящее въ глубь сцены зданіе, все изъ бѣлаго мрамора, съ роскошными барельефами и статуями, не оставляетъ желать ничего лучшаго,

Я упомянулъ въ числѣ недостатковъ также и слабость правой части картины. Дѣйствительно, она по письму значительно уступаетъ всей остальной картинѣ, начиная отъ рабовъ-палачей и кончая зарею и тяжелого свинцоваго тона небомъ. Я не говорю о христіанахъ, потому что они, а особенно сѣдой старикъ, прекрасны. Но рабы очень напоминаютъ хорошіе этюды съ нашихъ натурщиковъ, особенно одинъ, съ темной бородой, протянувшій свой факель къ жаровнѣ. Небо, именно верхняя его часть, составляетъ самое слабое мѣсто картины.

Вначалѣ я замѣтилъ, что картина производитъ впечатлѣніе путаницы, въ которой весьма трудно разбраться. Съ этимъ, безъ сомнѣнія, согласится всякій, кто увидитъ новую вещь Семирадскаго, но врядъ-ли можно вмѣнить это въ укоръ художнику. Мы не можемъ знать, вышла ли путаница фигуръ, драпировокъ и проч. отъ неумѣнья скомпановать

картину или она является слѣдствіемъ обдуманнаго намѣренія представить толпу какъ она есть, во всемъ ея безпорядкѣ и пестротѣ. Я желалъ бы, чтобы была справедлива вторая догадка и надѣюсь, что она вѣрна. Я основываюсь на предыдущей большой картинѣ Семирадекаго «Грѣшница», гдѣ Христосъ, грѣшница и стоящія около нихъ фигуры составляютъ сильное и эффектное «пятно».

Императорская академія художествъ за 1876— 1877 учебный годъ.

21 декабря 1877 г.

Нѣкоторыя уважительныя причины помѣшали своевременному появленію на столбцахъ «Новостей» отчета о выставкѣ работъ учениковъ академіи художествъ. Выставка разбирается и скоро будетъ закрыта; казалось бы уже поздно говорить о ней съ читателями, но она наводитъ на такія печальныя и серьезныя размышленія о судьбахъ русскаго искусства, что было-бы непрослительно обойти ее молчаніемъ.

Количество выставленныхъ работъ очень велико: нѣсколько «конкурсныхъ» картинъ на двѣ темы, заданныя академіею, множество эскизовъ также на заданныя программы и, наконецъ, весьма значительное количество этюдовъ съ натурщиковъ, это—казенныя академическія работы по живописи. Есть еще и неказенныя работы: этюды гг. Богданова, Крачковскаго и Поплавскаго, о которыхъ придется поговорить особо. Скульптура явилась въ незначительномъ числѣ образцовъ; теперь залъ академіи укра-

шаетъ только произведеніе г. Вельонскаго, получившаго 1-ю золотую медаль за весьма солидный барельефъ «Венера передъ Олимпомъ (не ручаюсь за вѣрность названія). Этимъ мы покончимъ съ скульптурой; больше сказать о ней нечего.

Живопись—самое задушевное изъ пластическихъ искусствъ. Какъ же проявили себя молодые, свѣжіе таланты, возросшіе подъ бдительнымъ надзоромъ академіи? Какія она возлагаетъ на нихъ требованія? Какъ они ихъ исполнили? Требованія странныя, а исполненіе жалкое.

На вторую золотую медаль конкурировали гг. Кудрявцевъ, Зиминъ и Данилевскій. Писали они на тему: «Адамъ и Ева при видѣ убитаго Авеля», а никакой Евы и никакого Адама, по правдѣ сказать, не написали. Написано девять голыхъ фигуръ людей (на трехъ холстахъ) и одна собака весьма странной и рѣдкой въ настоящее время породы, по мысли г. Данилевскаго, обнюхивающая ноги убитаго Авеля. О, г. Данилевскій видимо богатъ мыслями; видно, что онъ тщательно обдумалъ сюжетъ! «Адамъ и Ева... думаетъ онъ,—ну, натурально, голые. На лицахъ ужасъ или тамъ что-нибудь такое. Освѣтить ихъ развѣ выше колѣвъ заходящимъ солнцемъ? Еще чего-то не хватаетъ; вотъ тутъ пустое мѣсто; что бы помѣстить сюда? Камень? Нѣтъ! Драпировку брошенную, собаку! Отлично!» И г. Данилевскій---

Чертить, и въ шляпѣ дѣло...

Пусть не обидится г. Данилевскій. Я не хочу подозрѣвать его въ бездарности и даже въ нелюбви къ искусству. Я взялъ его картину, какъ примѣръ того, какъ относятся молодые художники къ заданнымъ имъ темамъ. Тамъ, гдѣ г. Данилевскій работаетъ для себя (къ сожалѣнію, я мало знакомъ съ его работами), я не сомнѣваюсь, что онъ не обнаруживаетъ ни такихъ поразительныхъ промаховъ въ рисунокѣ, ни странной любви къ желтому бенгальскому огню, ни легкомысленности, съ которой онъ пригласилъ животное невѣдомаго типа играть въ его картинѣ роль собаки. Я увѣренъ, что увидь г. Данилевскій у себя, въ своемъ «собственномъ» альбомѣ, носъ, подобный носу его Евы, онъ вырвалъ бы страничку альбома или стеръ бы несчастный носъ резинкой. А въ программѣ—ничего, сойдетъ! И даже сильныя побужденія, желаніе, на примѣръ, докончить на казенный счетъ свое художественное образованіе въ Италіи, въ Парижѣ, не въ силахъ преодолѣть той неохоты, которая овладѣваетъ всякимъ молодымъ живописцемъ, когда его заставляютъ писать на тему заданную, навязанную. Хорошо еще, если случится, что она совпадаетъ съ настроеніемъ художника (чему примѣръ отчасти представляетъ прошлогодняя вещь г. Сурикова: «Павель передъ Иродомъ»); тогда онъ вноситъ въ работу и стараніе, и душу, хотя, все-таки, и здѣсь навязанность темы мѣшаетъ свободѣ творчества; а если нѣтъ—съ отвращеніемъ «компоуется» картина, небрежно замазываются фоны.

на скорую руку, съ манекеновъ или натурщиковъ, набрасываются: апостолы, Каины, пастухи, египетскіе придворные, Вероники, русскія бояре, словомъ, весь программный штатъ академіи художествъ. И человѣкъ, немного знакомый съ закулисной стороною дѣла, ясно видитъ, что это вовсе не Каинъ, а натурщикъ Иванъ, и не патріархъ Гермогенъ, а извѣстный тремъ, если не болѣе, поколѣніямъ художниковъ, старикъ Тарасъ, тоже натурщикъ. Что крайне неудовлетворительное исполненіе программъ академіи не можетъ быть объяснено неспособностью нашей художественной молодежи—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и наглядно доказано г. Кившенко, безспорно талантливымъ художникомъ, получившимъ 1-ю золотую медаль за свою программу «Бракъ въ Канѣ Галилейской». Что г. Кившенко талантливъ—явствуетъ какъ изъ прежнихъ его работъ (какъ, напр., его премированная «Общ. поощр. художн.» картина), такъ и изъ карандашныхъ рисунковъ его на настоящей выставкѣ. Они заслуживаютъ нѣсколькихъ словъ. Обратимся къ «Браку».

Почему бракъ, а не аукціонъ, не толкучка—рѣшить крайне затруднительно. Съ большимъ трудомъ между фигурами можно сыскать жениха и невѣсту. Гости толкуются безъ всякаго толка и смысла. Какіе-то кривые баши-бузуки на колѣняхъ передъ Христомъ не то вымаливаютъ у него прощеніе, не то... впрочемъ, трудно сказать, что они выражаютъ своими позами и лицами. Вѣроятно, удивленіе. И я тоже

былъ удивленъ, замѣтивъ, что плечо одного изъ нихъ посыпано свѣжкомъ — однако, при внимательномъ разсмотрѣнн снѣжокъ оказался вышивкою бѣлыми нитками. Очень интересная подробность костюма древнихъ евреевъ. Или это прямое указаніе, извиненіе передъ публикой: извините, молъ, *бѣлыми нитками шита картина*, для наглядности изобразилъ.

За эту вещь, смѣшную по рисунку, печальную по колориту, жалкую по компоновкѣ, академія дала I золотую медаль! Она дана, впрочемъ, не за «Бракъ»; она дава за прежнія работы г. Кившенко, показывавшія несомнѣнный талантъ. И теперь два рисунка-эскиза того же художника не наводятъ на печальныя размышленія, ясно потому, что заданныя темы эскизовъ совпали съ желаніемъ работать г. Кившенко.

Первый эскизъ—тѣ же живые факелы Нерона, которые показалъ намъ весною г. Семирадскій. Не обинуясь скажу, что композиція и замыселъ въ эскизной работѣ г. Кившенко гораздо выше компоновки знаменитой картины. Зажигаемые христіане г. Кившенко производятъ въ зрителѣ содроганіе, чего г. Семирадскій не достигъ.

Впечатлѣніе талантливости художника еще болѣе имѣетъ мѣсто при видѣ другого эскиза—«Голгова». Христа еще не распяли. Крестъ не-врытъ въ землю, для него приготовлена яма. Около казнимаго Бога собралась кучка воиновъ, палачей; они дѣлятъ его простыя одежды и разсчитываются другъ съ другомъ деньгами. Пошлыя лица, съ очень удовлетворительно

выраженною экспрессією, окружають Христа, блѣднаго, стройнаго мужа. Невыразимое страданіе ясно написано на его лицѣ. Двѣ аксессуарныя группы: толпа угрожающаго народа и нѣсколько рыдающихъ друзей нарисованы ловко и правильно.

Между прочимъ, на этомъ эскизѣ написано: «за неисполненіе темы назначается третья премія». Что значитъ этотъ чудный сонъ? Чѣмъ г. Кившенко «не исполнилъ» заданной темы? Тема «Голгоѳа» можетъ дать матерьялъ для десяти различныхъ по содержанію картинъ. Академія, даже не опредѣливши строго момента сцены на Голгоѳѣ, требуетъ отъ художника, чтобы онъ угадалъ, чего ей хочется. А хочется ей, вѣроятно, рабскаго подражанія прежнимъ образцамъ. Одна эта новаторская черная яма, навѣрно, мозолить глаза почтеннымъ профессорамъ академіи, Гг. Шамшину, Венигу и прочимъ столпамъ нашего искусства.

Отчего же, какъ не отъ этого стремленія обезличить cadaго художника, лишить его свободы творчества, и зависить изображенное отношеніе учениковъ къ своимъ казеннымъ работамъ. Я не стану разбирать подробно всѣхъ выставленныхъ картинъ на академическія темы... «Адамъ и Ева», какъ г. Кудрявцева, такъ и г. Зимина, вовсе не выказывая ихъ бездарности, однако вполнѣ доказываютъ все сказанное выше. Небрежный рисунокъ, небрежное письмо такъ и бьютъ въ глаза, какъ въ этихъ двухъ картинахъ, такъ и въ исполненіи программъ на первую золотую медаль.

О картинахъ г. Кившенко сказано уже довольно. Кромѣ него, выставили «Бракъ въ Канѣ» гг. Голынской, Винцманъ, Манизеръ, Шаховской и Прохоровъ. Ниже всякой критики картина послѣдняго: трудно понять, какъ рѣшается человѣкъ, съ столь слабыми задатками, посвятить себя живописи. Представьте, читатель, хлѣвъ, или, скорѣе, уголь двора, покрытый сверху рогожею. Подъ рогожею совершается что-то странное. Какіе-то люди въ яркихъ и грязныхъ одеждахъ зачѣмъ-то сидятъ въ разныхъ позахъ. Вглядываясь ближе, вы видите, что это большею частью даже и не люди, а манекены. Что дѣлаютъ эти манекены—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, не пируютъ. Это ясно какъ день: какой же можетъ быть пиръ, когда на двадцать человѣкъ подано лишь два бокала, — золотой да стеклянный, да на полтинникъ винограда и яблочекъ изъ фруктовой лавки. Правда, у стола стоятъ огромнѣйшіе глиняные сосуды, имѣющіе содержать въ себѣ вино, но какъ пить изъ нихъ? На эти сосуды манекенъ, написанный вмѣсто Спасителя, смотритъ съ выраженіемъ изумленія. Видно, что его чудо поразило его самого болѣе всѣхъ. Быть можетъ, г. Прохоровъ имѣлъ въ виду глубокую мысль?—не знаю. Думаю, что нѣтъ. Въ г. Прохоровѣ и академію обвинять было бы несправедливо.

Г. Шаховской, талантливый Шаховской, написавшій уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Гитариста», потомъ бравшій преміи на конкурсахъ, на этотъ разъ

положительно оказался ниже себя. Г. Винцманъ въ своей небрежной картинѣ нѣсколькими уголками ея показалъ сильный, симпатичный талантъ и очень недюжинную технику, но вся картина слаба, небрежна, писана сплеча. Больше труда положилъ въ свою работу г. Манизеръ. Миѣ кажется, что если бы г. Кившенко не заслужилъ медали своими *прежними* работами, то справедливость требовала бы присужденія награды обойденному г. Манизеру. Въ его картинѣ я замѣтилъ одинъ уголокъ, написанный, очевидно, внѣ программы, «отъ себя». Это — два музыканта, дующіе въ свои свирѣли или другіе инструменты; эти два скоро набросанныя лица, полныя экспрессіи, такъ рѣзко отличаются отъ остального невыразительнаго и вялаго персонала «Брака» (кромѣ немногихъ фигуръ), что невольно привлекаютъ вниманіе зрителя. Наконецъ, г. Голынскій написалъ какой-то страннѣйшій бракъ — на краю города, на улицѣ. Никто въ этомъ бракѣ бракомъ не интересуется: женихъ протягиваетъ чашу за виномъ съ выраженіемъ: а ну-ка, дай, дай винца; Христось приглашаетъ свою мать присѣсть рядомъ съ нимъ; какая-то дѣвушка устремила въ даль томный и печальный взоръ. Есть и одна недурная фигура (сравнительно) — мужчины, стоящаго на первомъ планѣ. Кромѣ описаннаго, академія выставила классныя работы своихъ учениковъ. Если бы можно было выставить рядомъ съ ними работы учениковъ сороковыхъ или пятидесятихъ годовъ, тогда печальное зрѣлище сдѣлалось бы

еще печальнѣе отъ нагляднаго доказательства попятнаго движенія академическаго искусства.

Гг. ученики академіи Крачковскій и Богдановъ выставили вовсе не академическія работы, — свои лѣтніе этюды, написанные совершенно самостоятельно. Г. Крачковскій, уже извѣстный пейзажистъ, показалъ, что безъ академическаго корсета и шнуровки можно правильно и быстро развивать свой талантъ. Его этюды каждый годъ дѣлаютъ большее и большее впечатлѣніе. Врожденная художнику поэзія находитъ тѣмъ лучшее выраженіе, что г. Крачковскій упорно трудится, если судить по его этюдамъ. Этюды этого года отличаются отъ прежнихъ гораздо болѣе сильнымъ, выработаннымъ колоритомъ.

Рядомъ съ этюдами Крачковскаго, г. Богдановъ помѣстилъ свои жанровые этюды. И объ этомъ многообѣщающемъ художникѣ я ничего не могу сказать, кромѣ похвалы, имѣя въ виду его постоянное совершенствованіе. Главное качество таланта — чувство мѣры и критическое отношеніе къ себѣ, выражено одинаково сильно какъ въ картинахъ природы Крачковскаго, такъ и въ живыхъ, полныхъ правды фигурахъ Богданова.

Эти два художника составляютъ прямое указаніе составу академіи на ошибочность ея направленія. Таланты нуждаются въ поддержкѣ, а не въ рамкахъ. Не пеленать надо искусство, а доставить ему возможность свободно развиваться.

Выставленные тутъ же этюды г. Поплавскаго

слабѣ другихъ работъ этого вообще талантливаго художника.

Обыкновенно художественные рецензенты проходятъ молчаніемъ работы архитектурнаго класса академіи. Это и вообще несправедливо, а въ этомъ году обойти молчаніемъ работы гг. Прейса, Померанцева и другихъ я считаю невозможнымъ, не потому, чтобы они являли собою что-нибудь замѣчательное въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ (правда, г. Померанцевъ выказалъ и громадный вкусъ, и изящество, совершенно мирящееся съ простотою, и вообще работы архитекторовъ въ этомъ году недурны), а потому, что и въ этомъ случаѣ академія учинила странность, задавъ ученикамъ самую странную тему. Тема эта—«проектъ увеселительнаго заведенія близъ столицы». Каково? Убѣленные, увѣнчанныя головы профессоровъ академіи не могли выдумать для своихъ питомцевъ никакой темы лучше загороднаго колоссальнаго кафе-шантана съ ресторанономъ, бильярдными, «зимнимъ садомъ» и отдѣльными «номерами»!

Постыдились бы господа. Постыдились бы поддерживать, хотя и косвенно, глубоко пустившее корни въ наше общество (вѣрнѣе, въ малоразвитую часть его) направленіе театра Берга, Демидрона и т. п. вещей. Неужели мало для васъ великихъ архитектурныхъ темъ? Неужели фантазія, поэзія, знаніе архитектора меньше выразились бы въ построеніи храма Вѣчному существу, предмету поклоненія

всѣхъ народовъ, чѣмъ въ проектѣ безсмысленнаго «увеселительнаго вокзала». И какіе размѣры допущены были для него! Зданіе г. Прейса имѣеть 110—120 сажень длины; другія мало уступаютъ по величинѣ. Вѣдь это больше зимняго дворца. Помилосердствуйте!

А если господа профессоры академіи ужь непременно хотѣли бить на своевременность, то и тогда-бы имъ не трудно было найти тему. Зданіе для народныхъ аудиторій, пріютъ для искалѣченныхъ въ настоящую войну, зданіе для всемірной выставки—развѣ это не темы? И вмѣсто того—увеселительное заведеніе!

Время ли веселиться, господа!..

Замѣтки о художественныхъ выставкахъ.

1887 г.

Велика дерзость, съ которою я, человекъ толпы, рѣшаюсь говорить о живописи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ большихъ газетъ, было высказано мнѣніе по поводу рецензій г. Стасова, что-де Стасовъ карандаша въ руки взять не умѣетъ, а съ великимъ задоромъ берется судить и ридить о произведеніяхъ пластическихъ искусствъ. Положимъ, все это правда; почтенный художественный критикъ самъ не рисуетъ и судить не безъ нѣкотораго задора, что извѣстно всѣмъ, являющимся выставки картинъ и желающимъ уяснить себѣ ихъ достоинства или недостатки при помощи чтенія трудовъ г. Стасова. Но, тѣмъ не менѣе, г. Стасовъ сорокъ лѣтъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ превосходно исполненный нашими художниками адресъ, выставленный теперь на акварельной выставкѣ, пристально слѣдить за искусствомъ. Изъ самаго тона его статей читатель можетъ судить о степени его привязанности къ нему. Въ качествѣ завѣдующаго художественнымъ отдѣломъ публичной библіотеки, В. В.

Стасовъ десятки лѣтъ состоитъ въ буквальный смыслѣ слова заваленнымъ всевозможными художественными произведеніями. Понятно, ему и книги въ руки во всемъ, что касается рисунка, лѣпки, колорита, линейной и воздушной перспективы и прочихъ такихъ вещей; понятно, что, слѣдя за развитіемъ нашей живописи еще съ той поры, когда не было русской школы, когда началъ работать первый русскій живописецъ Федотовъ, и продолжая состоять въ роли оберегателя и пѣстуна нашей живописи, въ роли, исполняемой имъ съ самоотверженностью цѣпнаго пса, готоваго растерзать всякаго врага родной школы, Владиміръ Васильевичъ приобрѣлъ полное право судить и рядить, раздавать отгѣтки, возводить картины въ рангъ перловъ творенія или объявлять ихъ «гнилью» и жалкою мазнею. Прочтите адресъ, о которомъ я говорилъ, и вы убѣдитесь, что и наши художники думаютъ то же.

Мы, люди толпы, часто должны быть очень благодарны критикамъ, насъ просвѣщающимъ. Но кромѣ В. В. Стасова и двухъ-трехъ художественныхъ критиковъ, большею частью безмолствующихъ, у насъ по этой части, что называется, хоть шаромъ покати. Газетные рецензенты, съ карандашикомъ и каталогомъ бѣгающіе отъ картины въ картинѣ и прислушивающіеся къ мнѣніямъ знакомыхъ и незнакомыхъ художниковъ, чтобы потомъ внести ихъ отрывочныя замѣчанія на столбцы газетъ, въ которыхъ они кормятся, являются критиками болѣе по какому-то стран-

тому недоразумѣнію. Писать о картинахъ такъ легко: недурной колоритъ, но отсутствіе жизненной правды; лѣпка портрета (и чортъ ее знаетъ, что это за лѣпка такая! думаетъ критикъ) представляетъ собою явленіе невиданное; портретъ г. Х. писанъ въ рѣпинскихъ тонахъ; прибавилъ еще ракурсовъ тамъ какихъ-нибудь, да рассказалъ съ грѣхомъ пополамъ содержаніе картины,—и дѣло въ шляпѣ. Въ редакціяхъ газетъ художественная критика въ полномъ загонѣ; сплошь и рядомъ мы видимъ въ верхнемъ этажѣ газеты и въ нижнемъ два совершенно противоположные отзыва объ одномъ и томъ же произведеніи; это прямо указываетъ на то, что статьи художественныхъ критиковъ никогда никѣмъ въ редакціяхъ не просматриваются. Важное дѣло картины! Пускай ихъ пишутъ объ этихъ пустякахъ что кому угодно! И дѣйствительно пишутъ! Одинъ рецензентъ повторяетъ ошибки каталога, другой ухитряется приписать одному и тому же г. Невреву двѣ картины: одну его «Княгиню Юсупову», а другую—«Христосъ и грѣшница» Полѣнова. Перепутать фамиліи, конечно, извинительно, но приписать картины двухъ мастеровъ, необыкновенно рѣзко отличающихся своею художественною индивидуальностью, одному лицу—это указываетъ на выходящее изъ ряда вонъ отсутствіе пониманія дѣла.

И мы, толпа, читаемъ все это, и мы иногда даже основываемъ на подобныхъ писаніяхъ свои, такъ называемыя, мнѣнія. «Это хорошо, то плохо», го-

воримъ мы въ полномъ убѣжденіи, что наше отноше-
ніе къ художникамъ заключаетъ въ себѣ глав-
нымъ образомъ оцѣнку ихъ достоинствъ и, замѣтите,
преимущественно техническихъ. Мы не можемъ по-
нять, что нашего мнѣнія въ техническихъ вопро-
сахъ никто не спрашиваетъ, что художникъ самъ
всегда знаетъ, что у него въ техникахъ слабо, что
хорошо. Онъ не проситъ у насъ отмѣтки за рису-
нокъ, письмо, колоритъ и перспективу. Ему хотѣ-
лось бы заглянуть въ нашу душу поглубже и уви-
дѣть то настоящее, что мы такъ упорно скрываемъ,
то впечатлѣніе, на которое онъ рассчитывалъ всею
своею работою, не думая о контурахъ и колори-
тахъ, наше отношеііе къ нему какъ *нехудожника*
къ *художнику*, ибо художникъ менѣе всего пишетъ
для художниковъ и присяжныхъ критиковъ, а толь-
ко для себя (въ смыслѣ потребности и удовлеотво-
ренія ея) и для толпы.

Что такое толпа по отношенію къ художнику?
Чѣмъ онъ отличается отъ нея? То, что я скажу,
конечно, азбучная истина, но я считаю нужнымъ
сказать ее, ну, хоть бы «для перехода», и заранѣе
прошу извиненія у тѣхъ, кто скажетъ мнѣ: да это
мы очень хорошо и безъ васъ знаемъ. Художникъ,
по сравненію съ толпой, есть человѣкъ, который
лучше видитъ и можетъ передать другимъ то, что
онъ видитъ. Сколько тысячъ людей проходитъ еже-
дневно передъ драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для
художественнаго творчества, не замѣчая его, или

созерцая бессознательно. Первое, что думаетъ каждый прочитавшій или увидѣвшій высокое созданіе искусства,—какъ это похоже, какъ это вѣрно, какъ это знакомо и, тѣмъ не менѣе, я въ первый разъ увидѣлъ это, созналъ это. Художникъ увидѣлъ, понялъ, поставилъ передъ глазами, и видятъ всѣ, до сихъ поръ слѣпые. Маленькій, слѣпой щеночекъ, тыкающій мордочкой направо и налево и, растопыривъ слабыя лапки, не находящій молока, когда чья-нибудь рука возьметъ его за шиворотъ и сунетъ его въ блюдечко, и онъ, успокоенный, начнетъ лакать молоко, долженъ чувствовать такую же благодарность, какую чувствуетъ наше сердце, сердце чело-вѣка толпы, открывающаго новый міръ чужими глазами и трудомъ. О, жалокъ былъ бы кругъ нашихъ представленій, если бы мы были предоставлены только своимъ личнымъ пяти чувствамъ и мозгъ нашъ переработывалъ бы только пищу, ими добытую. Часто одинъ мощный, художественный образъ влагаетъ въ нашу душу болѣе, чѣмъ добыто многими годами жизни; мы сознаемъ, что лучшая и драгоцѣннѣйшая часть нашего я принадлежитъ не намъ, а тому духовному молоку, къ которому приближаетъ насъ мощная рука творчества. Отсюда и благодарность, отсюда и

. . . . . сей фиміамъ пахучій,

Цвѣты и лавры . . . . .

который мы подносимъ и которыми мы осыпаемъ

людей, одаренныхъ отъ Бога властью раскрывать наше сердце и влагать въ него новые міры.

Постараемся же, не мудрствуя лукаво о колоритахъ и прочемъ, оцѣнивать не художника, не его картину, а наше впечатлѣніе отъ его произведенія, то самое молоко, которымъ мы питаемся. Я рѣшаюсь писать свои замѣтки именно потому, что надѣюсь, насколько хватить силъ, удержаться на этой точкѣ зрѣнія. Можетъ быть, художники найдутъ интереснымъ искреннее и возможно болѣе полное выраженіе впечатлѣнія, производимаго выраженіемъ ихъ задушевныхъ мыслей на одного изъ тысячъ, толпящихся на выставкахъ; можетъ быть, и мои собратья, люди толпы, провѣряя свои личныя впечатлѣнія другими, переданными здѣсь, уяснятъ себѣ что-нибудь, очистятъ свое впечатлѣніе и болѣе полно воспользуются тѣмъ духовнымъ матеріаломъ, который даютъ художественныя произведенія.

Выставка товарищества передвижныхъ выставокъ въ этомъ году какъ-то особенно удачна. Трудно представить себѣ даже, чтобы искусство, едва вышедшее изъ пеленокъ, существующее какъ самостоятельная школа едва какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, могло давать подобныя выставки изъ года въ годъ. Два капитальнѣйшія произведенія этой выставки— плоды не одного года работы гг. Полѣнова и Сури-

кова; я не знаю, поспѣютъ ли къ будущему году крупныя вещи, задуманныя другими нашими мастерами. Говорю это къ тому, что очень можетъ быть, что будущая, XVI, выставка представитъ намъ менѣе интересное и менѣе богатое мыслью собраніе, и что тогда непременно начнутся вопли, повторяющіеся изъ года въ годъ, о паденіи русской живописи, похожіе на неизмѣнный припѣвъ, двадцать разъ въ годъ выпѣваемый всею нашею печатью о паденіи русской беллетристики, припѣвъ, не умолкавшій со временъ Бѣлинскаго, припѣвъ, подъ который окрѣпла, расцвѣла и выступила въ первый рядъ европейскихъ художественныхъ литературъ и наша.

Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ забываютъ, что искусство живетъ не отдѣльными выставками и отдѣльными книжками журналовъ, а цѣлыми эпохами, и что двухъ-трехъ крупныхъ вещей довольно, чтобы ярко освѣтить пять, десять лѣтъ его жизни.

I.

И вси людїе идяху къ нему: и сѣдѣ учасе ихъ. Приведоша же книжницы и фарисее къ нему жену..., поставивше ю по средѣ... Учителю, сія жена ята есть нынѣ въ прелюбодѣяніи. Въ законѣ же намъ Моисей повелѣ таковыя каменїемъ побивати: ты же что глаголеши? Сія же рѣша искушающе его. (Ев. отъ Іоанна, гл. 8).

Знойный южный день: солнце перешло за полдень и, бросая недолгія тѣни, ярко освѣщаетъ преддверіе іерусалимскаго храма съ широкою каменною лѣстницею, ведущею въ сѣни, поддерживаемыя колоннами краснаго порфира, съ нѣсколькими старыми, корявыми, чернозелеными, пыльными кипарисами, возвышающими свои вытянутыя, сжатыя вершины въ ясную синеву южнаго неба; справа видѣнъ бѣдный, опаленный солнцемъ восточный городъ, уходящій въ гору. На дворѣ храма волненіе. Только спѣшачій на работу въ поле, послѣ полуденнаго отдыха, крестьянинъ, взгромоздившійся на смиреннаго ослика вмѣстѣ со своими кирками и мѣшками, да небольшая кучка людей, сидящая слѣва внизу у лѣстницы не раздѣляютъ этого волненія. Нѣсколько женщинъ и какой-то поселянинъ, пришедшіе съ провизіей и клѣтками съ птицей, можетъ быть, для продажи, а можетъ

быть и для жертвы, еще не поняли, зачѣмъ ворвалась въ ограду эта шумная толпа, зачѣмъ она ведетъ какую-то женщину. Группа учителя съ учениками полна спокойнаго ожиданія. Въ бѣдныхъ, запыленныхъ дорожныхъ одеждахъ, въ грубой обуви сидятъ они: юноша Іоаннъ, вперившій въ толпу задумчивый взглядъ, два брата Зеведеовы, съ красивыми, но умными и сильными лицами; тутъ же и человекъ, носящій суму черезъ плечо, съ острыми, сухими чертами лица, съ общимъ характеромъ доктринерства, какое и владѣло его душой и погубило его,—казначей Іуда. Вблизи нихъ и учитель. Онъ обернулся къ разъяренной толпѣ, ведущей преступницу, и спокойно ждетъ вопроса предводителей.

Толпа передана художникомъ живою. Онъ проникъ въ самую сущность массоваго движенія и выразилъ стадное чувство, большею частью преобладающее въ немъ. Большинство толпы—равнодушные, повинующіеся только этому чувству, которое велитъ бить—будутъ бить, велитъ плакать—будутъ плакать, велитъ кричать «осанна!» и подстилать одежды—будутъ сами ложиться подъ ноги грядущаго. Они горятъ не своимъ огнемъ; все дало имъ общее возбужденіе; какъ стадо овецъ, они готовы шарахнуть за первымъ, на кого болѣе другихъ подѣйствуетъ внѣшняя причина. Многіе, быть можетъ, и не знаютъ, кого ведутъ и за что будутъ бить. Таковъ высокій флегматикъ, держащій преступницу за плечи и ведущій ее передъ собою. Ве-

детъ, очевидно, не онъ, а нѣчто ему совершенно неизвѣстное, съ чѣмъ онъ и не считается, о чемъ и не думаетъ; онъ только старательно исполняетъ чужое велѣніе и съ добросовѣстностью современнаго полицейскаго тащить туда, куда, какъ онъ полагаетъ, почему-то тащить слѣдуетъ. Тутъ и улыбающійся рыжій еврей; въ его улыбкѣ есть что-то двусмысленное; быть можетъ, онъ наканунѣ покушалъ ласки этой самой женщины-ребенка или подобной ей. Тутъ же и юноша, заглядывающій на нее съ любопытствомъ еще не проснувшейся страсти,—ему тоже суждено участвовать въ грѣхѣ, подобномъ совершенному ей; согбенный старикъ, съ потухшимъ взоромъ, покопавшись въ своей памяти, найдетъ и свое участіе въ такихъ же дѣлахъ. И всѣ они ведутъ побивать ее камнями. Такова толпа.

Но видны въ ней и иныя лица: фарисей, разъяренный до послѣднихъ предѣловъ, готовый растерзать въ куски самъ, своей волей; другой, съ восторгомъ слушающій, какъ два священника, выступившіе впередъ толпы, бѣшено кричатъ Иисусу: «Моисей повелѣлъ намъ, а ты?» Онъ впился въ нихъ глазами и раздѣляетъ ихъ радость и торжество: ненавистному бунтовщику, возмутившему стоячее болото мертваго закона, заданъ вопросъ, который его погубить. Священники, составляющіе центръ картины, составляютъ и основу ея содержанія. Привычная важность еще нѣсколько сдерживаетъ одного изъ нихъ, высокаго, чернобородаго съ сильною про-

сѣдью старца, но другой, рыжій, съ одутловатымъ лицомъ, весь обратился въ ненависть, дикую, безумную. Что для нихъ бѣдная дѣвочка! не все ли равно, растерзають ее или останется она жива? Она почти не существуетъ для нихъ; вся сила ихъ ненависти направлена на этого простого, спокойнаго человѣка, хладнокровно слушающаго ихъ вопли.

Что скажетъ онъ? Инстинктивно упираясь назадъ, конвульсивно сжавъ руки въ кулаки, стоитъ эта преступница-полуребенокъ, ожидающая казни или милости. Не знаю, намѣренно или нѣтъ, но Полѣновъ не сдѣлалъ изъ нея главной фигуры. Быть можетъ, для него не была важна сама жертва; быть можетъ, главная задача его, превосходно выполненная, состояла именно въ изображеніи толпы, о которой сейчасъ было говорено. Какъ бы то ни было, главныя лица евангельскаго разсказа въ картинѣ не поставлены на первый планъ. Я не могу согласиться съ толками о томъ, что грѣшница не похожа на грѣшницу, что Христа будто бы «искать надобно», что въ его изображеніи художникъ потерпѣлъ полную неудачу. Не видимъ ли мы каждый день на нашихъ улицахъ такихъ же грѣшницъ, только что выступившихъ на путь грѣха, за который въ библейскія времена побивали камнями? Взгляните на грѣшницу Полѣнова; не то же ли это, безпрестанно проходящее передъ нами наивное лицо ребенка, не сознающаго своего паденія? Она не можетъ связать его съ горькою участью, ее ожидающею, быть ра-

стерзанной толпой, побитой камнями; она какъ по-
павшійся дикій звѣрокъ, только жметъ и пятится;
и ея застывшее лицо не выражаетъ даже ужаса.
Мнѣ кажется, оно такъ и быть должно.

Христосъ Полѣнова очень красивъ, очень уменъ
и очень спокоенъ. Его роль еще не началась. Онъ
ожидаетъ; онъ знаетъ, что ничего добраго у него
не спросятъ, что предводители столько же, и еще
болѣе, хотятъ его крови, какъ и крови преступив-
шей законъ Моисеевъ. Чтобы ни спросили у него,
онъ знаетъ, что онъ съумѣетъ отвѣтить, ибо у него
есть въ душѣ живое начало, могущее остановить
всякое зло.

Полѣновъ взялъ всю сцену, какъ она, по его
представленію, должна была быть. Это не группа
съ театральныхъ подмостковъ, гдѣ есть главные
персонажи, тщательно одѣтые и загримированные,
съ художественно выраженными чувствами на ли-
цахъ, и есть толпа статистовъ, одѣтыхъ съ чужаго
плеча, нелѣпо разставившихъ руки и ноги и еще
болѣе нелѣпо и нецѣлесообразно корчащихъ шаб-
лонно-актерскую гримасу.

Скажу еще два слова о всей картинѣ. Она ла-
скаетъ глазъ зрителя прелестью освѣщенія, живымъ
расположеніемъ сцены и интересными подробностями.
Она красива и интересна даже и для того, кто не
захочетъ найти въ ней внутренняго содержанія, или
не сможетъ найти его. Взгляните на фигуры зад-
няго плана, на нищаго калѣку, усѣвшагося на лѣст-

ницѣ, на важнаго священника, которому какой-то левить менѣ важнаго ранга докладываетъ о случившемся, на выступившаго впереди всей картины терпѣливо - добродушнаго ослика, прищурившаго глаза и развѣсившаго мохнатыя уши. Одна его морда, вырѣзанная изъ полотна, могла бы, подъ названіемъ «Портретъ осла», служить украшеніемъ иной выставки. Необыкновенно пріятное впечатлѣніе производитъ также отсутствіе сухой академической условности въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ. Въ картинѣ нѣтъ ни одной, что называется драпировки; все это настоящее *платье*, одежда; и художникъ, пристально изучившій Востокъ, сумѣлъ такъ одѣть своихъ героевъ, что они, дѣйствительно, носятъ свою одежду, живутъ въ ней, а не надѣли для подмостковъ или для позирования передъ живописцемъ.

Картину купилъ Государь. Если рѣшено, какъ говорятъ, помѣстить ее въ Эрмитажѣ, то его посѣтителямъ будетъ оказана большая услуга.

II.

Другая крупная по размѣру и по содержанію картина выставки— «Боярыня Морозова» Сурикова. Опять толпа и опять преступница. Но преступница— не робкая, запуганная дѣвочка, а женщина въ полномъ сознаніи своей правоты и силы, и толпа не разъяренная, готовая растерзать, а толпа созерцающая, свидѣтельница подвига.

Одна изъ знатнѣйшихъ боярынь своего времени *), уже во время немилости къ ней царя Алексѣя Михайловича назначенная говорить «царскую титулу» на свадьбѣ его съ Н. К. Нарышкиной, т. е. занимать первое, среди боярынь, мѣсто въ царскомъ свадебномъ чинѣ, вдова брата знаменитаго друга царя Михаила, воспитателя царя Алексѣя, въ теченіе всей его молодости бывшаго правителемъ государства,—скованная по рукамъ, брошена въ убогія дровни, не прикрытая даже рогожей, и подъ карауломъ стрѣльцовъ отправлена въ тюрьму (Печерскій монастырь). Что могла сдѣлать эта женщина? За что ее вытащили на всенародный позоръ.

Она сама говоритъ намъ это. Высоко поднявъ гордую голову съ полубезумнымъ выраженіемъ экстаза, она широко размахнула руками, скованными желѣзами и, поднявъ правую, сложила ее двуперстнымъ знаменіемъ. «Такъ крещусь, тако же и молюсь!» восклицаетъ она. Что для нея эти «юзы»! Когда за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ близкій человекъ говорилъ ей о томъ, что, навлекая гнѣвъ царя, она можетъ погубить своего маленькаго сына, «красотѣ котораго сколько разъ государь, и съ царицею, удивлялись» («а ты его ни во что полагаешь!»), она отвѣтила: «Христа люблю болѣе сына. Вотъ что прямо вамъ скажу. Если хотите, выведите моего сына Ивана на Пожаръ и отдайте его

---

*) Домашній бытъ русскихъ царицъ, Забѣлина, стр. 105—148.

на растерзаніе псамъ, устрашая меня, чтобы я отступилась отъ вѣры... не помыслю отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту, псами растерзанную!»

Она была ревнительницей древняго благочестія. Два перста, «Исусъ» были святыней души ея вмѣстѣ со старымъ складомъ жизни по идеаламъ Домостроя, душнымъ, темнымъ, въ который въ ту эпоху едва лишь началъ проникать свѣтъ настоящей человѣческой жизни. Какъ пчелы замазываютъ воскомъ и узбою всякую лишнюю щель въ своемъ ульѣ, такъ и она стремилась схорониться отъ свѣта; завела въ своемъ домѣ обитель изъ пяти старицъ, пріютъ для всевозможныхъ нищихъ и юродивыхъ, радовалась «зря въ нощи на правилѣ себя съ ними стоящую»; сама постриглась и отдала себя подъ начальнѣкоей матери Меланіи, жещинѣ, какъ видно, тупой, безконечно ниже ея стоявшей, отдала, ибо «зѣло желаше насытною любовію иноческаго образа и житія».

Протопопъ Аввакумъ былъ вѣрнымъ ея другомъ и наставникомъ. Другіе ревнители старой вѣры поддерживали и подкрѣпляли ее. Интересны совѣты ихъ, служившіе ко спасенію души. «Въ нощи возставъ, соверши *триста* поклоновъ и *семьсотъ* молитвъ... Въ вечеру мѣру помни сидѣть; поклоны, егда метаніе по колѣну твориши, тогда главу впрямъ держи; егда же великій прилучится, тогда главою до земли; и ноцію *триста* метаній на колѣну твори. Егда совершиши *сто* молитвъ, стоя тогда «слава

и нынѣ, аллилуія и тутъ три поклона великіе бывають»... и т. д. и т. д. И она прилѣпилась сильною, но темною душою къ этому міру поклоновъ, гдѣ истинными героями являлись люди, подобные юродивому Ѳедору, который «часъ другой полежить (ночью) и встанеть, тысячу поклоновъ отбросаетъ... а иное стоя часа съ три плачетъ». «Много добрыхъ людей знаю, а не видѣлъ (такого) подвижника», говоритъ про него Аввакумъ *) «На Устюгѣ пять лѣтъ безпререстанно на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ, я самъ сему самовидецъ». Самъ Ѳедоръ говорилъ: «какъ отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло въ тѣ поры тяжело бываетъ: по кирпичю тому ногами тѣми стучаешь, что каганьемъ; а на утро опять не болятъ».

Что же это за удивительная жертва, чему она приносится? Велика была ея потребность и не было ей исхода. Не было живой жизни, широко раскрывшей бы передъ Ѳедосьей Прокопьевной свои объятія, куда бы она могла отдать свою дѣятельную любовь, страстность, энергію и самоотреченіе. Какъ въ темномъ ящикѣ, жили люди, создавая себѣ искусственный, призрачный міръ привязанностей. Всѣ они говорили о Христѣ, но подъ «Христомъ» подразумѣвалось только бессмысленное сложеніе перстовъ, да надобность «отбрасывать» тысячи поклоновъ и отмораживать свои ноги до того, чтобы онѣ по «кирничю стучали». Слабые лучи свѣта новой жизни

---

*) Житіе Аввакума, изд. Тихонравова, стр. 81, 82.

бѣзпокои́ли эти́хъ мучениковъ для мученичества; они видѣли, что ихъ призраки блѣднѣютъ, а когда засіяетъ этотъ свѣтъ, счита́вшійся ими дьявольскимъ наводне́нiемъ, то и совсѣмъ исчезнутъ, а въ жертву этимъ призракамъ было уже принесено много, такъ много, что они не могли не сдѣлаться драгоцѣнными. И они ненавидѣли этотъ свѣтъ, похищавшiй ихъ сокровище. И на картинѣ Сурикова, и въ дѣйствительности бѣдная женщина столько-же ненавидѣла вражiй мiръ, сколько любила свои призраки.

Она кончила жизнь, не уступивъ ни на iоту. На «увѣщанiяхъ» она держала себя такъ, что ей сказали: «послѣ того ты не Прокопьева дочь, а бѣсова дочь». Она радовалась, когда ее подняли на дыбу, и говорила: «вотъ что для меня велико и по истинѣ дивно: если сподоблюсь огнемъ сожженiя въ срубѣ на Болотѣ. Это мнѣ преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала».

Ее сослали вмѣстѣ съ сестрою, раздѣлившею ее подвигъ, въ Боровскъ. Тутъ, въ гнилой земляной тюрьмѣ, она скончалась почти отъ голода. Въ полномъ изнеможенiи она просила караулившаго ее стрѣльца: «Очень изнемогла я отъ голода и хочу ѣсть. Помилуй меня, дай мнѣ калачика». — Боюсь, госпожа, отвѣтилъ стрѣлецъ. — «Ну, хлѣбца». — Не смѣю. — «Ну, мало сухариковъ». — Не смѣю. — «Ну, принеси мнѣ яблоко или огурчиковъ». Стрѣлецъ не смѣлъ ничего дать ей. «Добро чадо! Благословенъ Богъ нашъ, изволивыйъ тако! Если невозможно тебѣ

это, то сотвори послѣднюю любовь: убогое это тѣло мое покройте рогожкой и положите меня подлѣ сестры неразлучно».

Умирая, она просила вымыть ей сорочку. Воинъ взялъ ее и снесъ на рѣку и тамъ, «моя водою малое это платно», лицо свое слезами омываль, жалѣючи боярыню.

Такъ кончила жизнь вельможная жена, владѣтельница 8,000 душъ крестьянъ и имѣнія, оцѣниваемаго на наши деньги въ нѣсколько милліоновъ.

Картина Сурикова удивительно ярко представляетъ эту замѣчательную женщину. Всякій, кто знаетъ ее печальную исторію, я увѣренъ въ томъ, навсегда будетъ покоренъ художникомъ и не будетъ въ состояніи представить себѣ Федосью Прокопьевну иначе, какъ она изображена на его картинѣ. Такъ Грознаго трудно вообразить въ иной тѣлесной оболочкѣ, чѣмъ та, какую придали ему Антокольскій и Рѣпинъ. Изможденное долгимъ постомъ, «метаніями» и душевными волненіями послѣднихъ дней лицо, глубоко страстное, отдавшееся одной безцѣнной мечтѣ, носится передъ глазами зрителя, когда онъ уже давно отошелъ отъ картины. Толкуютъ, о какой-то неправильности въ положеніи рукъ, о какихъ-то невѣрностяхъ рисунка; я не знаю, правда ли это, да и можно ли думать объ этомъ, когда впечатлѣніе вполне охватываетъ, и думаешь только о томъ, о чемъ думалъ

художникъ, создавая картину, объ этой несчастной, загубленной мракомъ женщинѣ.

Толпа Сурикова, само собою разумѣется, не такъ живописна, какъ толпа Полѣнова. Она одѣта не въ граціозные библейскіе костюмы, она не залита южнымъ солнцемъ и расположена не передъ входомъ въ знаменитый, прекрасный храмъ, а тѣснится на сугробахъ снѣга, на узкой московской улицѣ, среди странныхъ маленькихъ построекъ, расписанныхъ съ причудливостью неразвитаго вкуса. Но грубые московскіе люди въ шубахъ, тѣлогрѣяхъ, торлопахъ, неуклюжихъ сапогахъ и шапкахъ, стоятъ передъ вами, какъ живые. Такого изображенія нашей старой, допетровской толпы въ русской школѣ еще не было. Кажется, вы стоите среди этихъ людей и чувствуете ихъ дыханіе.

Художникъ ясно показалъ отношеніе тогдашняго къ непокорной боярынѣ. Тутъ есть и свои, и чужіе, и равнодушные. Изъ своихъ, первая—сестра Морозовой, кн. Авдотья Прокопьевна Урусова, съ плачемъ идущая рядомъ съ санями, въ которыхъ влекутъ сестру. Тутъ и другіе явные сторонники старой вѣры: странникъ съ котомкой и нищая старуха съ сумой, стоящая на колѣняхъ, не скрывающіе своего сочувствія къ плѣнницѣ, и превосходно задуманная и выполненная фигура юродиваго, сидящаго босикомъ и въ рубищѣ на снѣгу. Это не Федоръ, который въ то время уже былъ повѣшенъ, а одинъ изъ подобныхъ ему. Его багровыя отъ мороза, скрю-

ченныя ноги, полунагое тѣло, едва прикрытое грязнымъ рубищемъ, тяжкія вериги, воспаленныя, гнойныя глаза, облысѣлая голова безъ шапки, повязанная платкомъ, возбуждаютъ состраданіе и ужасъ. Онъ такъ же, какъ и Морозова, выставилъ общее имъ знамя: сложилъ руку двуперстнымъ знаменіемъ и показываетъ его ей, какъ бы говоря: «такъ, такъ, государыня! обличай блудню еретическую». Глубокую жалость возбуждаютъ эти несчастные, гибнущіе изъ-за призраковъ!

Кромѣ этихъ людей, никто не смѣетъ выразить своего сочувствія такъ открыто и смѣло. Женщины большею частью молчатъ; горько пригорюнившись, стоитъ богатая старуха; испуганно выглядываютъ монахини, быть можетъ, тѣ изгнанныя инокини, которыхъ приютила въ дому своемъ мученица; только не видно между ними старицы Меланіи. Она умѣетъ только учить смиренію и посту, грозитъ потерю спасенія и не попадаетъ ни на виску, ни въ гнилую боровскую тюрьму. Есть въ толгѣ и равнодушные, совсѣмъ посторонніе: татаринъ, глазѣющій на зрѣлище, иностранецъ въ чудной шапкѣ, вдумчиво смотрящій на странную, мало понятную ему сцену. Нѣсколько мальчиковъ, тоже прибѣжавшихъ посмотрѣть на увозъ боярыни, представляютъ собою замѣчательное разнообразіе и типовъ, и отношенія къ зрѣлищу. Съ жаднымъ любопытствомъ бѣжитъ одинъ изъ нихъ, размахивая какъ-то всѣмъ тѣломъ, одѣтымъ въ нагольный тулупъ и ногами, обутыми въ бархатные

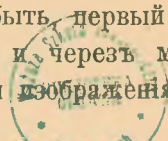

шитые сапоги; его лица не видно, но зрителю ясно, что это зѣвака, который ни за что не пропустит интереснаго зрѣлища. Въ другомъ зашевелилась мысль: онъ уперся глазами въ лицо этой странной женщины, выкрикивающей свое исповѣданіе; трудно понять ему, въ чемъ именно дѣло, но онъ чувствуетъ, что оно идетъ о правдѣ и неправдѣ, и родившаяся мысль растетъ; превосходно выразилъ это художникъ. Невольно, смотря на этого мальчика, думаешь о томъ, что онъ будущій сподвижникъ только-что родившагося тогда Петра. Тутъ и третій, невинно скалящій зубы, потому что видитъ, что другіе смѣются. А смѣются многіе. Смѣется мужикъ, везущій боярыню и замахнувшійся вожжами на лошадь, медленно выбирающуюся изъ сугробовъ; смѣется бояринъ, смѣется и попъ. Ему, можетъ быть, и нѣтъ дѣла до того, какъ слагать персты: онъ крестится такъ, какъ повелѣли Великій Государь и святѣйшій патріархъ. Онъ оскалилъ беззубый ротъ и ехидно усмѣхается, глядя на бунтовщицу.

Я долженъ признаться, что, по моему мнѣнію, въ изображеніи этого попа художникъ не совсѣмъ правъ. Очевидно, онъ не любитъ этого попа, онъ немного даже подчеркиваетъ: смотрите, подлый чело-вѣкъ радъ насилію. Такъ задуманный, попъ выполненъ необыкновенно живо и хорошо. Но если разобрать хорошенько, кто былъ настоящимъ, *внутреннимъ* насильникомъ, то окажется, пожалуй, что не угнетаемые. О, дайте этой Морозовой, дайте

вдохновляющему ее, отсутствующему здѣсь Аввакуму власть,—повсюду зажглись бы костры, воздвиглись бы висѣлицы и плахи, рѣкой полилась бы кровь, и бездушные призраки приняли бы многую жертву. Аввакумъ, не имѣя власти, находилъ возможность учить «лаею» и жезломъ, и стегалъ ремнемъ несогласныхъ съ нимъ въ самой церкви. Что же бы сдѣлалъ онъ на мѣстѣ патріарха и тихаго царя, доведеннаго до измора, выведеннаго изъ терпѣнія упорствомъ женщины, которую и онъ, въ челѣ всего московскаго общества, цѣнилъ и уважалъ, и которую онъ только послѣ большихъ нравственныхъ терзаній послалъ на освященную вѣками, неизбѣжную виску?

Да, велика сила слабости! Какая бы дикая, чуждая истинной человѣчности идея ни владѣла душой человѣка, какіе бы мрачные призраки ни руководили имъ, но если онъ угнетенъ, если онъ въ цѣпяхъ, если его влекутъ на пытку, въ заточеніе, въ земляную тюрьму, на казнь,—толпа всегда будетъ останавливаться передъ нимъ и прислушиваться къ его рѣчамъ; дѣти получаютъ, можетъ быть, первый толчокъ къ самостоятельной мысли и черезъ много лѣтъ художники создадутъ дивныя изображенія его позора и несчастія.

I.

ПЛЪНИЦА.

Прекрасная пальма высокой вершиной
Въ стеклянную крышу стучить.
Пробито стекло, изогнулось желѣзо,
И путь на свободу открыть...

И отпрыскъ отъ пальмы султаномъ зеленымъ
Поднялся въ пробоину ту;
Надъ сводомъ прозрачнымъ, подъ небомъ лазурнымъ.
Онъ гордо глядитъ въ высоту.

И жажда свободы его утолилась:
Онъ видитъ небесный просторъ,
И солнце ласкаетъ (холодное солнце!)
Его изумрудный уборъ.

Средь чуждой природы, средь странныхъ собратій,—
Средь сосенъ, березъ и елей
Онъ грустно поникнулъ, какъ будто-бы вспомнилъ
О небѣ отчизны своей.

Отчизны, гдѣ вѣчно природа пируетъ,
Гдѣ теплыя рѣки текутъ,
Гдѣ нѣтъ ни стекла, ни рѣшотокъ желѣзныхъ,
Гдѣ пальмы на волѣ растутъ.

Но вотъ онъ замѣченъ; его преступленье
Садовникъ исправить велѣлъ,—
И скоро надъ бѣдной, прекрасною пальмой
Безжалостный ножъ заблестѣлъ.

Отъ дерева царскій вѣнецъ отдѣлили,
Оно содрогнулось стволомъ,
И трепетомъ шумнымъ отвѣтили дружно
Товарищи-пальмы кругомъ.

И снова задѣлали путь на свободу,
И стекла узорчатыхъ рамъ
Стоять на дорогѣ къ холодному солнцу
И блѣднымъ чужимъ небесамъ.

3 марта 1876 г.

II.

Нѣтъ, не дана мнѣ власть надъ вами,
Вы, звуки милые поэзіи святой;
Не долженъ я несмѣлыми руками
Касаться лиры золотой.
Но если сердце злобой разгорится,—
И мстить захочетъ слабая рука,
Я не могу разсудку покориться,—
Одолѣваетъ злобная тоска,

И я сиѣшу въ больныхъ и буйныхъ звукахъ
Всю желчь души истерзанной излить,
Чтобъ хоть на мигъ одинъ забыть о мукахъ
И язвы сердца утолить.

Январь 1876 г.

III.

С В Ъ Ч А.

Свѣча погасла, и фитиль дымящій,
Зловонный чадъ обильно разносящій.
Во мракѣ красной точкою горить.
Въ моей душѣ погасло пламя жизни
И только искра горькой укоризны
Своей судьбѣ дымится и чадить.
И рѣетъ душный чадъ воспоминаній
Надъ головою, полной упованій
Въ дни лучшіе на настоящій мигъ.
И что обмануть я мечтой своею,
Что я уже напрасно въ міръ тлѣю,
Я только въ этотъ скорбный мигъ постигъ.

15-

091668

8 1 73

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

99043

Biblioteka WSP Kielce

0161391